

РЕКС

роман

**Анатолий
ЕРОШКИН**

г. Петрозаводск

Из дневника в прошлом армейского капитана, а ныне – внештатного корреспондента городской газеты Дмитрия Петровича Самойлова:

«Собаки приходят в этот мир вовсе не для того, чтобы хрипеть от ярости и быть готовыми вцепиться в глотку. Если вы встретили на своём пути подобную псину, знайте: это люди сделали её такой».

Часть первая Я ПРИШЁЛ ВАМ НА РАДОСТЬ!

Весенний городской сквер – лучшее место для вечерней прогулки. В этом был убеждён Рекс – пятилетний, полный сил и энергии «немец». Так сокращённо называют собачники немецких овчарок. Чёрно-рыжий, шестьдесят два сантиметра в холке и вес почти сорок килограммов – Рекс был прекрасным представителем своей породы. Это не раз подтверждали строгие судьи на выставках. Хотя самому Рексу не было дела до титулов – «победитель» или «призёр», равно как и до медалей, любовно вывешенных на видном месте в их с Петровичем квартире.

Петрович – это хозяин. Правда, Рекс считал его своим другом, самым лучшим, самым преданным, самым заботливым, короче, самым-самым. Да вон он сидит на садовой скамейке, ждёт, пока пёс нагуляется вдоволь, набегается, надышится весенним воздухом. Петрович – худощавый, спокойный, расслабленный. Аккуратно подстриженные чёрные с проседью волосы ничем не покрыты. Серые добрые глаза прищурены. В жёсткой большой ладони правой руки стального цвета «звонилка», имеющая привычку отвлекать хозяина отвратительной трелью от важных дел вроде кормления Рекса или весёлой возни с ним.

Рекс подбежал к Петровичу, доверчиво ткнулся мокрым чёрным носом в его колени.

Хозяин ласково потрепал его прохладные уши. Пёс замер от прикосновения человеческих рук, сощурил глаза.

— Что, дурашка, проверить меня пришёл? — усмехнулся Петрович. — Иди-иди, побегай ещё, никуда я не денусь.

Петрович легонько отпихнул от себя собаку. Рекс как будто только этого и ждал, отскочил от скамейки, гавкнул от переизбытка чувств да и припустил по асфальтовой дорожке в глубь сквера. Петрович посмотрел ему вслед, а потом вернулся к прерванному занятию — усталился в экран смартфона. Он как раз собирался позвонить своему приятелю Виталию, а по совместительству — владельцу Джуны.

Джуна — самка той же породы, что и Рекс. И знакомы они уже давно, года три, не меньше. Можно даже сказать, что у них любовь. Собаки периодически встречались на даче у Виталия и искренне радовались этим свиданиям. Носились, играли и дурачились во дворе за высоким забором, как беззаботные подростки. Заканчивалось же всё всегда одинаково. Петрович увозил Рекса домой, а Виталий окружал заботой оплодотворённую Джуну. Щенки немецкой овчарки обычно продавались до тридцати тысяч рублей, но потомство Джуны и Рекса котировалось выше. Отличный экстерьер и коллекции наград отца и матери поднимали цену на их сыновей и дочек чуть ли не в два раза. Да ещё и очередь за ними выстраивалась!

Последний раз Джуна встречалась с Рексом пару месяцев назад, потому и собрался звякнуть Петрович приятелю: подошёл срок, вот-вот должны были появиться на свет щенки.

Виталий ответил почти сразу, будто ждал звонка:

— Алло, Петрович! Здорово! Ты, наверно, блин, где-то здесь видеокамеру установил и подглядываешь за нами.

— Привет, Виталия! А что такое?

— Так Джуна рожать собралась, и ты сразу названиваешь! — засмеялся приятель. — Признавайся, за нами подглядываешь?

— Естественно! — не стал возражать Петрович. — Ты от меня даже в сортире не спрячешься, везде жучки и камеры я понатыкал!

— Я так и знал! — хохотнул Виталий. — Мо-

жет, ты уже в курсе, сколько щенков у Джуны будет?

— Велика тайна! — насмешливо фыркнул Петрович. — Шесть.

— Ну, ты даёшь! — восхитился приятель. — Мне об этом наш Айболит только минуту назад сказал.

— Поживёшь с моё, тоже всё знать будешь. — Петрович был старше Виталия на полгода и частенько при разговоре с ним в шутливой форме подчёркивал это. — А если серьёзно, то у Рекса с Джуной всегда шесть детишек получается, только один раз семь было. А ты чего, сомневался в его «квалификации»?

— Сомневался бы, не сводил бы Джуночку с таким охламоном... Всё, Петрович, зовут меня! Наверно, уже рожают. Пока. Позвоню, как всё закончится.

Петрович откинулся на спинку скамейки, прикрыл глаза и улыбнулся. Приятель возбуждён, как всегда в такой ситуации. Как будто первый раз Джуна щенится. Сколько раз уже это было? Три или четыре? Неважно. А сколько ей ещё предстоит выносить щенков от Рекса! Вряд ли Виталия будет подыскивать своей любимице другого партнёра. Уж очень хорош Рекс в отцовском качестве. Да и то, что он нравится Джуне, тоже нельзя сбрасывать со счетов. Кстати, где он?..

Петрович открыл глаза, но вместо Рекса увидел возле скамейки троих великовозрастных шалопаев лет семнадцати-девятнадцати. Судя по их ухмылочкам и прищуренным взглядам, встреча не предвещала Петровичу ничего хорошего.

— Эй, дядя! — сказал, словно сплюнул, самый высокий из шпаны. — Закурить не найдётся?

Петрович только головой покачал. Ничего не меняется в этом мире! Даже фраза, с которой начинается заурядный гоп-стоп. Тридцать лет назад, когда Петровичу было столько же, сколько этим юнцам, именно такими словами начиналось вытряхивание карманов и портмоне прохожих. Иногда даже мордобой, если попадался скорый на кулак боксёр или, того хуже, вчерашний сиделец. А уж если друзья-товарищи терпилы появлялись, то и до поножовщины недалеко было.

— Шли бы вы своей дорогой, ребятки! — устало посоветовал троице Петрович. — А то как бы не огорчить вас...

— Глянь, Лысый! — нехорошо осклабился высокий. — Этот лох ещё и разговаривает! Объясни ему, что не надо выёживаться, пусть отдаёт свою мобилу и лопатник и валит по-хорошему.

Петрович ещё раз, теперь уже оценивающе, посмотрел на гоппиков. Лысый, к которому обратился главарь, был коренаст и накачан. Но неповоротлив. В настоящей драке вряд ли представляет серьёзную опасность. Третий — вообще доходяга. Низкорослый и худой, берёт всегда только наглостью, на большее не способен. А вот высокий не зря верховодит в тройке. Чувствуется по его экономным плавным движениям, что где-то натаскивали главаря на драку. Не то чтобы профессионально, но довольно-таки хорошо.

Страха не было. Петрович, несмотря на свой вполне миролюбивый вид, был по натуре жёстким, прошедшим суровую жизненную школу мужиком. Служба в армии, в основном в горячих точках, в том числе в полыхающей Чечне, много значила. Как и первый разряд по рукопашке, хоть и давненько полученный, но всё же. Да и утренние пробежки с Рексом в купе с еженедельным посещением «качалки» поддерживали его, несмотря на маячащий уже на пороге «полтинник», в приличной форме.

Пацаны оценкой противника себя не утруждали. Ну, сидит мужик на лавочке, мямлит чего-то. Это всё от страха, чуть шугануть, как миленький бабло из карманов вытряхнет. Если же совсем дурак, то по хлебальнику получит, но всё равно ни с чем останется.

Получивший приказ главаря Лысый враскачку шагнул к Петровичу:

— Ты чо, мужик! Не слыхал, чо тебе Зыря приказал? Выворачивай карманы, пока я добрый.

Петрович спокойно встал, неторопливо засунул руку во внутренний карман куртки. Глаза Лысого внимательно следили за рукой. Туповат он был и неопытен. Не туда смотреть надо было. Петрович резко, без замаха ударил лбом в переносицу качка. Громко хрустнула ломающаяся кость. Лысый постоял секунду,

разводя глаза в разные стороны, и рухнул под ноги Петровичу. Брызнула во все стороны небольшая весенняя лужица, принявшая тело неудачливого налётчика в свои объятия.

Мелкий грабитель, приоткрыв рот, глядел на поверженного приятеля. Он так и не понял, что произошло с ним, таким здоровым и сильным. А вот длинный Зыря среагировал мгновенно. Отскочил на безопасное расстояние и сунул правую руку в карман куртки. Губы его скривились в хищной усмешке, он прошипел:

— Ну, всё, козёл! Допрыгался! Хана тебе!

— Слышь, паря! — попытался осадить юнца Петрович, зорко следя за каждым его движением. — Забирайте своего толстяка и валите отсюда. Не то я разозлюсь по-настоящему!

Зыря медленно вытащил руку из кармана. На её пальцах тускло блеснул никелированный кастет. Петрович только вздохнул тяжко. Судя по всему, рыцарские понятия его молодости, когда не били лежащего и уж тем более не пускали в ход кастет в драке, были для его супротивника чем-то давно устаревшим и выброшенным за ненадобностью на свалку истории. Что ж, пусть будет так. Приняв боевую стойку, Петрович ждал Зырино нападения. Но тот почему-то медлил — то ли запоздало оценивал бойцовские качества строптивного мужика, то ли просто не решался начать первым.

Рекс в это время загнал на дерево рыжую пушистую кошку и весело облаивал её, оперев передние лапы на ствол. Кошка возмущённо шипела в ответ. С чувством юмора у породы кошачьих было плоховато. То, что Рекс воспринимал как забавную игру, для них означало борьбу за выживание. И это при том, что за все пять лет своей жизни Рекс не обидел ни одного, даже самого нерасторопного кота, не сумевшего улепетнуть от него. Такая веселуха могла продолжаться долго, но вдруг Рекс напрягся — далеко отошёл от хозяина. До него не донеслось ни запахов, ни звуков от скамейки, на которой он оставил Петровича. Знобкая волна близкой опасности накрыла его. Шерсть на загривке вздыбилась, горло издало утробный рык. Рекс, позабыв о шипящей кошке, развернулся на сто восемьдесят граду-

сов и застыл, наострив чуткие уши. Смутные голоса издали долетели до него: спокойный — Петровича и напряжённый незнакомый. Рекс, подняв нос, втянул через ноздри прохладный весенний воздух. Так и есть, чей-то неизвестный тяжелый дух примешивался к хозяйскому запаху и таил в себе угрозу.

Больше Рекс не размышлял ни секунды. Сорвавшись с места с глухим ворчанием, он напрямки через садовые дорожки, кусты и подтаявшие сугробы рванул на помощь Петровичу. Он ещё не знал, сколько у него врагов и кто они, не представлял опасности, ждущей его, но это всё было неважно. Петрович! Ради друга Рекс был намерен сразиться с неведомыми врагами в любом количестве. Рвать клыками, биться не на жизнь, а на смерть. Его сильное тело было готово к схватке, крепкие лапы несли его к хозяину ровными быстрыми толчками. Уши прижаты, зубы оскалены, глаза зорки. В минуту угрозы Рекс переродился мгновенно. Это был уже не добродушный пёс, забавляющийся погонями за представителями семейства кошачьих, а боевая машина, остановить которую могла только сила, превосходящая его собственную как минимум вчетверо.

А у скамейки возрастал накал злобы и страха. Длинный махнул кастетом. Петрович легко увернулся. Нападать сам он не хотел, ждал удобного момента, чтобы нанести один, но точный удар.

— С-су-ука! — прошипел промахнувшийся главарь гопников и неожиданно принялся махать ногами.

— Потихе, паря! — посоветовал ему Петрович. — А то свалишься ненароком.

Противник его не слышал, продолжая мести своими ходулями весенний воздух. И подставился-таки. Улучив момент, Петрович присел и резким выпадом своей ноги подсеё опорную ногу Зыри в момент нанесения удара. Размахивающий своим разбойничьим оружием главарь кубарем покатился по дорожке. Зазвенел по асфальту слетевший с его пальцев кастет. Петрович перевёл дух и усмехнулся. Похоже, бой выигран им вчистую. Честь и хвала чемпиону! Литавры, барабанная дробь и что там ещё врубают в честь победителя?

Но подбегавший к месту стычки Рекс видел то, что выпало из поля зрения Петровича. Увлечённый борьбой с Зырей, хозяин совершенно позабыл о малахольном пацанчике, третьем в компахе, напросившейся на полновесные трендюли от него. Да и какую опасность мог представлять низкорослый недоносок, смывшийся куда-то с началом схватки?

Рекс видел какую! Недооценённый Петровичем сопляк никуда не сбежал. Как злобный зверёныш, он зашёл к нему за спину и вытащил из кармана «выкидуху» — пружинный нож с хищно блеснувшим лезвием. Ждал, когда представится случай пырнуть умеющего дать отпор мужика. Никакой подлянки в своих действиях он не видел, в драке все средства хороши — хоть бита, хоть кастет, хоть нож, хоть топор. Главное — победить! Ну, и обчислить поверженного неприятеля.

Рекс стремглав выскочил из кустов и бросился на вооружённого ножом парня, грозно зарывчав. Это была его ошибка. Если бы он ринулся на врага молча, как делают большинство хищников, то не выдал бы себя раньше времени. Но Рекс не был волком. Его предками до самого распоследнего колена были собаки, делившие испокон веку с человеком кров, пищу, невзгоды и радости. И он просто не мог без предупреждения напасть на тех, кого привык считать хоть и чужими, но друзьями собак.

Трясущийся от своей храбрости, вызванной страхом, доходяга обострённым в минуту напряжения слухом уловил рычание Рекса и резко развернулся в его сторону. А тот был страшен в своём благородном порыве стать на защиту хозяина. Оскаленные клыки и вздыбившаяся на загривке шерсть не оставляли сомнений в намерениях пса. Прыжок — и сорок разъярённых килограммов полетели прямо на врага. Малахольный взвизгнул и присел от ужаса, инстинктивно выставив вперёд руку с жалом ножа. На него-то и напоролся грудью рассерженный Рекс. Острая сталь вошла прямо в сердце. Чудовищная боль пронзила Рекса от ушей до кончиков лап. Завалившись набок, он ещё царапал когтями асфальт, пытался подняться, но глаза уже застилала белёсая муть, а тело отказывалось повиноваться. Откуда-то издали до него донёсся полный от-

чаяния крик Петровича: «Ре-е-екс!!!» Он хотел вильнуть хвостом в ответ, но лишь чуть-чуть шевельнул им.

Если до этого момента Петрович был опасен как боец, то при виде поверженного Рекса вид его стал так страшен, что и Зыря, и очнувшийся Лысый, и убийца-недоросль, прихрамывая, рванули от него изо всех сил, спасая свои никчёмные шкуры от справедливого возмездия.

Но Петровичу было уже не до них. Встав на колени возле Рекса, он приподнял тяжёлую ушастую голову и позвал дрожащим голосом:

— Рекс, дурашка! Ты чего? Вставай!

Рекс из последних сил приоткрыл налившиеся свинцом веки и попытался лизнуть склонившегося к нему хозяина в нос. Но на это ему уже не хватило жизни.

Петрович поднял тяжёлое ослабевшее тело Рекса на руки, обхватив, крепко прижал к своему гулко бьющемуся в тоске сердцу и побрёл с ним к выходу из сквера.

— Врача! Помогите! Скорее врача! — шептал Петрович, хотя самому ему казалось, что кричит во всё горло.

Кровавая дорожка стелилась за мужчиной с верным другом на руках. Позади уходящих в обнимку друзей, один из которых покидал другого навсегда, обиженно зазвонил забытый Петровичем на скамейке телефон. «Виталий» высветилось на экране. Приятель хотел сообщить, что Рекс в очередной раз стал отцом.

Из дневника Петровича:

«Рекс — самое дорогое, что есть в моей беспутной жизни. Армия, которой отдал почти четверть века, не способствовала семейной жизни. Вот и остался один. Рекс спас меня от одиночества, тоски, пьянства — вечных спутников отставников. Рекс и работа в редакции. Внештатником, но всё же. Говорят, хорошо пишу. Не знаю. А дневник начал вести, чтобы легче обращаться со словом. Заодно и навыки брэнчания по клавиатуре улучшить. Раньше-то всё больше с «калашом» и «макарычем» дело имел.»

— ...Ну что, обмоем потомство? — радостно возвестил Виталий, откладывая в сторону мо-

бильник и доставая из холодильника бутылку водки.

Круглое его лицо сияло. В меру полный, в меру рыжий, в меру активный, Виталий был эталоном довольного жизнью военного пенсионера. А что?.. Приличная пенсия бывшего прапорщика-интенданта, жена, дача, машина... Что ещё нужно человеку? А в настоящий момент вообще всё здорово: Джуна ошенилась без осложнений, жены дома нет, а выпивка есть!

— «Посольская» устроит? — спросил Айболита Виталий.

Рано польсевичий и растолстевший ветврач Михаил Львович Зайцев, вытирая вафельным полотенцем только что тщательно вымытые руки, согласно кивнул:

— Конечно! «In vino veritas, in aqua sanitas!» — и сам же перевёл с латыни: «Истина — в вине, здоровье — в воде!» Ты кому звонил, Виталий?

— Рексу. Хотел поздравить с отцовством, — засмеялся в ответ гостеприимный хозяин, расставляя на столе салатники и тарелочки с заранее приготовленными закусками. — Но Петрович что-то не отвечает, хотя сам звонил с час назад.

— Ну мало ли какие дела могут быть у человека, — философски пожал плечами Михаил Львович. — Перезвонит, куда не денется.

— Конечно! — легко согласился Виталий, разливая по стопкам холодную водочку. — Ну давай за щенков, чтоб всё у них хорошо было!

Мужчины чокнулись и выпили. Виталий — молча, а ветврач крякнул со вкусом и смачно захрустел маринованным огурчиком.

— М-м-м! Знатные у тебя огурцы. Сам делаешь?

— Ага, «сам!» — иронично повторил Виталий. — Сам я только теплицу на даче ремонтирую да навоз раскидываю. На подхвате, блин! А огурчики и выращивает, и собирает, и в банки закатывает Люба моя, жена.

— Кстати, где она? Гляжу, сегодня холостякуешь?

— Уехала к родителям. Не могу, грит, смотреть, как Джуна мучается. Да и ворчит, что со щенками в квартире хлопот много... Вот я её и отправил погостить...

— И что теперь? Так и будет у отца с матерью висеть, пока щенки не вырастут? — спросил Михаил Львович. — Ты имей в виду,

что раньше чем через два месяца их от мамки отрывать нельзя. Лучше, конечно, ещё позже.

— Да знаю я, — отмахнулся от поучений Виталий, наливая по второй. — Поживут они дома, пока глазки не откроются, а там я их на дачу вместе с Джуной отвезу. И им хорошо, и мне там пора весенне-полевыми работами заняться. Ну, давай! За Джуну, мать её так!

Мужчины снова выпили, закусили. На этот раз основательно, не одним огурчиком. И потекла неспешная застольная беседа.

— Ты береги свою Джуну, — наставительно говорил хозяину слегка захмелевший Михаил Львович. — Она у тебя сучка первостатейная. В хорошем смысле этого слова. И Рекс этот, что щенков ей заделал, тоже кобель хоть куда. Bonus pater familias.

— Чего, блин?

— Хороший отец семейства. И вообще Рекс с Джуной — отличная пара! Кабы не моя работа, я бы тоже себе от них щенка взял.

— А чем тебе работа-то помешала? — удивился Виталий.

— Веришь, нет? Всегда собак любил, потому и ветеринаром стать захотел. Но как насмотришься на этой работе, что человеческие твари с божьими тварями вытворяют, сердце леденеет... И не хочется друга заводить, чтобы его тоже какая-то тварь... Наливай ещё по одной!

Виталий с готовностью забулькал водочкой:

— За что выпьем?

— За друзей! — тут же ответил ветврач. — За верных, преданных друзей в собачьем обличье! Которые не предадут и не бросят, как бабы и другие... бабы!

Михаил Львович был в разводе и никогда не пил за женщин в компании. Видно, крепко насолила ему бывшая благоверная, если он и по прошествии многих лет таил обиду.

Виталий знал об этом, а потому не стал педантизировать тему, просто опрокинул в рот рюмку и хитровато спросил:

— Львович, а если бы ты решил себе щенка выбрать в этом помёте, кого бы взял?

Ветврач отложил вилку с нанизанным на неё кусочком салями. Деловито вытер руки полотенцем и встал из-за стола.

— Пошли! — скомандовал он и, слегка качнувшись, шагнул к дверям комнаты, где отды-

хала после родов Джуна с шестью щенками.

Виталий поддержал его за локоть, проводил в комнату и включил свет. Джуна подняла голову, втянула носом воздух. Запах спиртного ей не понравился, и она глухо заворчала.

— Тихо, тихо, мать! — присел перед ней на корточки ветврач. — Ничего плохого мы не сделаем, только твоих детёнышей посмотрим.

Джуна глянула на хозяина, поняла, что всё делается с его согласия, и слегка успокоилась. Но ворчать не перестала, давая понять, что она насмотрелась и готова вступить за своих отпрысков.

Михаил Львович поочерёдно брал щенков в руки, оглядывал и легонько ощупывал со всех сторон, клал обратно под бочок Джуны.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Виталий, когда врач осмотрел последнего. — Кого выбрал бы?

— Так! — глубокомысленно произнёс зооэскулап, вставая с корточек. — Что мы имеем? А имеем мы трёх кобельков и трёх сучек. Сучку я не взял бы, одной на всю жизнь хватило. Джуна, к тебе это не относится, ты девка правильная. Поэтому я взял бы кобелька!

При этих словах Михаил Львович торжественно поднял вверх указательный палец и хотел шагнуть к выходу из комнаты.

— Погодь, погодь! — удержал его Виталий и вкрадчиво спросил: — А какого конкретно кобеля ты бы выбрал?

Ветврач снова сфокусировал взгляд на потомстве Джуны. Помолчал минуту, а потом решительно ткнул пальцем в один из комочков:

— Вот этого!

Щенок практически ничем не отличался от своих братьев и сестёр. Разве что был чуть крупнее их и потемнее немного. Но Виталий по опыту знал, что это ничего не значит. Каким станет пёс позже, предугадать было невозможно. Но чем-то ведь руководствовался врач, выбирая именно этого сына Джуны.

— А почему этого?

— Потому! — доходчиво объяснил Михаил Львович и предпринял новую попытку покинуть комнату.

Но Виталий его не отпустил:

— Михаил Львович, объясни по-человечески, не выёживайся. Чем этот щенок лучше остальных?

— Эх, дружище! — хлопнул его по плечу ветврач. — Сколько таких щеночков через мои руки прошло, не сосчитать. Я точно знаю, что этот лучший!

— Который? — лукаво попытался подловить его Виталий.

— Этот! — палец Львовича безошибочно указал на того самого щенка, хотя он уже переместился на другое место возле мамки.

Виталий в задумчивости почесал затылок. Очень хотелось знать, чем обусловлен выбор ветеринара, но и дальше беспокоить Джуну не следовало. Разговор ведь можно продолжить и за столом...

Разлив по стопкам остатки «Посольской» и спрятав пустую посудину под стол, Виталий ещё раз спросил Айболита:

— Извини, Львович, что пристаю, но всё-таки почему ты этого щенка назвал лучшим?

Ветврач почти трезвым взглядом посмотрел на него и ответил просто:

— Долго объяснять. Считай, что это чуйка сработала. Пёс хорошим будет, даже отличным, но судьба у Рекса непростая будет... «*Fatum est series causarum!*» «Судьба — это ряд причин!»

— Какая «*fatum*»? Какого Рекса?

— Ну, до чего ты непонятливый, Виталий! — досадливо поморщился собеседник. — Рекс — тот щенок, который лучший!

— Почему Рекс?

— Потому что я бы назвал его так, если бы взял себе, чего тут непонятного? — удивился Михаил Львович. — Ведь «*nomen est omen*». Имя — это знак! А Рекс — это монарх, верховный правитель. Теперь понял?

— Замётано! — согласился с таким доводом Виталий. — Пусть будет Рексом. Давай за него?

— Давай! — согласился врач и лихо опрокинул стопку в рот, поморщился некрасиво и наконец-то закусил кусочком салями, который давно был нанизан на вилку.

Виталий последовал его примеру, но закусить не успел. Запиликал сотовый телефон, лежащий среди тарелок. Номер, высветившийся на экране, был незнакомым.

— Интересно, кому это я понадобился? — удивился Виталий, но вызов принял. — Алло! Кто это?.. А, Петрович, наконец-то. А чего с

другого номера?.. Посеял? Бывает... А мы тут с Айболитом... Как?! Ты серьёзно?.. Может, Львович посмотрит, вдруг поможет... Нет... Ну, ладно... О чём разговор!.. Только я выпивши... Ты за рулём... Хорошо, подъезжай... Да о чём ты говоришь, какое «спасибо» в такой ситуации... Приезжай, жду!

Виталий нажал кнопку отбоя. Не вставая с табуретки, открыл дверцу холодильника, вытащил ещё одну бутылку водки. Так же, не говоря ни слова, налил полные стопки себе и ветврачу.

Львович с готовностью взял свою, потянулся чокнуться. Но Виталий отвёл руку в сторону:

— Не чокаясь!

— А что такое? — удивился ветврач.

— Давай помянем Рекса...

— А что с ним?! — пьяно уставился на него Михаил Львович. — Только ведь мамку сосал, вполне себе здоровый...

— Не того Рекса. Отца его, — пояснил Виталий. — Петрович звонил, его Рекса какой-то гад зарезал... ножом...

— Ничего себе! — отставил в сторону стопку Львович. — Рассказывай!

Рассказ Виталия не занял много времени. Он, как мог, со слов Петровича пересказал, что случилось в сквере. Кратко, поскольку и приятель его не был многословен, рассказывая об участии, постигшей Рекса. Но суть донёс — пёс погиб, защищая от каких-то выродков своего хозяина.

— Опаньки! — горестно вымолвил Михаил Львович, выслушав историю. — Значит, этот младший Рексушка в день своего рождения наполовину сиротой стал... «*Supra nos Fortuna negotia curat*» — «Минуя нас, Судьба вершит дела!» Говорил же я, что у него судьба непростой будет! Говорил, нет?

— Говорил, говорил! — успокоил раздухарившегося врача Виталий. — Давай выпьем, помянём Рекса.

Выпили не чокаясь, молча. Бросили что-то в рот закусить. Потом Виталий решительно спрятал бутылку в холодильник:

— Ша, на сегодня хватит. Мне ещё с Петровичем на дачу ехать.

— Зачем? — пьяно удивился ветврач. — Поздно ведь уже!

— Петрович попросил разрешения похоронить Рекса на моём участке. Как я ему откажу? Ведь Рекс и мне не чужой, и Джуне тем более. Так что собирайся, Львович, мы тебя домой подкинем, а нас ждут дела скорбные...

Из дневника Петровича:

«Сегодня ночью похоронил Рекса. Какая-то сволочь зарезала его... Водка не помогает, только голова тяжелеет и выть хочется. Что ж это за жизнь такая паскудная? Мало было мне смертей... Так ещё и Рекс ушёл в закат. Ну, надо ж так — умереть в тот день, когда стал отцом шестерых! Виталья намекнул, что одного мне отдаст... Оно мне надо? Чтобы опять какая-то сволота... Нет, это исключено! Никаких псов после Рекса у меня больше не будет. Я не мазохист!»

Первые две недели щенок, окрещённый ветврачом Рексом, только ел и спал под тёплым и мягким бочком матери. Так же проводили время и его братья с сёстрами. Мир для них ограничивался тихими звуками городской квартиры, сладким запахом и вкусом материнского молока, ласковым языком Джуны. Глазки их были закрыты.

Иногда, теряя материнский сосок, Рекс начинал беспокойно ёрзать, слабые еще лапы пытались переместить тельце в пространстве, но пока им это было не под силу. И тогда какая-то тёплая сила приподнимала его, чуть раскачивая, и подкладывала к соску. Это была не мать, которую Рекс ощущал с рождения, а что-то другое... Всесильные руки хозяина.

Джуна с беспокойством следила за тем, как Виталий берёт на руки беспомощных щенков, но не препятствовала этому, даже не рычала. Она знала, что ничего плохого детёнышам не сделают. Ну, подержит их хозяин в ладони, пророкочет что-то ласковое в слепые мордашки, осторожно погладит спинки и обязательно вернёт матери.

Шли дни. Молока у Джуны было вдоволь, и щенки округлились, залоснились мягкой шёрсткой. Росли они быстро, сказывались порода и хороший уход. Рекс развивался быстрее других. Раньше всех он открыл щечнячи голубые глазки. В нём сразу проснулся

дух исследователя. Ему стало мало уюта и сытости, полученных от матери. Рексу нужно было узнать, а что же такое интересное видится вон там, вдалеке — например, в метре от подстилки, на которой он провёл с другими щенками две долгие недели незрячей жизни. Рекс на слабых лапках неуверенно двинулся вперёд. Дрожа, он упорно двигался к цели — к хозяйскому тапку. Наконец он добрался до него, обнюхал, оглядел. Даже попробовал на зубок. Тут же оставил лужицу. А впереди уже маячила новая тайна — что-то высокое и зелёное...

— Ах ты негодник! — пророкотал знакомый голос у Рекса над головой. — Уже к фикусу подбираешься! Орёл, ничего не скажешь. И тапок успел обоссать!

Рекс так увлёкся, что пропустил момент, когда в комнате появился кто-то большой, со знакомым запахом. И совершенно неожиданно щенок вдруг взлетел над полом, взятый за шкуру. Внизу Рекс увидел свою мать, окружённую пушистыми комочками, и целую кучу самых разнообразных предметов, назначения которых он не знал. Эх, добраться бы до них! Рекс тихонько заурчал и лизнул палец хозяина, которым тот осторожно и ласково гладил его переносицу.

— Ух ты! — засмеялся Виталий. — Да ты, оказывается, ещё и подлиза. Ладно, на первый раз прощу тебя за тапок. Тем более что я сам и виноват: незачем разбрасывать их где попало. Но впредь учти... — и хозяйский палец небольно щёлкнул его по носу.

Рекс тоненько взвизгнул. Джуна встала и предупреждающе рыкнула. Но Виталий только рассмеялся и сказал ей:

— Не бойся, мать! Никто твоих детишек не обидит. Держи своего озорника.

Оказавшись снова возле матери, Рекс был обласкан и облизан ею с головы до кончика хвоста. А потом, досыта насосавшись молока, щенок уснул под Джуниным тёплым боком. Снилось ему, что хозяйский тапок затеял с ним какую-то хитрую игру — прячется от него по углам такой огромной и ещё не исследованной до конца комнаты.

Рекс первым из собратьев стал изучать пространство. И дальше он сохранял лидер-

ство в щенячьей семье, даже стал отталкивать своих братьев и сестёр от сосков матери, когда хотел есть, пытался тихонько рычать, когда ему что-нибудь не нравилось. Нередко покидал он собратьев, отправляясь в путешествия по комнате. Больше похожий на маленького медвежонка, чем на овчарку, Рекс смешно переваливался на толстеньких лапках, то и дело расплзавшихся на скользком ламинате. Малыш тыкался во все углы, выискивая что-то новое для себя.

Тапки ему больше не встречались, да и всё по-настоящему привлекательное почему-то находилось вне досягаемости Рекса. Задирая голову, щенок с любопытством смотрел на картину или на полочки на стенах. Поднимаясь на задние лапки, Рекс пытался взобраться на кресло и диван. Повизгивал у балконной двери, втягивая носом струящийся из-под неё уличный воздух. Эти запахи улицы пугали и притягивали его одновременно. Но бояться по-настоящему Рекс ещё не умел: не было в его короткой жизни ничего такого, что доставило бы ему боль, а значит, отсутствовал и страх.

Лишь однажды Рекс испугался. Исследуя пыль под тёплой батареей отопления и чихая от неё, он наткнулся на белый целлулоидный шарик от пинг-понга, неведь когда закатившийся сюда. Недолго думая, Рекс толкнул его лапой. А шарик вдруг запрыгал, застучал по ламинату. Коротко взвизгнув, Рекс со всех лап припустил подальше от него, к Джу-не, рядом с которой он чувствовал себя в безопасности. Прижался к матери, пожаловался скулежом.

Но испуг щенка был недолог. Уже через минуту он осторожно выглянул из-под материнской лапы, чтобы проверить, чем занят шарик, разрушивший его представления о живых и неживых существах. Рекс уже давно, по меркам его пока что короткой жизни, понял, что всё в его мирке делится на живое и неживое. Живые собаки — а он всё и всех вокруг считал подобными себе — могли двигаться, издавать звуки, перемещаться в пространстве. Неживые лежали на своих местах и могли шевелиться только с помощью живых. Шарик же повёл себя иначе. Судя по запаху и не-

подвижности, в которой он пребывал, когда Рекс нашёл его, шарик никак не мог быть живым. Но он прыгал и стучал по полу как живой. А сейчас опять шарик притворился неживым и неподвижно лежал возле кресла. Что-то тут было не так.

Рекс с колотящимся от растерянности и приступа любознательности сердечком осторожно двинулся к нему. Шарик лежал спокойно. Тогда Рекс решил и опять ударил по нему лапой. Шарик ожил и запрыгал. Но на этот раз щенок не побежал прятаться от него. Склонив голову набок, он с умиленной серьёзностью наблюдал за подскоками белого существа. Пытался понять, что пошло не так в его мире. Рекс решил для себя, что не нужно доверять видимой неподвижности неживых «собак», что они тоже могут двигаться, когда захотят. Сделав такой вывод, Рекс потерял интерес к шарикю, хотя остальные щенки, наоборот, весело гонялись за ним, подталкивая его своими носами и лапами. Вот этим Рекс сильно отличался от своих братьев и сестёр. Исследовав что-то и придя к определённому заключению, он не заикливался на этом предмете, а двигался дальше, ведь столько интересного и неизведанного ждало его впереди.

Виталий, наблюдая вечерами за выводком Джуны, не мог не отметить активность, любопытство и явные лидерские качества Рекса. Хозяину нравился этот щенок своей неуспокоенностью, упорством, независимостью. Ведь, даже грохнувшись на спину после очередной неудачной попытки штурма дивана, Рекс тут же становился на лапки и снова атаковал неприступную для него высоту. Успокаивался он только во сне, иногда Рекс засыпал на коленях Виталия.

Как-то наглаживая пальцем животик щенка, Виталий говорил ласково:

— Зверёныш! Морда твоя собачья! Не будь Джуны, точно бы себе оставил. Но и чужому никому тебя не отдам. Димке Петровичу такую морду подсуну. Ты у меня, Рекс, алиментным щенком будешь. Знаешь, что такое алименты? Ну откуда тебе знать, мал ещё. Это когда хозяин кобеля-отца имеет право забрать одного щенка из помёта. Вот им-то ты и бу-

дешь! Ты же лучший, Рекс! Ничем не хуже своего отца...

Конечно, Рекс не понял ни единого слова хозяина. Но мерный рокот человеческой речи, прикосновения теплых ладоней успокаивали, убаюкивали щенка. Так приятно было закрыть глаза и в полудрёме плыть куда-то далеко-далеко... Если бы Рекс знал, что такое рай, он бы решил, что именно там и находится. Но собакам неведомы высокие материи и глубокие размышления. Так что в тот момент Рекс просто был счастлив!

Из дневника Петровича:

«Позвонил в редакцию. Сказал, что готов к командировкам. Редактор обрадовался, он давно пытался запрячь меня в командировочную телегу. Только с Рексом это было практически невозможно. А сейчас я свободен... От чего, кстати? От Рекса? От утренних и вечерних прогулок с ним? От вытирания его лап и вычёсывания? Да! Но заодно я «освободился» от лап на плечах и шершавого языка, норовящего лизнуть в нос. От мокрого носа, доверчиво тычущегося в ладонь. От преданного взгляда, ничего не требующей взамен дружбы, от искренней радости при встрече после всего лишь часовой разлуки...»

Маленький Рекс уже хорошо знал, что такое поводок. Появление его в руках Виталия всегда означало только одно — исчезновение Джуны из комнаты на довольно приличный срок, ведь час без матери для малышей тянется долго-долго, почти бесконечно.

Вот и сейчас, увидев длинный ремешок, детёныши заскулили жалобно, жалуясь на несправедливость жизни, в которой так много расставаний с теми, кого любишь. Они не отдавали ещё себе отчёта, что в разлуках тоже есть своя прелесть, а именно — ожидание и радость встречи. Впрочем, глупо было требовать от них понимания этого. Щенята жили здесь и сейчас, а не в далёком «через час». Поэтому и плакали искренне, провожая мать на прогулку.

Виталий, не обращая внимания на скулёж, прицепил поводок к ошейнику Джуны и коротко бросил:

— Гулять!

Долго упрашивать Джуно не пришлось, утренние и вечерние прогулки с хозяином доставляли ей настоящую радость. Да и естественные потребности со счетов не сбросишь. А щенки... Ну куда они денутся? Подождут немного. И Джуна, весело помахивая хвостом, устремилась к двери.

Щенки захныкали горше и громче, призывая её вернуться. Но разве кого-то интересует горе малолеток, ещё не нюхавших настоящей жизни? Да и не продолжительно оно у них. Р-раз! И малыши уже затеяли весёлую возню, переключив всё внимание на теннисный шарик. Только Рекс внимательно рассматривал дверь. Он никак не мог сообразить, как она открывается и зачем нужна? И почему дверь подчиняется Виталию, открываясь, когда он этого хочет, а Рексу, сколько бы тот ни скрёб её лапой, не повинуется. При этом, судя по запахам, проникающим из-под неё, дверь точно скрывает от него что-то очень интересное и увлекательное.

Примерно через полчаса в прихожей послышались шаги, и щенки, тут же бросив игру, устроили радостный галдёж. В переводе на человеческий язык их гвалт звучал бы примерно так: «Ура! Мама пришла! Мама пришла!»

Но Джуна в комнате так и не появилась. Пришёл Виталий с объёмистой сумкой. Поставив на пол, вжикнул молнией, раскрывая нутро. Взял в руки первого попавшегося щенка и отправил его в переноску. Остальные собачата восприняли происходящее как игру, которую хозяин затеял с ними. Они бросились врассыпную, радостно твякая и помахивая короткими хвостиками.

— Ах вы шалопаи! — засмеялся Виталий, ползая на коленках в погоне за маленькими озорниками.

Вскоре все пятеро удирающих от него щенков оказались в сумке. Пятеро... А где шестой? Где Рекс, куда спрятался?

Чертыхнувшись, Виталий громко позвал:

— Рекс, ко мне! Иди сюда, мой хороший! Ау! Ты где?

Рекс не отзывался, хотя уже знал свою кличку и откликался на неё. Виталий стал методично осматривать комнату, заглядывая во

все укромные места. По опыту он знал, что щенок мог заползти куда угодно и уснуть там. Но осмотр комнаты ничего не дал. Рекса нигде не было! Или он нашёл ещё какую-то прятку, до сих пор неизвестную Виталию?

— Рекс! — ещё раз позвал хозяин без всякой, впрочем, надежды на отклик и приступил к более тщательному поиску пропажи.

Рекс прекрасно слышал, что его зовут, но чутьё подсказывало ему, что откликаться нельзя. Нужно было как можно быстрее осветреть и обнюхать новое пространство, в котором он оказался. Пока другие щенки беззаботно гонялись за шариком, Рекс нашёл способ попасть за дверь, за которой скрылась Джуна. Он лёг в засаду, спрятавшись под диваном. Теперь, замерев, щенок не сводил глаз с двери. Именно так вели себя на охоте его давние предки — Дикие Псы, выслеживающие осторожную дичь в таёжных дебрях. Безмолвно, бездвижно, бесстрашно.

Только Виталий открыл дверь в комнату, Рекс бесшумной тенью скользнул в открывшийся проём, так что напрасно затеял Виталий поиски пропавшего щенка в комнате, его здесь уже не было.

Очувшись в прихожей, Рекс первым делом обследовал обувь на коврик у входной двери. Запахов было так много, что Рекс растерялся. Он-то думал, что все они ему знакомы, а оказалось, что его познания — малая толика в бесконечной череде запахов, с которыми сейчас он столкнулся. Хозяйские ботинки пахли землёй, выхлопными газами автомобиля, травой, машинным маслом, кошачьими метками и ещё пёс знает чем. Рекс всё знающим псом не был, потому и слепил на мордашке полное недоумение. Но времени долго размышлять о непознанном не было — того и гляди появится Виталий, и тогда приключению придёт конец.

В глазах Рекса рябило от обилия незнакомых предметов, голова шла кругом от великого множества неизвестных запахов. Самый приятный доносился из кухни. Пахло молоком и ещё чем-то. Туда щенок и двинулся — осторожно, тихо, крадучись, готовый в любой момент задать стрекача, если почувствует опасность. Но ничего страшного не произош-

ло. Все вещи и предметы вели себя спокойно и тихо, не делая никаких попыток напасть на щенка. Молоком же пахло из полиэтиленового пакета, стоящего на полу в кухне. Принесённые Виталием из гастронома продукты источали и другие ароматы, но особенно Рексу понравился запах сосисок. Щенок ухватил зубами одну из них и потащил к себе. За первой сосиской увязалась целая вереница. Рекс порычал на них сквозь стиснутые зубы, но прилипалы и не думали отвязаться от его законной добычи. Однако и щенок не сдавался. Упираясь лапами в скользкий линолеум кухни, он пятился назад, дёргал головой, вытаскивая из пакета длинную сосисочную змею. Ещё немного, совсем чуть-чуть и...

— Вот ты где! — раздался сверху знакомый голос.

Пальцы хозяина крепко ухватили загривок Рекса.

Выпустив сосиску из пасти, щенок в азарте зарычал и попытался куснуть схватившую его руку. Виталий только засмеялся, поднял шкodu вверх и щёлкнул его по носу указательным пальцем. Больно щёлкнул! Рекс очухался и виновато заскулил.

— То-то же! — усмехнулся хозяин и понёс щенка в комнату, к переноске, в которой возились и потягивали его братья и сёстры.

Оказавшись в переноске, Рекс стал активно расталкивать родственников, отвоёвывая себе место в тесноте сумки-переноски.

— Да уж!.. — покачал головой хозяин. — С таким характером судьба у тебя, парень, точно будет непростая. Прав Айболит, на сто процентов прав!

С этими словами Виталий застегнул молнию, на что щенки тут же отреагировали жалобным скулением.

— Ничего, потерпите! — отмахнулся от их воплей Виталий. — Полчаса — и будете на даче. А там шастайте где хотите, двор большой.

Выйдя во двор, Виталий открыл заднюю дверцу своего кроссовера, впихнул на заднее сиденье переноску. Джуна, уже сидевшая в салоне, тотчас сунулась к ней. Тихонько гавкнула, давая знать детёнышам, что она поблизости, всё в порядке. И когда машина плавно двинулась с места, щенки восприняли это без лишнего бес-

покойства. Пусть страшно рычит двигатель, переноску качает. Пусть пахнет до чиха в носу бензином и прочими автоароматами. Пусть переноска тесная и тёмная. Всё это не имеет ровно никакого значения, ведь мать рядом.

Из дневника Петровича:

«Позвонил Михаил Львович, которого Виталя зовёт Айболитом. Выразил соболезнования по поводу Рекса, которого знал, делал ему прививки. Говорил искренне и участливо. И, конечно, не обошлось без латыни. Любит он её! Пишу по памяти, может, ошибусь, но это неважно. «Амикус эст анимус унус ин дуобус корпорибус». Оказывается, так сказал Аристотель: «Друг — это одна душа в двух телах». Получается, что с уходом Рекса я остался с половиной души?..»

— ...Ну, всё, вылезайте! — скомандовал Виталий щенкам.

Расстёгнутая сумка стояла у крыльца добротного дома — скорее, не дачи, а настоящего коттеджа.

Щенки подслеповато шурились после темноты переноски и не спешили вылезать на свет божий. Их немного укачало в поездке, и с большим удовольствием они завалились бы сейчас спать.

Но у хозяина имелись свои планы, поэтому он по одному стал вытаскивать щенят и ставить их на землю возле большой собачьей будки, притулившейся у крылечка. Будка была по-настоящему большой, в ней легко могла уместиться Джуна со всем потомством. Но это потом, а пока тёплый солнечный день звал погулять после долгого пребывания в спёртом воздухе городской квартиры.

Джуна вылизывала щенят, которых подсовывал ей Виталий, а те озирались вокруг в изумлении. Внезапно их мир, ограниченный до этого двенадцатью квадратными метрами комнаты, расширился во все стороны: стены исчезли. При этом он наполнился многообразием звуков, запахов, предметов, раскрасился в яркие краски живой природы. Собачата были ошеломлены и замерли от восторга.

Виталий потрепал каждого по загривку и скомандовал Джуна:

— Охранять! А я до магазина смотаюсь, надо хлеба взять и ещё кое-чего.

Щенята с интересом наблюдали, как внезапно ожила большущая чёрная штуковина, фыркнула вонюче и выкатилась за ворота дачи. Очень удивился и Рекс. Оказывается, не только неживой шарик умеет скакать, но и большие неживые собаки тоже могут внезапно оживать. Рекс вновь убедился: не всё вокруг такое, каким кажется на первый взгляд. Доверять неживым существам можно, но лучше всё же относиться к ним с опаской.

Джуна, вылизав всех своих детёнышей, поднялась на лапы и не спеша отправилась на обход территории размером в восемь соток, огороженных высоким забором из металлопрофиля. Ничего незнакомого для неё здесь не было, но вдруг за время отсутствия что-то изменилось? Щенята, толкаясь и пихая друг друга, потрусили за матерью. Со стороны это выглядело так, будто большой крейсер отправился в плавание в сопровождении маленьких и суетливых торпедных катеров.

Обход не занял много времени, хоть Джуна и обнюхивала каждый закуток, каждую яблоню в небольшом саду. Щенята быстро освоились на новом месте и уже не тащились вслед за матерью. Они отбегали в сторону, гонялись за первыми весенними бабочками, облаивали всё, что считали нужным. Причём тявкали не только на живых лягушек и дождевых червяков, но и на камни, золотистые цветки мать-и-мачехи, прошлогодние листья.

Рекс в общей забаве не участвовал. Ему понравился новый мир своим разнообразием. Наконец-то он получил простор и свободу для давно проснувшейся в нём страсти исследователя. Перебегая от дерева к дереву, от сложенного из кирпичей очага до сараюшки с садовым инвентарём, от бочки с дождевой водой до крылечка баньки, Рекс всем своим существом впитывал в себя восторг дачной жизни. Ему хотелось изучить всё и сразу. Впечатлений было так много, что приходилось оставлять тщательное изучение новых предметов на потом, а пока просто знакомиться с окружающим миром.

Протискиваясь в каждую щель, заглядывая в каждую дыру, Рекс внюхивался, вслуши-

вался, всматривался во всё, попадавшееся ему. И очень заинтересовался небольшим холмиком из рыхлой земли в самом дальнем углу сада у забора. Что-то обеспокоило его. Рекс уселся рядом и почесал задней лапой ухо, совсем как некоторые люди озадаченно чешут затылок при встрече с непонятным. Единственное отличие было в том, что люди не нюхают воздух в таких ситуациях, а Рекс втягивал его ноздрями раз за разом. И ведь уловил слабенький запах, встревоживший его. Ошейник, лежащий на холмике, пах незнакомым Рексу псом. Если не брать в расчет мать и братьев с сестричками, то он ещё ни разу не встречался со своими сородичами, потому от нового запаха чужой собаки он встревожился. Инстинкт подсказал Рексу, что в этом может таиться опасность. Щенок зарычал тихонько, а потом затрявкнул звонко и пронзительно, подзывая мать.

Джуна сразу поняла, что происходит неладное, и поспешила на лай одного из своих сыночков. Остальные детёныши, оставив игры, тоже припустили за ней. Подойдя к холмику, Джуна обнюхала лежащий на нём ошейник и вдруг, сев на задние лапы и задрал морду вверх, завывала тоскливо. Печальный собачий вой взлетел над садом и заметался в кронах яблонь. Щенки разом приуныли и, следуя примеру матери, стали подвывать тонкими голосками. Они не знали, почему им стало так невесело, но откликнулись на печаль матери всем сердцем.

А Джуна, горя, пела поминальную песню отцу своих детей. Она поняла, кто лежит под холмиком, и отдавала долг памяти Рексу, детёнышей которого она сейчас растила.

Из дневника Петровича:

«Надо бы уже убрать с глаз долой миску и подстилку Рекса, да рука не подымается. И поводок у дверей висит. И медали на стене. Пока они на своих местах, кажется, что и Рекс живой. Вчера уснул в кресле перед телевизором, пока новости смотрел. А проснулся от того, что мокрый нос ткнулся в ладонь. И такая радость захлестнула в один момент — Рекс, дурашка, вернулся! А глаза открыл и поплохело... Да так, что дышать трудно стало...»

Жизнь на даче устраивала всех. Виталия, который с наслаждением горожанина, пережившего зиму в квартире, возился в саду и огороде. Джуну, поскольку она ещё меньше хозяйна любила шум и вонь города. Щенят, резвящихся на тёплом весеннем солнышке. Жену Виталия Любу, которую он привозил сюда по выходным. Сам-то он был военным пенсионером, а потому вольным дачником, ей же пока приходилось зарабатывать пенсион от государства.

Джуна при виде Любы виляла хвостом, прыгала и всячески выражала своё расположение к ней. Хозяйка отвечала ей тем же, трепала за уши, гладила, чуть ли не в нос целовала. Щенки, видя такие трепетные отношения, тоже прониклись к толстушке Любе симпатией. Суетились, помахивали хвостиками, поскуливали у неё под ногами, выпрашивая свою порцию ласки. И только Рекс чаще сидел чуть в сторонке, он считал ниже своего достоинства просить чего бы то ни было, хотя ему тоже очень нравилось, когда Люба тербила его, поглаживала животик, почёсывала за ушами. В такие моменты Рекс забывал обо всём на свете — плыл на волнах наслаждения, которого ему не могли доставить ни ласки матери, ни игры с собратьями, ни вся прелесть окружающего мира. Только в человеческих руках таилась неведомая сила, будившая в Рексе всепоглощающую любовь, нежность, преданность.

Едва познакомившись со щенками, Люба спросила у мужа:

— Слушай, Матвеев, а почему ты этого шалопая Рексом называешь, а остальным никакого имени не дал?

Супруг смутился немного, но честно ответил:

— Понимаешь, мы тут с Айболитом рождение щенят слегка отметили...

— Кто бы сомневался! — перебила супруга.

Виталий досадливо крикнул:

— Да ладно, не начинай, блин!

— Никто и не начинает. Что дальше-то было?

— Ну, я его спросил, какой щенок в помёте лучший. Он Рекса и выбрал. Кличку ему тоже

он придумал. Типа окрестил... Ну, крёстным отцом стал.

Люба взяла Рекса, повертела, разглядывая со всех сторон. Спросила недоверчиво:

— Чего в нём лучшего-то? По-моему, точно такой же, как остальные.

— Не скажи! — не согласился с супругницей Виталий. — У него первого глазки открылись, первым выполз в комнату на разведку, первым попытался сосиски из авоськи стырить... Ну, понимаешь?..

— Так ты ещё и воришка! — засмеялась Люба и потерлась носом о мордашку возмущённо тьякнувшего Рекса. — Да ещё и гавкаешь на меня! Ладно, пусть будет Рексом. Ты его тоже продать хочешь?

— Нет! — мотнул головой Виталий. — Алиментным будет. Димке Петровичу отдам. В память о его Рексе...

Щенок, переводя взгляд то на Любу, то на хозяина, внимательно вслушивался в речь людей.

— Ты посмотри! — воскликнула Люба, обратив на это внимание. — Он ведь всё понимает, только сказать ничего не может.

— Да он вообще умница, — подтвердил Виталий. — Мне иногда кажется, что душа того Рекса, что у Петровича был, в него вселилась. А что, блин, всякое ведь в жизни бывает!

— Не городи ерунды, Матвеев! — отмахнулась от теорий мужа Люба и спустила Рекса на землю. — Иди побегай. Засиделся. Поди, тебе ж двигаться надо.

Больше к этому разговору супруги не возвращались. Но Люба частенько следила за тем, как ведёт себя Рекс, что делает, чем интересуется. И всё больше убеждалась в том, что прав был опытный ветврач Михаил Львович: щенок действительно очень способный. Такого можно будет продать понимающим людям за хорошие деньги. Но и Дима Петрович заслуживал толкового пса. Зная о трагедии в сквере, Люба очень сочувствовала ему и понимала решение мужа хоть как-то возместить потерю.

А малыш Рекс вообще не задумывался о своей дальнейшей судьбе. Он воспринимал мир таким, какой он есть. Чего еще надо несмышлёнышу?

*Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!..*

Правда, оказалось, что не всё так лучезарно и радостно вокруг. На даче впервые Рекс познал, что такое настоящая боль. Только он привык к тому, что маленькие летающие насекомые — мухи, бабочки, комары — не несут опасности, как тут же получил доказательство обратного. Подкравшись к пчеле, собирающей нектар с одуванчика, Рекс схватил её зубами, и мгновенно его язык пронзила резкая боль. Он завизжал, затряс головой, лапами пытался смахнуть с языка это жжение, но ничего не помогало. Даже Джуна, примчавшаяся на вопль сына, не могла ему помочь. Рекс плакал и скулил, жаловался ей на пчёлку, с которой хотел только поиграть, а она вона как с ним поступила!

Но нет худа без добра. Рекс усвоил урок: понял, что и маленькие, на вид совершенно безобидные букашки способны причинить боль. А ещё Рекс сделал грандиозное для щенячьего ума открытие: свёл воедино полученные им разрозненные сведения об окружающем его мире. Первое: всё вокруг делится на живое и неживое. Второе: неживое может оживать, если этого захочет живое. Третье: всё живое — это такие же псы, как и сам Рекс, только отличающиеся от него внешне. Они могут быть большими и маленькими, летающими или ползающими, покрытыми шерстью или гладкокожими, но сути это не меняет. Все они тоже собаки! Четвёртое и самое главное: в стае всех окружающих его «псов» вожаками стали те, кто ходит на двух лапах, а не на четырёх. Значит, двулапые умнее и сильнее всех остальных собак и лучше других умеют подчинять себе всё неживое. От них исходит такая мощная волна добра и могущества, что считать их вожаками незазорно.

Конечно, представления Рекса были наивны. Но ведь и был он всего лишь щенком! Вокруг одни собаки, решил малыш, а значит, все из одной стаи. Главенство человека он определил по способностям, а вовсе не по праву рождения. Но

между остальными особями могла быть борьба за выживание и лидерство. Потому-то и ужалила Рекса пчела за язык: она боялась, что щенок причинит ей боль. Не надо делать больно другим — и не придётся бояться, что они причинят боль тебе! К такому выводу пришел Рекс.

К тому времени, когда Рекс разложил для себя всё по полочкам, боль в языке поутихла. Он хотел даже снова отправиться изучать дачный участок, как вдруг из-за ворот раздался мужской голос:

— Хозяева! Есть кто дома?

Из домика на зов вышел Виталий и поспешил отворить калитку. Обнял по-мужски зашедшего во двор Петровича:

— Здорово, Димка! Очень рад, что приехал. Заходи в дом, ты надолго?

— Пока не надоем! — засмеялся в ответ приятель.

— Значит, блин, шашлыки успеем пожарить, а вот съесть — это вряд ли! — поддержал шутку Виталий. — Чего встал, заходи давай!

Но Петрович не спешил пройти в дом. Он ласково потрепал по шее виляющую хвостом Джуна и внимательно оглядел её выводок.

— Ну да, это детишки твоего Рекса, царство ему небесное, — заметив взгляд Петровича, пояснил Виталий. — Три сыночка и три лапочки-дочки.

Петрович присел на корточки и стал поочередно гладить щенят. Только Рекс сидел чуть поодаль и, по привычке склонив голову набок, пытался понять, откуда взялся ещё один двуногий вожак. Он ещё ни разу не видел Петровича, а потому был удивлён.

Гость улыбнулся, встретившись взглядом с Рексом, и спросил:

— А ты чего в сторонке сидишь, дурашка? Давай подходи ближе!

Рекс понял, что новый вожак подзывает именно его, и не спеша, с достоинством подошёл, ткнулся влажным носом в ладонь Петровича. И вновь щенок поплыл на волнах блаженства. Оказалось, что руки чужака тоже обладают магической ласковой силой. Рекс расслабился и, улучив момент, коротко лизнул глядящую его ладонь.

— Ух ты! — восхитился Петрович. — Признал за своего? И как тебя зовут?

— Рекс, — ответил за щенка Виталий.

— Рекс?! — напряжённо и резко переспросил Петрович. — Почему Рексом назвал?

Виталий как будто смутился:

— Ну, это Айболит его так назвал. А я согласился... Думал, тебе, Димон, приятно будет...

— Спасибо! — ответил Петрович, но благодарности в его голосе не было.

— Львович его лучшим в помёте назвал, — заторопился объясниться Виталий. — А я и подумал, что предложу тебе Рекса в качестве алиментного щенка. Ну... взамен того Рекса.

— Тот был мне другом, — тихо ответил Петрович. — А разве можно друга приобрести по алиментам?

Виталий не нашёлся, что ответить. А гость постоял ещё немного, да и двинулся в ту сторону, где на земляном холмике у забора лежал собачий ошейник.

Джуна тронулась было за ним, но Виталий скомандовал:

— Стоять!

Джуна замерла на месте. Щенки, потрусившие за матерью, тоже остановились. И только Рекс, не обратив внимания на сородичей, покатился пушистым коlobком за Петровичем. Его Виталий останавливать не стал.

Петрович долго стоял у холмика, под которым нашёл упокоение его Рекс. Маленький Рекс тоже молчал, прижавшись к ноге Петровича. Он не понимал, что происходит, но чувствовал состояние нового вожака. Ему даже захотелось поковыть, как это делала Джуна. Но Рекс сдержал рвущийся из горла вопль, как будто догадался, что лучше не беспокоить сейчас замершего в молчании человека.

Тяжко вздохнув, Петрович перевёл взгляд на Рекса и, присев на корточки перед ним, сказал просто и печально:

— Прости, дурашка! Не возьму я тебя с собой. Ты очень хороший, но твой папашка был мне другом. И нового я пока не готов заводить. Прости!

В ответ Рекс заскулил жалобно, просяще, хотя из сказанного понял только своё имя.

Петрович ласково погладил его по голове, потом встал и, не оглянувшись на Рекса, пошагал к даче, где его уже ждал колдующий над мангалом Виталий. Щенок не пошёл сле-

дом — понутив голову, поплёлся под куст смородины.

Из дневника Петровича:

«Съездил к Виталию навестить своего Рекса. А там другой Рекс. Виталька — вот тормоз! — так одного из щенков Джуны назвал, мол, в память о моём Рексе. Типа отдать мне его хочет как алиментного. А меня спросил? На хрена мне кто-то, если того Рекса уже нет?! Поводок есть, вон висит у двери, а дурашки нет... И никто — слышите! — никто никогда не займёт его место на подстилке у дивана и в моём сердце...»

«Что-то я слишком пафосно писать стал. Впрочем, какая разница? Никто этого читать не будет. Для себя же пишу. Как хочу, так и пишу.»

«Тоскливо дома... Надо позвонить в редакцию — пусть загружат работой...»

Весенние, а затем и летние дни на даче летели один за другим. На первый взгляд, вчерашний день был похож на сегодняшний, а тот, в свою очередь, на завтрашний.

Неугомонный Рекс умудрялся втиснуть в каждый из дней столько событий, что хозяйева диву давались, только и успевали выручать несмышлёныша из разных неприятностей. Однажды щенок чуть не утонул, хотя никакого пруда или ручейка, даже лужи на дачном участке в помине не было.

Дело было так. Виталий, как обычно, полил грядки в теплице. Поливал из лейки, черпая подогретую солнцем воду в железной бочке, стоящей во дворе. Сама бочка была большая, так что отстоявшейся воды с избытком хватало не только на теплицу, но и на клубнику, кабачки, высаженные в открытый грунт. После полива Виталий обычно сразу доливал бочку до краёв, закрывал крышкой и оставлял до следующего полива. Но в тот вечер по телевизору показывали футбол. Пропустить матч Виталий никак не мог. Еще бы, футбольная душа! И он, махнув рукой на все недоделанные дачные дела, устремился к голубому экрану, мягкому креслу и холодному пиву под вяленую воблу. Закрыть бочку Виталий впопыхах забыл.

К тому же к началу трансляции подоспел гость — Петрович: друзья частенько смотрели футбол вместе.

Рекс, заметив открытую бочку, стоящую возле поленницы, ринулся к ней. Он уже не один раз любопытничал, что же такое прячется в ней? Но заглянуть внутрь никак не удавалось: высоко. Зато щенок сообразил: можно зайти с дальнего конца поленницы, а там по сложенному рядом с ней ящикам взобраться на самый верх её, оттуда уже поверху, прямо по поленьям, добраться до бочки. Этот маневр Рексу приходилось проделывать, но раньше крышка была закрыта, а тут...

Щенок шустро залез на поленницу, подобрался поближе к бочке. В глубине виднелось водяное зеркало, в котором отразилась голова какого-то незнакомого Рексу ушастого щенка. Рекс тьякнул на него, и тот щенок открыл пасть и тоже что-то протявкали в ответ. Что именно, Рекс не понял. Но, судя по злющей морде незнакомца, тот явно не собирался уступать. Тогда Рекс опять затывкали на него отрывисто, звонко, лапой попытался достать из бочки нахального щенка. Он не раз проделывал подобные штуки со своими собратьями, и те улепётывали к матери под бочок. Но в этот раз всё пошло по-другому. Забыв о том, что и неживые предметы могут внезапно ожить, Рекс чересчур активно повёл себя на поленнице. И одно из неподвижных поленьев вдруг просело под его лапами, крутанулось и кувырком отправило Рекса напрямиком в пасть к незнакомому щенку.

Рекс очутился в воде. В нос попала влага, щенок дышал с трудом. Сначала он с головой ушел под воду, но, борясь за жизнь, стал барахтаться изо всех силёнок — отчаянно двигал лапами, молотил ими по воде. Рекс ещё не понимал, что такое смерть, с которой боролся в те минуты. А на помощь ему пришёл инстинкт — генетическая память предков. Ему удалось преодолеть сопротивление воды, не желая отпускать своего пленника. И тут Рекс стал кашлять, выплёвывая попавшую через нос воду. Теперь он чувствовал, что вода хотя и не выпускает его, но всё же удерживает на плаву. К тому моменту силы щенка иссякли — пришла усталость. А край бочки высоко

— никак не зацепишься. И тогда Рекс заскулил тихо, жалобно.

Чуткий слух Джуны, спавшей у крылечка дома, уловил голос сына. Она моментально вскочила и огляделась: поблизости не было никого, кто мог бы угрожать её детёнышам. Скулёж Рекса повторился, и Джуна точно установила направление, откуда он доносится. В несколько прыжков она преодолела расстояние до бочки, поставила лапы на её край и заглянула внутрь. Обессиленный Рекс плавал в воде, Джуне было не дотянуться до него. И тогда она рванула обратно к крыльцу и громко залаяла у порога, призывая на помощь людей.

Хозяину и гостю было не до собаки. Команда ЦСКА, за которую оба болели много лет, поначалу проигрывала матч. Но именно в эти секунды она была готова сравнять счёт! Опасный момент у ворот соперника! Приятели даже о пиве забыли, полностью захваченные азартом болельщиков. И тут так некстати лай Джуны! Чёрт с ней, полагает да и перестанет. Небошь, опять какая-то собака шляется у забора! Хозяин мысленно попытался отмахнуться.

А Джуна, не дождавшись помощи, вновь метнулась к бочке. Рекс уже не скулил, сил не было, только вяло перебирал лапками, едва удерживаясь на водяной глади. Горестно взвывая, Джуна вновь метнулась к крыльцу. Но теперь не стала ни призывно лаять, ни ждать. С ходу, всеми своими тридцатью пятью килограммами веса она ударилась о входную дверь, выбила задвижку, на которую та была заперта изнутри, стрелой промчалась по коридорчику и с рычанием ворвалась в комнату, где вскочившие с кресел Виталий и Петрович как раз вопили во всё горло:

— Го-ол!!!

Джуна схватила хозяина зубами за футболку и с рычанием потащила к выходу.

— Ты что, сдурела?! — заорал на неё Виталий. — Взбесилась от безделья? А ну пошла прочь!

Но Джуна, не обращая внимания на его крики, всё тащила и тащила его к выходу. Трещала по швам футболка, ревели от восторга трибуны в телевизоре, матерился на чём свет стоит Виталий, но мать не отступала.

До Петровича дошло, что на улице беда, иначе бы воспитанная Джуна не вела себя так отчаянно. Какие-то крайние обстоятельства толкнули её на это.

Гость кинулся во двор. Джуна, понимая, что добилась своего, выпустила из зубов футболку хозяина и тоже бросилась на улицу.

По двору Джуна неслась к бочке впереди всех, за ней — мужчины. Заглянув в бочку, друзья ахнули: на дне лежал Рекс. Не мешкая ни секунды, Петрович перегнулся через край железной ёмкости и, ухватив несчастного щенка за загривок, вытащил из воды, положил на траву. Признаков жизни Рекс не подавал. Джуна, облизав своего сыночка, жалобно глянула на хозяина, мол, сделай что-нибудь.

— А что я тут сделаю! — растерянно развёл руками Виталий. — Я ж не Айболит!

И тогда Джуна завyla — горестно, жалобно, неизбежно. Пятеро оставшихся щенков, уже суетящихся тут же у поленницы, поддержали мать поскуливанием.

— Тьфу ты! — сплюнул от досады Виталий. — Развели тут нюни!

— Звони Айболиту! — не терпящим возражений тоном скомандовал ему Петрович, склонившийся над лежащим в траве Рексом. — А то из меня такой же ветеринар, как из тебя балерина.

— Да пошёл ты! — обиделся на «балерину» Виталий, но всё же достал из кармана сотовый телефон, набрал номер: — Львович, проблема у нас, блин... Что-что, Рекс в бочке с водой утоп... Да недавно... только что... Что делать... Погоди, шас трубу Димке дам, ему объясни...

Петрович внимательно выслушал всё, что торопливо, но доходчиво объяснил ему по телефону Михаил Львович, после чего решительно, но осторожно взял Рекса за задние лапы и поднял в воздух. Потряс немного. Ничего не произошло. Тогда Петрович стал потряхивать щенка более энергично. Секунд через двадцать Рекс судорожно дёрнулся, а из его рта хлынула вода вперемешку с какой-то слизью. Но дышать после этого Рекс не начал. Тогда Петрович перевернул его вверх головой, обхватил своими губами маленькую мордочку и короткими мелкими вдохами стал

вгонять воздух в лёгкие щенка. Джуна перестала выть и тревожно наблюдала за реанимационными манипуляциями. Минута, пока Петрович возвращал к жизни Рекса, растянулась для неё в целую вечность.

Неожиданно, когда Петрович в очередной раз оторвался от щенячьей мордашки, чтобы набрать в грудь новую порцию воздуха, обвисшее тельце Рекса задрожало, и он задышал — судорожно, с всхлипами, хрипами и кашлем. Джуна откликнулась на это радостным лаем. А Петрович положил щенка на траву и сам обессиленно опустил рядом:

— Твою мать! Скажи спасибо Айболиту, дурашка. Без него я бы ни за что не взялся искусственное дыхание тебе делать. Позвони ему, Виталия, скажи, что дышит...

Снова вынув из кармана мобилу, Виталий набрал знакомый номер:

— Всё, Львович, дышит твой Рекс. Откачал Димон его... А чей же он ещё? Петрович от него отказывается, значит, твой... Ага, как же... Заберёшь, блин, как миленький. Мне он уже знаешь где... Что значит тоже отказываешься? Он же твой крестник... Да иди ты...

Виталий в сердцах ткнул пальцем в кнопку отбоя и обратился к приходящему в себя Рексу:

— Что, шалопут, даже Айболит тебя не хочет к себе брать!

Петрович не преминул плеснуть масла в огонь:

— Да и верно! Кому нужен пёс, от которого одни неприятности?

Петрович покривил душой. Не так уж много хлопот доставлял Рекс окружающим, если не считать вот этой истории с утоплением. Просто, в этом Петрович остерегался признаться даже себе самому, ему был очень симпатичен собачонок с неуёмной энергией, любопытным носом и весёлым жизнерадостным нравом. Признайся себе открыто, назови вещи своими именами, и придётся взять Рекса себе. А он ещё не забыл того, другого... Да и как можно забыть друга?

Виталий прекрасно понял, что происходит в душе приятеля, но ничего не сказал. А Петрович, тяжко вздохнув, взял на руки облизанного с ног до головы Джуной щенка и понёс его

в собачью будку. Уже почти пришедший в себя Рекс, увидев совсем рядом лицо полюбившегося ему вожака, лизнул его в нос розовым язычком.

— Ух ты! — восхитился Петрович, устраивая щенка в будке. — И правда, совсем ожил, дурашка!

Джуна тут же улеглась рядом с Рексом, согревая его своим большим и тёплым телом. Туда же, в будку, набились и остальные щенки.

Петрович ласково похвалил самоотверженную мать:

— А ты молодец, Джуна! Уважаю!

— Ага, уважает он! — недовольно буркнул Виталий. — Вот только футбол из-за неё не досмотрели, и защёлку надо новую ставить, а то Любаша такую головомойку устроит, что купание Рекса нам покажется детским утренником по сравнению с ней.

— Да не ворчи ты! — хлопнул друга по плечу Петрович. — Пойдём лучше пива выпьём за счастливое спасение Рекса.

— По-моему, тут одним пивом не отделаешься, — шмыгнул курносый носом Виталий. — Как насчёт чего-нибудь покрепче?..

Из дневника Петровича:

«Говорят, у каждого человека есть его вторая половина. У мужчины — женщина, у женщины — мужчина. Правда это или миф, не знаю. Знаю только, что, когда ушёл Рекс, в душе моей образовалась пустота. Теперь его нет. И пустота разъедает душу. Получается, собака тоже может быть второй половинкой. Не каждая. Эту половинку тоже нужно найти. Мне повезло с Рексом. И не повезло тоже. Но кто знает, может, таких вторых половинок меня в мире несколько? Может, стоит поискать их? Может, одна из них — чуть не утонувший маленький Рекс? Не знаю. Что-то я совсем запутался».

Рекс был заводилой во всех щенячьих играх. Совал свой любопытный нос всюду, был первым в беге, в силе, в прыжках. Все эти качества не замедлили сказаться на его положении в щенячьем сообществе. Рекс установил такие отношения среди остальных щенков, что его признали вожаком, у него появилась своя

стая. Правил он в ней не клыком и рыком (и то и другое были пока в зачаточном состоянии), а кипучей энергией. Наказание за неповиновение вожаку тоже имелось. Обычно упрямцев Рекс сбивал с ног и начинал катать по земле. Не давал подняться, пока измученный щенок не начинал просить прощения жалобным скулежом. Тогда Рекс милостиво отступал. К тому же он знал, что стоит наказание затянуть, вмешается мать Джуна. А то, что она способна не только на ласку в отношении своих детёнышей, Рекс тоже прекрасно усвоил. Одним движением своей мощной лапы мать отправляла строптивцев и неслухов в такой кувырок, что пропадало всякое желание перечить ей. Однако авторитет Джуны держался не только на силе и нежности. Она была умна, воспитанна, верна хозяину и прекрасно знала практически все команды, которые положено знать взрослой собаке её породы и положения.

Когда щенки подросли, Виталий вновь стал устраивать для Джуны уроки дрессуры. Особой надобности в том не было, но, как известно, повторение — мать учения. Да и самой Джуне это доставляло удовольствие. Рекс, в отличие от своих братьев и сестёр, проявлял недюжинный интерес к занятиям. Обычно он садился в сторонке и, чуть склонив голову набок, внимательно наблюдал, как его мать по команде хозяина сидела, лежала, подавала голос и прочее. Со стороны казалось, что для щенка это лишь праздное любопытство. На самом же деле в такие моменты Рекс тоже учился.

Был один случай. Солнечным летним днём Виталий отдыхал от дачных дел в стареньком кресле под навесом. Попивал пивко, хрустел чипсами и лениво командовал Джуне:

— Апорт!

Джуна стрелой бросалась за брошенной хозяином небольшой палкой, хватала её зубами и приносила назад, преданно заглядывая в глаза Виталия. Тот поглаживал её ласково по голове и угощал кружком порезанной сосиски.

Рекс, по своему обычаю находившийся неподалёку, не сводил глаз с их игры. Потом, догоняемый любопытством, он перебрался

поближе к тому месту, куда падала брошенная палка. Когда хозяин в очередной раз бросил палку, Рекс со всех лап ринулся к ней и выхватил из-под самого носа Джуны, после чего сам понёс добычу к креслу.

Джуна, замерев, оторопело уставилась на своего шустрого и наглого сыночка. В этом взгляде были и растерянность, и непонимание.

Виталий, наблюдая картину, громко рассмеялся, забрал палку у довольного собой Рекса и погладил его по голове:

— Молодец, шалопай! Ну какой ты молодец! Давай ещё раз!

Хозяин опять метнул палку, скомандовав:

— Апорт, Рекс!

Но Рекс и не думал повторять свой подвиг. Он по-прежнему сидел перед Виталием и чего-то ждал.

— Апорт, Рекс! — на этот раз строже и громче повторил хозяин.

В ответ щенок требовательно гавкнул и даже махнул передней лапкой, как будто по столу в раздражении стукнул. Виталий озадаченно почесал затылок всей пятернёй, и вдруг до него дошло:

— А-а-а! Так ты угощение ждёшь! А не рано тебе сосиску давать? Ты ведь ещё молокосос, мамку сосёшь, к твёрдой пище не приучен...

В ответ Рекс снова звонко тьякнул.

— Ладно-ладно, не ругайся, — миролюбиво ответил ему разомлевший от пива и тёплого солнышка Виталий. — Бери, раз хочешь!

Рекс прямо в воздухе поймал брошенный кружочек сосиски и мгновенно расправился с ним.

— Во, блин! — только и смог вымолвить Виталий.

Ну откуда ему было знать, что Рекс уже несколько дней потихоньку таскает из миски Джуны «взрослую» еду и она ему нравится. А уж запах сосиски, напоминающий щенку о первом серьёзном сражении с сосисочной «змеёй», и вовсе сводит с ума.

Вновь бросив палку, Виталий громко и резко рявкнул:

— Апорт, Рекс!

Щенок сорвался с места, нашёл в траве палку и притащил обратно. Джуна в это время лежала на травке в стороне, всем своим видом

демонстрируя равнодушие к происходящему.

А хозяину и малышу было не до неё. Виталий ещё несколько раз бросал палку, угощал Рекса сосиской и с каждым разом всё больше восхищался таким толковым щенком:

— Как так?! Чтобы приучить щенка команды выполнять, столько терпения и выдержки нужно, а тут сам научился! Рекс! А может, ты ещё что-то знаешь? Ну-ка, лежать!

Рекс тут же улёгся перед Виталием на живот.

— Сидеть!

Рекс сел.

— Ко мне!

Рекс прижался к ноге.

— Голос!

С готовностью раздалось радостное «гав».

— Умереть не встать! — откинулся на спинку кресла Виталий. — Да ты вундерпёс! А давай-ка еще одну команду проверим! Ну-ка! Если выполнишь, цены тебе нет!

Виталий взял с тарелки очередной кружок сосиски, положил его на землю перед Рексом и строго приказал:

— Фу!

Рекс как ни в чем не бывало мигом схватил угощение и тут же проглотил его. Виталий положил перед ним ещё один кусочек и, добавив строгости в голосе, скомандовал:

— Фу, Рекс!!!

Но второй кусок сосиски постигла участь первого. Похоже, Рекс принципиально не признавал никакого «фу!». Да и зачем, если эта команда только лишает его удовольствия?

— Ладно, — смирился Виталий. — Пусть пока так! Жизнь потом научит... поймёшь, зачем нужна команда «фу»...

Сказанные мимоходом слова оказались провидческими. Уже через день жизнь преподала Рексу урок из тех, что запоминаются на всю жизнь.

В тот вечер к Виталию в очередной раз приехал в гости Петрович: затеяли небольшой чисто мужской праздник — с шашлыками, водочкой, песнями под гитару.

Петрович славился своим умением жарить шашлыки. Никого не подпускал к мангалу, когда начинал священнодействовать над кусками замаринованного мяса. Особенно это касалось женщин. Лишь иногда Петрович до-

верял черновую работу друзьям-мужчинам — разве что нанизать на шампуры куски мяса. А всё остальное — ни-ни! — исключительно сам. Даже полешки, из которых должны были получиться жаркие угли, из поленицы выбирал своим глазом.

Рексу уже не раз приходилось видеть открытый огонь — языки пламени манили, завораживали. Огонь не укладывался в его схему представлений о мире. Пламя не было живым, но и неживым тоже не было. Без чьего-либо участия оно металось на ветру, как бельё, вывешенное хозяйкой после стирки. Пламя таило в себе какую-то могучую силу. Рекс втягивал ноздрями запах дыма и чуял в нём подчинившуюся двулапым вожакам безграничную силу, способную карать и согревать.

Когда огонь догорел, а во дворе стало смеркаться, Рекс подобрался поближе к мангалу. Пахло здесь заманчиво — мясом, специями, прогоревшими поленьями. От мангала волнами исходил жар. А в круглых боках железного ящика затаился обжигающий огонь, притихший на время. Красными глазами светились угли. Рекс знал: огонь не умер, он затаился!

Затихарился и щенок — спрятался за стоящим недалеко от мангала ведром с водой, приготовленным на всякий случай — мало ли пожар. Хотя таких случаев у Петровича не бывало, он всё же считал, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

Прежде чем устроить блестящие шпаги шампуров с мясом над углями, Петрович начал старательно разравнивать их железным совочком. Рукавицы, как обычно, проигнорировал. И вдруг неожиданно полыхнувшее пламя лизнуло его пальцы. Петрович ойкнул, рука с совком дрогнула — и красный уголёк выпрыгнул из мангала на землю — как раз в ту сторону, где затаился Рекс.

Пока Петрович тряс обожжённой рукой и ругался, подошедший к нему хозяин насмешливо выговаривал ему:

— Димон, вот же, блин, рукавицы лежат! Чего голыми руками в мангал лезешь?! Ещё бы задницу туда засунул, чтоб совсем уж хорошо стало!

— Да иди ты... — послал друга Петрович.

— Ладно-ладно, шучу! — успокоил его Виталий. — Может, за мазью сбегать, ожог смазать?

— Да ничего! Обойдусь! — решительно отказался Петрович, но, прежде чем опять залезть в мангал совком, всё же надел рукавицы.

На любопытного Рекса, в это время ползком подбирающегося к лежащему на земле алому огоньку, никто внимания не обратил. А щенок, помня, какой злой оказалась пчела, ужалившая его в язык, не торопился совать нос в предмет своего исследования. И всё же он вознамерился потрогать красного светляка. Сидя на траве, протянул лапу к манящему огоньку и...

— Фу!!! — вдруг, как удар плетью, хлётко, громко прозвучала команда: Петрович всё же приметил Рекса и тут же толкнул локтем приятеля: мол, смотри, что делается.

Рекс предупреждение вожака проигнорировал, как делал это всякий раз во время дрессировки. На секунду замерев с поднятой лапой, он шлёпнул ею по угольку. Искры разлетелись в стороны, а Рекс отчаянно, как будто навзрыд, завопил:

— О-о-о-оу!!!

Виталий с Петровичем покатались со смеху. Для закрепления урока, преподанного неслуху угольком, теперь уже хозяин Виталий скомандовал:

— Фу!!!

Рекс, жалуясь, скулил. Подошедшая к нему Джуна успокаивала своего отпрыска ласковым языком, остальные щенки вертелись рядом, поскуливая в поддержку обгорельца.

А двуногие вожаки, уже хлебнувшие пивка для настроения, посмеивались.

— Слышь, Виталя! А ведь хороший урок Рекс получил!.. — говорил гость.

— Это точно! — усмехнулся хозяин. — Он ведь, шалопут, команду «фу!» признавать не хочет. А гляди-ка, как вышло! Теперь запомнит!

Рекс стал прислушиваться к словам, отчего даже скулить прекратил. Понимая, что смеются над ним, щенок с осуждением во взгляде уставился на людей, потом зарычал протестующе. Это было так забавно и по-детски, как в мультфильме, что приятели вовсе покатались со смеху.

Маленький Рекс порычал-порычал, да и перестал: понял, что никого рыком не испугает. Теперь щенок внимательно уставился на Петровича. Тот подмигнул ему:

— Не обижайся, дурашка! Это тебе урок на всю жизнь.

Рекс почувствовал в голосе Петровича что-то непередаваемо теплое, дружеское. Он уселся на траве рядом с мангалом, придерживая обожженную лапу на весу и, приоткрыв пасть, осклабился.

— Господи! — воскликнул Виталий. — Гляди-ка, он улыбается!

— Точно! — подтвердил Петрович. — Совсем как его отец... — добавил с грустью.

Он подошёл к щенку, присел перед ним на корточки и осторожно взял обожжённую лапку в свою широкую ладонь.

— Ничего, потерпи, пройдет! — Петрович говорил ласково, и Рекс верил ему.

Мужчина подул на лапу, и щенку стало так хорошо, что боль от ожога будто отступила. В благодарность Рекс лизнул руку Петровича.

— Рекс, дурашка! — любовно шепнул тот и почесал щенка за ухом, на секунду забыв, что перед ним не его Рекс, с которым прожил пять счастливых лет, а его сын.

Тут Петрович, смутившись своей внезапной нежности, опомнился — отвернулся от щенка и ушёл к мангалу.

Маленький Рекс растерянно смотрел на него, не понимая, почему человек вдруг ушёл от него. Неужели он виноват в том, что вожак, от прикосновения рук которого млело в блаженстве всё его существо, бросил его? Петрович не оглянулся на Рекса. И тогда щенок, низко опустив ушастую голову, прихрамывая, побрёл в самый дальний закоулок сада.

— Петрович, посмотри! — толкнул приятеля в плечо Виталий и взглядом указал на ковыляющего Рекса.

Петрович бросил короткий, сердитый взгляд на приятеля и буркнул ни к селу ни к городу:

— Всё равно не возьму!

Виталий только фыркнул в ответ.

Из дневника Петровича:

«Бывает, бросишь только один взгляд на собаку и сразу понимаешь — не твоя! А другой человек в ней души не чаёт. Почему так? Наверно, не твоя собачья половинка души. А бывает наоборот: только увидел щенка — и что-то сорвалось в душе, какой-то замок щёлкнул, открываясь: «Вот он! Тот самый! Долгожданный!» Люди, которые говорят, что не любят собак, просто не встретились со своей половинкой. И я даже немного завидую им, ведь такая радость встречи у них впереди. К чему это я? Да к тому, что чем-то тронул меня Рекс-младший. Вдохнулась душа. И останавливает меня от того, чтоб взять его к себе, только осознание, что я тем самым предаю Рекса-старшего... дурашку...»

Обожжённая лапа Рекса зажила быстро. Недаром говорят: заживёт как на собаке. Да и Джуна старательно вылизывала ожог на сыне не только ласковым, но и лечебным языком. Через пару дней Рекс уже практически не хромал, весело носился по двору, вернувшись к своим обычным занятиям — гонялся за бабочками, выслеживал в траве ящериц и лягушек, совал любопытный нос везде, откуда пахло новыми приключениями. Однако урок, преподнесённый ему угольком, усвоил крепко.

Виталий, увидев, что Рекс с удовольствием выполняет команды, продолжил занятия с ним. Недолго — по пять-десять минут в день, чтобы не утомлять щенка. Петрович тоже чаще стал навещать к Виталию, с удовольствием занимался дрессировкой Рекса. Щенок радовался этому вниманию вожяков безмерно, удваивая, а то и утраивая усердие. Старательно «лежал», «сидел», «стоял», а при команде «фу!» замирал не хуже, чем памятник Белому Биму в Воронеже. Даже запах сосиски, от которого у Рекса кружилась голова, не мог заставить его нарушить строгий запрет. Всё, к чему относилась эта команда, было неприкосновенным, а снять запрет могла только команда «можно!».

В это же время произошло ещё одно событие, окончательно убедившее Рекса в том, что именно он стал вожяком в своей щенячьей своре. Опять на даче у хозяина гостил Петро-

вич. Так вот однажды он позвал к себе щенка и застегнул на его шею новенький ошейник. Сначала Рекс даже не понял, что произошло, попытался избавиться от ремешка, тербил его задней лапой, тряс головой, но ошейник и не думал слезать. Рекс разозлился, даже зарычал на него, да только всё было бесполезно. Дальше — хуже! Петрович пристегнул к ошейнику поводок и здорово ограничил этим свободу Рекса. Когда щенок попытался по своему обыкновению помчаться за юркой ящерицей, вынырнувшей из травы на садовую дорожку, поводок натянулся и ошейник передал горло так, что дыхание перехватило. От неожиданности Рекс присел на задние лапы и закашлялся. Он попытался ещё раз вырваться на свободу, но Петрович держал поводок крепко. Тогда Рекс обернулся и недоумённо уставился на него.

— Что смотришь, дурашка! — насмешливо ответил на немой вопрос щенка человек. — Хорошая собака должна уметь ходить на поводке. И ошейник ей по статусу положен, чтобы не спутали с бродяжкой. Понял, чудак?

Рекс вильнул хвостом. Кажется, он стал понимать происходящее, ведь у Джуны тоже был на шее ошейник, и к нему тоже цеплялся поводок, когда её выводили гулять за ворота. Рекс тьякнул и опять натянул поводок, но на этот раз не куда-нибудь, а именно к воротам.

— Ишь ты, сообразил! — рассмеялся Петрович. — Нет, на улице тебе пока рановато. Будем во дворе учиться.

Учёба заключалась в том, что Петрович, гуляя по двору и саду, постоянно сдерживал щенка. Едва тот натягивал поводок, устремляясь к тому, что его заинтересовало, Петрович немедленно останавливался. И не трогался с места до тех пор, пока поводок не ослабевал, а Рекс не оборачивался к нему.

— А ты как думал? — вразумлял он щенка. — Приучайся ходить рядом, а не шляться где попало.

Постепенно до Рекса дошло, что гулять на поводке и без него — это очень даже разные вещи. Поводок материализовал для него могучую волю вожяков. Одновременно дал две радости — от служения человеку и от понимания того, что у них один путь — у человека и

собаки. На поводке нужно было идти туда, куда захотел Петрович, а не сам щенок. И если Рекс не рвался вперед, то неизменно получал поощрение — всё тот же кружочек сосиски.

А ещё, понял Рекс, когда звучит команда «к ноге!», нужно подойти к Петровичу и прижаться боком к его стоящей на земле лапе, то есть ноге. Если команда выполнена сразу, можно получить двойную порцию угощения.

Когда очередное занятие заканчивалось, Петрович и Рекс затевали весёлую возню на траве — валялись, играли. Виталий наблюдал за их играми и улыбался. Иногда он доставал мобильный телефон и фотографировал их. Особенно удачной он считал фотку, на которой Петрович обнимал Рекса, а тот улыбался беззаботной щенячьей улыбкой.

Джуна относилась к дрессировке Рекса спокойно. А вот остальные щенки просто с ума сходили от зависти. Они крутились вокруг, повизгивали — тоже хотели получить от Виталия ошейник и сосиску в придачу. Но Виталий отгонял их строгим голосом и внушал:

— Ребятки, скоро у вас другие хозяева будут! Вот они пусть вас и учат. У хороших псов только один хозяин должен быть. Так что не привыкайте ко мне сильнее, чем требуется.

Рекс, разумеется, едва ли что понимал из его слов, но в самой ситуации улавливал главное — он избранный. Именно поэтому у него есть и ошейник, и поводок, и угощение, и уроки, и даже обожаемый им Петрович. А остальных щенков ждёт что-то другое, но наверняка не такое интересное, как у него. К концу занятия, переполняясь благодарностью, Рекс ещё старательнее выполнял команды и горевал, когда Петрович садился в машину и уезжал.

Рекс очень хорошо относился к Виталию, был признателен за всё, что тот делал для него. Любил, когда большая его ладонь поглаживала и теребила уши, живот, загривок. Но не было чего-то очень важного в их отношениях, чего-то такого... Где-то в глубине собачьей души жило представление о том единении душ собаки и человека, которое он уловил, когда сидел возле Петровича, стоящего у свежего могильного холмика. Тогда сердце Рекса переполняло какое-то всепоглощающее чувство, которого он раньше не знал. Но

оно было похоже на то, что сам Рекс испытывал к матери Джуны, только еще более глубокое, трепетное, безграничное.

Шли дни, недели дачной жизни Рекса. Игры со щенками, шалости, малые, но увлекательные приключения, уроки-дрессировки, еда, сон под тёплым бочком Джуны, встречи с Петровичем... Что ещё нужно собачонку, чтобы чувствовать себя счастливым? Но один-единственный субботний день разрушил эту идиллию, как жестокий ураган в одночасье рушит построенные людьми дома.

С самого утра что-то пошло не так. Виталий, вместо того чтобы привычно по холодку возиться в саду или на огороде, подозвал щенков и начал прихорашивать их. Вычесал бока и спинки жёсткой железной щёткой, промыл глаза тёплой водичкой, выстриг из шерсти цепкие репейники и слипшиеся колтуны, почистил уши. Затем не отпустил их свободно бегать по двору, а посадил в деревянную загородку, сооружённую им вечером рядом с будкой Джуны.

Рекс с любопытством наблюдал за происходящим. Его самого Виталий отчего-то проигнорировал, но Рекс не расстроился. Очень ему надо, чтобы у него лазали по ушам и терли глазки! Рекс и сам в состоянии за собой поухаживать. Да и сидеть в загородке — то ещё удовольствие! Ни побегать тебе, ни поиграть. Вон как скулят и повизгивают его братишки и сестрёнки. Тоже на свободу хотят.

Виталий не обращал внимания на скулёж. Он и сам сменил дачные мятые шорты и замурзанную старенькую футболку на вполне приличный спортивный костюм. Сначала Рекс подумал, что он в магазин собрался, как это бывало не раз, но Виталий никуда не пошёл, только нервно расхаживал по двору, то и дело поглядывая на часы. Люба, приехавшая на дачу накануне, даже не выдержала и прикрикнула на него:

— Ты, Матвеев, мечешься, как овца в загоне! Займись уж делом каким-нибудь, быстрее время пройдёт.

Виталий только досадливо махнул рукой в ответ:

— Отвяжись, много ты понимаешь! Я ведь как будто с детишками родными расстаюсь!

— Ага, с детишками! — не повелась на расстройство супруга Люба. — Каждый год одно и то же. Сколько уже этих щенков ты продал? Считал? То-то же. А то — «с детишками», «с детишками»... Ишь, какой отец-герой нашёлся!

Если Люба хотела этим разговором как-то приободрить мужа, отвлечь от мрачных мыслей, то выбрала не тот тон. Вместо того чтобы успокоиться, Виталий не на шутку разозлился:

— Да пошла ты, блин... на кухню! Не лезь со своими бабскими придирками в душу! Без тебя тошно!

Люба, увидев потемневшие от злости глаза Виталия, сочла за лучшее не пререкаться с ним, а ретироваться именно на кухню, где её ждало уже поднявшееся тесто для пирогов. Виталий же остался во дворе, по-прежнему нервно меряя его шагами.

Рекс, по примеру Любы, счёл за лучшее тоже не попадаться ему на глаза и удрал в сад, занявшись выкапыванием крота из его норки. От этого увлекательного занятия его оторвал резкий автомобильный сигнал. Кто-то подъехал к воротам дачи и давал знать хозяевам, чтобы открывали калитку.

Рекс не мог пропустить такого события и, оставив в покое крота, поспешил посмотреть, кого это принесло к ним в гости. Машин, как оказалось, подъехало несколько. Они привезли около десятка совершенно незнакомых Рексу людей. Мужчины здоровались с Виталием за руку, кивали Любе, вышедшей из дома на звук клаксона. Женщины ограничивались лаконичным «здрасьте!» им обоим.

После короткого знакомства Виталий подвёл всех приехавших к загородке, в которой копошились щенки. Джуна предостерегающе рыкнула, но Виталий цыкнул на неё строго, а затем, прицепив к её ошейнику поводок, повёл к бане, там и запер в предбаннике.

Приехавшие незнакомцы тем временем уже приступили к осмотру щенков. Брали их на руки, ощупывали, женщины сюсюкали приторными голосами. Рекс, наблюдая за всем этим из-за угла дачи, стал испытывать беспокойство. Никто из гостей, которые раньше приходили к Виталию, так себя не вели. При

этом хозяева оставались спокойными, не выказывали никаких признаков тревоги, и Рекс, глядя на них, успокоился, хотя следить за происходящим не перестал.

Гости много говорили, обсуждали щенков.

— Ой, Коля, мне вот этот понравился...

— Не этот, а эта. Потому что сука!

— Да какая разница! Смотри, какая она симпатичная и ласковая!..

— Лариса, давай этого кобелька возьмём. Похоже, он самый злой, а нам такой и нужен для охраны...

— Нет, лучше этого...

— Почему?

— По кочану!

И далее в том же духе. В течение получаса потенциальные покупатели щенков переругивались, уступали друг другу, перечили, сомневались, соглашались, раздражались и успокаивались. Но в итоге пришли к варианту, который устроил всех.

— Определились, кто кого возьмёт? — спросил Виталий, хотя необходимости в этом вопросе уже не было: каждый щенок сидел на руках новых хозяев. — Имейте в виду: щенков можно забрать хоть сейчас, но тогда надо сразу заплатить...

— А документы? — спросила толстая тётка с таким одуряющим запахом духов, что даже Рекс, находящийся далеко от неё, повернул нос. — Я без документов не возьму!

— Метрики тоже получите прямо сейчас, как и расписки о том, что деньги получены, — спокойно продолжил разъяснения Виталий. — Окончательно все документы вам оформят в понедельник в клубе «Дружок». Знаете, где он? Индустриальная улица, дом три, офис двенадцать. Сразу не найдёте — звоните мне, сориентирую по месту. Я тоже буду в клубе, и всё оформим как полагается. Вопросы есть? Вопросов нет! Люба, теперь — ты. Оформи расписки, возьми деньги и всё такое.

Дальнейшее происходило уже под руководством жены хозяина. Она по одному приглашала покупателей в дом, подписывала расписки, пересчитывала деньги, выдавала метрики. Дело шло быстро, гладко, если не считать вмешательства Рекса. Когда первые покупатели — толстобрюхий мужик с потными

руками и его расфуфыренная жена — попытались покинуть дачный участок с одним из братишек Рекса, тот преградил им дорогу и глухо заворчал, скаля зубы в отнюдь не доброжелательной усмешке.

— Семён, сделай что-нибудь! — пронзительно заверещала толстуха. — Убери этого зверя!

— Нюся, так я... это... — залопотал оробевший не на шутку толстяк, прижимая к груди только что купленного щенка.

— А-а-а! — женщина вопила.

А Рекс в этот момент звонко лаял, готовясь вцепиться в теткин подол платья. Неизвестно, чем бы закончилась эта стычка, но вовремя вмешался Виталий: он сгрёб огрызающегося защитника в охапку и унёс за угол дачи. Рекс сопротивлялся как мог. Да что он мог сделать против воли и рук двулапого вожака?..

Буквально через полчаса двор опустел.

Виталий всё это время просидел на лавочке рядом с Рексом за углом дома, то и дело прикладываясь к горлышку плоской металлической фляжки, из которой терпко пахло коньяком. Джуна, чуя расставание с малышами, горестно подвывала в предбаннике. Виталий от этого воя ещё больше мрачнел и не переставая поглаживал Рекса, прижавшегося к его ноге.

Люба, выпроводив последнего покупателя, подошла к мужу, провела мягкой ладонью по склонённой голове:

— Ты бы хоть закусил, Матвеев, что ли... Пойдём в дом, я тебе пирожков напекла с капустой.

— Надо бы в магазин сходить, Любаша! — вылив в горло последние капли коньяка из фляги, сказал мрачный Виталий: — А то у меня уже всё!..

— У меня есть, — успокоила жена. — Ну, не убивайся так. Им же хорошо будет, ты сам говорил, что покупатели — люди солидные, достойные...

— Много ты понимаешь! — ворчал Виталий. — Я их же вот... собственными руками вынаничил... А теперь, блин... — он поднялся с лавки.

— Ну-ну, — уговаривала жена, — не переживай так. Пойдем лучше в дом. — Она потянула Виталия за рукав.

Но муж, покачнувшись, вдруг отстранился

от нее и зашагал в сторону бани. Отпер дверь, выпустив на волю Джуна, которая тут же кинулась к деревянной загородке и, не обнаружив там никого, погрузневшая, легла рядом с ней. Даже выть не стала. Она всё поняла своим материнским чутьём. Рекс подбежал к ней, ткнулся носом в шею. Джуна вскочила, схватила его за шкуру и унесла в самый дальний угол сада.

— Последнего своего сыночка спрятать хочет, чтобы его тоже не унесли, — заметила Люба.

— А как ты думала? — ответил Виталий. — Собаки тоже люди... даже те, которые суки... Только говорить не умеют... и предавать...

Из дневника Петровича:

«Командировка от редакции кстати пришлась. Оторвался от города и своих воспоминаний. Другие люди, места, события... Теперь отписаться и ещё куда-нибудь попроситься съездить. Хотя... ты, Самойлов, не от себя ли часом сбежать хочешь? Так ведь такое никому не удавалось. Рекса не вернуть, но при этом он навсегда с тобой. Это надо понять ясно и чётко. Смириться с этим, для начала убрав с глаз долой поводок, подстилку, миску...»

Без щенков дачный двор поскучнел, поутих. Рекс стал меньше бегать и гоняться за воробьями и прочей живностью. Лежал где-нибудь под кустом смородины или в тенёчке у баньки. Положив голову на вытянутые лапы, думал о чём-то своём щенячьём. Оживлялся, только когда Виталий выносил поводок и начинал ежедневные тренировки с ним. Но даже вкусные кружочки сосиски не приносили Рексу той радости, что прежде.

Ему по-прежнему нравилось понимать команды Виталия и выполнять их, но его отношение к нему изменилось. Ведь именно он и помешал ему защитить щенков, когда их уносили в неизвестность незнакомые, дурно пахнущие вожаки. Рекс был уверен, что отстоял бы свою стаю — ведь испугались же его толстяк с толстухой! — но вмешался Виталий, и случилось то, что случилось. Будь Рекс человеком, он бы назвал произошедшее предательством. Но собакам такое понятие неведомо. Не умеющие предавать не знают,

что такое предательство. Поступок Виталия был отвратителен, но он был вожаком — сильным, могущественным, умным, и Рекс смирился. Но запомнил и не простил. Оттого уже не ластился, не просил поиграть — лишь учился у него.

Шли дни. Рекс стал понемногу оттаивать. Не мог он находиться в тоске, когда вокруг столько интересного и неизведанного. Щенячий энтузиазм, любовь к жизни вернулись к нему. Он снова стал совать свой нос во все закоулки — принимаясь, прислушиваясь, приглядываясь к окружающему миру.

Даже Люба заметила эту перемену и сказала как-то мужу, кивнув в сторону Рекса:

— Смотри-ка, отошёл вроде Рексушка. Опять его на игры потянуло.

Виталий согласно хмыкнул. А Люба продолжила разговор, очевидно не сегодня начатый:

— Матвеев, что делать с ним думаешь? Димка ведь от него отказался. Значит, наш он теперь. Представляешь, сколько за такого умного и уже воспитанного щенка запросить можно?

— Тебе бы всё деньги, — недовольно пробурчал Виталий.

— А что тут такого, Матвеев? — удивилась Люба. — Оставить мы его себе не можем, нам Джуны за глаза хватает. Ну не на улицу же его отправить?!

— Я тебе дам — на улицу! — не на шутку взбеленился Виталий. — Ишь чего удумала: щенка на улицу выбросить, как тряпку половую! Ты хоть понимаешь, блин, что они всё чувствуют и понимают? Вон, погляди!

Рекс сидел неподалёку от супругов и внимательно вслушивался в человеческую речь. Кажалось, он действительно понимал, что сейчас решается его судьба. Глаза щенка были строги и пытливы.

— Как смотрит! — как будто удивилась Люба. — Глянь-ка, будто мальчишка из детдома.

— Вот видишь! — наставительно поднял вверх указательный палец Виталий. — А ты говоришь — на улицу...

— Да не собиралась я его выбрасывать, — стала оправдываться Люба. — Но ведь что-то мы должны с ним делать, раз Петровичу он не нужен...

— «Не нужен, не нужен!..» — передразнил супружницу Виталий. — Шас я ему звякну. Как скажет, так и поступим с Рексом.

Разговор с приятелем получился кратким и неприятным для обоих. Петрович, ещё не оттаявший душой после гибели Рекса, на вопрос Виталия ответил просто и лаконично: «Делай что хочешь. Мне сейчас щенок не нужен. И денег за него я не возьму. Отдай в хорошие руки, если есть такая возможность. Всё. Пока! Мне некогда».

Люба, слышавшая весь разговор, поскольку муж сидел рядом, поджала губы:

— Ишь ты, щедрый какой! «Отдай!» Не отдай, Матвеев, а продай, не при коммунизме, чай, живём, где всё вокруг колхозное и ничьё!

— Цыть! — осадил её Виталий. — Сказал Петрович отдать, значит, отдам! Рекс — его и по закону, и по понятиям. Так что ему и определять, что с ним делать.

— Ну и кому ты щенка отдашь, Матвеев? — ехидно спросила муженька Люба. — Голодранцам каким-нибудь? Элитный щенок немецкой овчарки — и на тебе! Добро пожаловать в нищенскую жизнь с объедками со стола и грязной тряпкой вместо подстилки у мусорного ведра.

— Да угомонись ты, блин! — уже по-настоящему рассердился Виталий. — Есть у меня на примете одна пара супружеская... Он — художник, она — то ли доцент, то ли декан... В общем, в институте работает. Лишних денег у них нет, а об овчарке давно мечтают. На днях съезжу в город, поговорю с ними. Всё, на этом разговор окончен!

Из дневника Петровича:

«Чёрт! Как-то нехорошо с Виталькой получилось. Чего, спрашивается, взелся на него? Ну, хочет он мне этого маленького Рекса отдать, так что тут плохого? Щенок-то действительно хороший. Другое дело, что я не готов его принять к себе. Не готов — и всё тут! Ладно, вернусь из командировки, звякну Витальке попозже или заеду мировую раскатать...»

Где-то через пару недель Виталий, как обещал жене, уехал в город решать судьбу последнего щенка. Люба была на службе, и Джуна с

Рексом остались вдвоём охранять дачу. Основная надежда, конечно, была на Джуну, Рекс на охранника в силу своего возраста никак не тянул, но и её одной было достаточно. Один грозный рык или «гав!» отпугивали от забора всякого, кто к нему приближался. Про то, чтобы перелезть через него, и речи не было.

О заборе вообще разговор особый. Он привлекал внимание Рекса с самых первых дней. Из-за ограды доносились до него многочисленные звуки и запахи, но заглянуть за неё щенку никак не удавалось. Только иногда, когда открывались ворота, он успевал увидеть кусочек грунтовой дороги, крышу соседней дачи за таким же высоким забором, изредка — курицу, кошку или незнакомую собаку. Увиденное только подтверждало догадки Рекса, что за забором прячут от него много интересного. А это, в свою очередь, дразнило его любопытство до крайней степени.

Рекс тщательно обследовал забор по всему периметру, но ни щёлочки, ни дырки в нём не нашёл. Перепрыгнуть через него не было никакой возможности. Даже Джуна вряд ли справилась бы с такой задачей, а уж ему-то, щенку, куда?.. Оставалось смириться и ждать, когда представится удобный случай ускользнуть со двора через ворота. Но Виталий, открывая створки, всегда зорко следил за тем, чтобы никто не проскочил в них вместе с машиной.

Оставшись наедине с Джуной после отъезда хозяина, Рекс попробовал увлечь Джуну какой-нибудь игрой, но мать, всё ещё переживающая за своих щенков, на уговоры сына не поддавалась. Напрасно он прыгал и приседал на передние лапы перед её мордой, напрасно влаивал и покусывал мать за уши. Джуна вяло отмахивалась от него, лежала и грустила. Рекс, видя её настроение, вскоре прекратил попытки растормошить мать и принялся развлекать себя сам. Побегал по саду, вспугивая лаем маленьких птичек, присевших отдохнуть на ветках яблонь. Послушал, не лает ли в бочке тот щенок, который чуть не утопил его. Погрыз старенький резиновый мячик, хотя называть его мячиком после знакомства с зубами щенков можно было только с большой натяжкой. Забрался

по уже известному пути на поленницу, чтобы оглядеть с высоты весь двор, и...

О чудо! Он заметил серого котёнка, тихонько крадущегося вдоль забора. Пока Рекс стоял на земле, он не мог разглядеть его из-за травы, но сейчас маленький котофеич был перед ним как на ладони. Сначала Рекс хотел облаять его, но усилием воли остановил рвущийся из пасти «тяф!». Вместо этого он вернулся по тому пути, откуда и пришёл, спустился на землю. Быстро перебежав по диагонали двор, он достиг забора метрах в десяти от котёнка, укрылся за деревянным ящиком, в который Виталий собирал золу для подкормки моркови, капусты, укропа и всяких других посадок. Место для засады было выбрано удачно. Мало того что котёнок не мог разглядеть Рекса в его прятке, так ещё и острый запах золы и мелких угольков в ней не давал ему унюхать затаившегося охотника. А того обуял хоть и игровой, но азарт. Кончик его хвоста дрожал от нетерпения, ноздри расширились. Рекс застыл каменным изваянием, чтобы не упустить добычу. Капелька крови Диких Псов, от которых ведут свой род все собаки, в том числе и немецкие овчарки, текла в его жилах и дала о себе знать. Он сейчас не просто играл в охоту и даже не охотился, а именно жил ею. Весь остальной мир перестал для него существовать.

Ничего не подозревающий котёнок, случайно попавший в незнакомый двор, тоже охотился — выслеживал полёвку, шуршащую в траве у забора. И уже готов был схватить её, как перед ним вдруг возник Рекс. Горящий взгляд, оскаленная пасть, вздыбленная шерсть. В глазах котёнка щенок выглядел так, как для людей выглядят монстры из фильмов ужасов. Но котик и не подумал дать стрекача, хотя всё в нём задрожало от страха. Он выгнул спину, грозно мявкнул и зашипел на врага. Рекс на секунду растерялся от такого приёма. Он ведь не собирался всерьёз съесть этого заморыша. Так... повалял бы немного, чтобы знал, кто на даче главный. Однако этой секундной заминки хватило котёнку для того, чтобы дать лапой с выпущенными коготочками Рексу по морде, а затем ринуться к дырке в заборе, через которую он и проник на чужую территорию.

Расцарапанный Рекс взвизгнул от боли. Котгопки у котенка оказались острыми, а нападение — стремительным. Это было столь неожиданно, что Рекс опешил. И пока ошарашенно тряс головой, пытаясь сбросить с морды саднящую резь от царапин, упустил свой шанс тут же поквитаться с хвостатым негодяем, посмевающим напасть на него на Рексовой же территории. О том, что он сам сидел в засаде и поджидал котёнка, щенок уже позабыл. Осталось только яростное желание отплатить кошаку той же монетой. И Рекс ринулся по следу исчезнувшего супостата не хуже гончей. След был свежий, нюх у Рекса отменный, так что недолго светило котёнку насладиться победой. Возмездие неслось за ним по пятам! Быстрое, опасное, не знающее пощады!

Оказалось, что котёнок проник во двор через отогнутый край листа металлопрофиля. Кто и когда отогнул его — неизвестно. Ведь ещё недавно этого узкого лаза не было, уж Рекс нашёл бы его, обследуя забор со всей тщательностью. Но сейчас происхождение лазейки было неважным. С огромным трудом, но он протиснулся в тесную щель и...

Из дневника Петровича:

«Сегодня возле гастронома встретился глазами с бродячим спаниелем. Он сидел и голодным взглядом встречал каждого, кто выходил из дверей. Я разорвал упаковку сарделек, купленных на ужин, скормил ему. Пёс ел жадно, но как-то аккуратно... по-домашнему, что ли. Видно, что знаком с правилами хорошего собачьего тона. Какая же сволочь выгнала тебя, бедолага, на улицу? Понятно же, что ты брошенный, а не потерянный. Царапнула мысль: а что, если и Рекс после моего отказа от него окажется на улице? Но нет, быть того не может! Виталя такого не допустит! А впрочем, почему Виталя-то? С чего я вдруг решил на него переложить заботу о сыне своего друга? Всегда всё решал сам, а тут вдруг спрятался за чужую спину... Когда уходил, оглянулся на спаниеля... Лучше бы не делал этого. Он смотрел мне вслед с такой безнадёгой. Не напрашивался в друзья, не вымаливал место рядом с человеком. Просто смотрел, и, показалось, две слезинки искрами сверкнули в его глазах».

Вот этого Рекс никак не ожидал. Большой, как ему казалось, дворовой мир внезапно расширился до умопомрачительных размеров. Что-то подобное было уже один раз, когда его перевезли из городской квартиры на дачу. Однако этот новый мир за забором превзошёл прежний восторг Рекса от переезда: он был безграничен, необъятен. Как искать здесь котёнка, Рекс понятия не имел. Да и неважны ему стали погоня, желание рассчитаться с обидчиком, даже боль от царапин отступила от волны удивления и восторга, охватившей щенка от ушей и до самого кончика хвоста.

Рекс замер у лазейки в заборе, готовый в случае опасности тут же нырнуть обратно во двор — под защиту Джуны и родных стен. Но пока ничего опасного, внушающего тревогу поблизости не наблюдалось. Шелестели пыльные лопухи вдоль узкого проезда между дачами. Чуть далее сосны подпирали небо верхушками. Издалека доносился шум проезжающих машин. На соседних участках переругивались, спорили, смеялись детские и взрослые голоса. И не было для щенка ничего страшного в окружающем мире.

Сидеть на одном месте и предаваться созерцанию было не в обычае Рекса. Деятельная натура требовала движения, поиска чего-то нового. Щенок осторожно пошел на разведку — сначала вдоль забора мелкими шажками, поминутно останавливаясь и оглядываясь. Но постепенно он преисполнился решимости и гордо затрусил посередине дороги, уши-локаторы — вразлёт, хвост — торчком, глаза — враспах. Ещё бы, ведь столько неизведанного впереди! Весь мир раскинулся перед ним во всей красе. Вот что, например, скрывается за тем поворотом? Любопытство толкало Рекса вперёд, заставляло забыть об осторожности.

— Би-бип!!! — резкий звук автомобильного гудка за спиной испугал Рекса до полусмерти.

Вместо того чтобы тут же броситься наутёк, щенок присел от страха, замер, надеясь, что тот, кто пищит так ужасно, не заметит его. Напрасные ожидания! Позади него хлопнули автомобильные дверцы, зашуршали гравием шаги — и перед Рексом присели на корточки два молодых парня.

— Ну и откуда же ты взялся здесь такой весь храбрый? — спросил тот, что был в тёмных солнечных очках и белой бейсболке с длинным козырьком.

Рекс молчал, опасливо оглядывая незнакомых ему вожаков.

— Домашний, — уверенно произнёс второй парень в синей бейсболке. — Смотри, упитанный какой, и ошейник имеется.

— Немец чистопородный! Сразу видно, — с умным видом заключил первый.

— Слышь, Серый, давай его возьмём себе? — предложил второй, шмыгнув носом.

— А на фига он нам?

— Подарим кому-нибудь.

— Ты, Колян, дурак или сроду так?! — искренне возмутился первый. — Вот если бы продать... Сколько он может стоить?..

— Шас выясним, — второй — Колян — вытащил из кармана навороченный айфон и забегал по его экрану пальцами с грязноватыми отросшими ногтями.

Пока парни выясняли цену, Рекс понемногу стал успокаиваться — все-таки два вожака были рядом. Изначально воспитанный в дружелюбном отношении к двуногим, он не почувствовал опасности ни в их повадках, ни в мерном рокоте слов, ни в запахах. Подумаешь, незнакомые! Все поначалу бывают такими. Рекс по своей давней привычке склонил голову набок и даже чуть-чуть махнул хвостом по пыльной дороге.

— Серый! Ну ничего себе! — вдруг удивился Колян.

— Чего там?

— Ты представляешь, щенки немецкой овчарки стоят от тридцати штук и выше!

— Это с документами, — рассудительно заметил Серый. — А где их взять?

— У меня дружан один есть, — затараторил Колян. — Он любую бумажку сделать может. За бабки, конечно. Мы ему штуку дадим, и он все документы сварганит. Втюхаем пса какому-нибудь лоху, а потом ищи нас!

— Хм, заманчиво! — Серый даже очки снял, в задумчивости стал покусывать дужку. — Ладно, давай попробуем. Тащи сосиску!

— Где я тебе возьму её? — удивился Колян.

— В машине, чудила! — хлопнул его по плечу

напарник. — Мы же еду с собой взяли, чтобы перекусить в дороге!

— А-а! — досадливо протянул Колян. — Точно, есть сосиски. Я и забыл совсем.

Пока приятель шарил в машине в поисках еды, Серый протянул руку к щенку и осторожно погладил его по голове. Рекс вильнул хвостом. Дружеские отношения с незнакомцами постепенно налаживались. А когда вкусно запахло сосиской, Рекс и вовсе проникся к новым вожакам доверием, оттого и не забеспокоился, когда рука Серого взяла его за ошейник.

Всё переменялось в одну секунду. Вдруг рука, резко вздёгнув Рекса, подняла его над землей. Щенок хотел тявкнуть, но ошейник так пережал ему горло, что удалось только всхрапнуть.

— Давай открывай багажник! — скомандовал Серый Коляну.

— Мы что, его в багажнике повезём?

— А где ж ещё? В салон своей «вольвочки» я его не посажу, ещё нагадит в дороге. Давай быстрее шевелись!

Рекс, почуяв беду, стал отчаянно бороться за свою свободу — совсем как дикий зверь, попавший в капкан. Кровь далёких предков вновь пробудилась в нём — он готов был биться за свою жизнь. Рекс стал извиваться всем телом, хрипло рычать и скалить зубы. Дотянуться до врага клыками он не мог, поэтому пустил в ход задние лапы с ещё не до конца окрепшими, но уже вполне опасными когтями. Дотянулся-таки до ненавистной руки, саданул по ней что было сил, но было уже поздно: щенка в следующий миг с размаху кинули в какой-то ящик, захлопнули крышку.

— Гадёныш! — вопил уже не видимый Рексом Серый. — Он мне всю руку расцарапал, урод! Вот же сволочь!

Почти сразу крики стихли, мягко заурчал двигатель «Вольво». Машина плавно двинулась с места, увозя Рекса в неизвестность.

За забором дачи Виталия бесновалась Джуна. Призывно лаяла, царапала когтями металл, прыгала, пытаясь перемахнуть через ограду, но всё было напрасно. Последний из её детёнышей исчез. Когда от машины и след простыл, она легла на траву и завывала так горь-

ко, надрывно, что перепугала всех в округе.

Рекс не слышал прощальной песни матери. Придушенный, ослабевший от борьбы, он лежал в пропахшем машинным маслом тёмном багажнике и пытался понять, что происходит. Рекс привык всех вожаков считать друзьями, а не врагами, оттого и попал в беду. Привычные представления о мире рухнули! Оказывается, человек может быть коварен!

Властные и ласковые одновременно руки Петровича или хозяина дарили Рексу уверенность и спокойствие, от них исходила могучая волна доброй силы. И только что такие же руки жестоко сдавили ошейником шею Рекса. Капелька крови свободных предков вновь дала о себе знать. Дикие Псы не терпели насилия над собой, они никогда не сдавались и бились до конца, а на причинённое им зло отвечали клыком.

Рекс с трудом поднялся на трясущиеся лапы и начал обследовать багажник в поисках выхода. Никакой лазейки не было. Тогда Рекс снова прилёг на живот. Силы возвращались к нему. Теперь он снова сидел в засаде, не сводя глаз с узенькой полоски света, пробивающегося со стороны улицы, и уже знал, что сделает, когда его темница распахнётся...

Ждать пришлось не меньше часа. Но наконец-то двигатель заглушили. Свобода близка. Надо только не дрейфить! Рекс затаился и приготовился к побегу. Его тело, оставаясь неподвижным, наполнилось kloкочущей энергией, готовой выплеснуться разом, стоит только ему приказать.

Раздались хлопки дверей машины, голоса. Приятели подошли к багажнику.

— Он там не задохнулся часом? — беспокоенно спросил Колян. — Что-то не слышно его совсем...

— Да хоть бы и подох! — зло откликнулся поцарапанный Рексом Серый. — Лишь бы не обгадил багажник какой-нибудь блевотиной. А тебе что, жалко его?

— Не его, а денег, которые можем за него получить, — ответил Колян. — Бабки-то не маленькие, согласись...

— Ну, открывай тогда, надо его как-то в гараж затащить и привязать там, чтобы не удрал.

— Так это... у него же ошейник есть, надо верёвку к нему привязать и всё.

— Вот ты и привязывай! — скомандовал Серый.

— Почему я? — спросил Колян.

— Потому что я уже покарябанный, а ты целый, как девка-отличница! — обидно заржал Серый.

— Но-но! — угрожающе окрысился на приятеля Колян. — Ты того... полегче на поворотах, а то занесёт в кювет.

Серый понял, что переборщил с подколкой, примирительно сказал:

— Ладно тебе! Я же просто пошутил. Давай так: я возьму палку и, если этот сучий сын дёрнется, я его «успокою». А ты держи верёвку и привязывай её к ошейнику. Лады?

Колян мрачно кивнул и стал открывать багажник.

Яркий свет резанул Рексу глаза. Не медля ни секунды, он оттолкнулся всеми четырьмя лапами от дна багажника и с утробным рыком прыгнул на человека, готовый зубами вцепиться ему в горло.

Колян едва успел увернуться от зверя. Зубы Рекса клацнули перед самым лицом врага, а сам он кубарем покатился по земле. Серый попытался ударить его заранее приготовленной палкой, но промазал. Рекс вскочил на лапы, однако в бой не ринулся. Он уже добился, чего хотел. Свобода! Сердце его ликовало и билось где-то под самым горлом. Быстрые лапы сами собой понесли подальше от вожаков, оказавшихся предателями.

Из дневника Петровича:

«Сегодня ночью опять снился Рекс, только почему-то похож он был на накормленного сардельками спаниеля. Бегал по скверу и по минутно оглядывался на меня. Потом подбежал, лизнул в лицо и удрал куда-то. Сколько ни звал — не откликнулся. Проснулся, а щека мокрая... И почему-то очень захотелось позвонить Витале, узнать, как там Рекс-младший. Ладно, завтра-послезавтра вернусь в город и звякну».

Часть вторая БЕЗ ОПРЕДЕЛЁННОГО МЕСТА В ЖИЗНИ

Рекс долго бежал. Сначала — мимо каких-то гаражей, потом — по окраинным городским улочкам. Пути не выбирал, просто поворачивал туда, где бежать было удобней. Когда не знаешь точно, куда направляешься, но спешишь оторваться от преследователей, такой вариант бегства выглядит самым предпочтительным. И Рекс инстинктивно выбрал именно его. В том, что за ним гонятся два взбесившихся жоака, щенок ни капельки не сомневался. То с одной, то с другой стороны до него доносилось урчание автомобильных двигателей. Казалось, преследователи всюду, они окружают его, загоняют в ловушку. Рекс всячески старался обмануть их, резко менял направление, проползал под какими-то заборами, протискивался в узкие щели между постройками, сигал через канавы. Это было грамотное отступление, пусть и не спланированное. Рекс бежал, запутывая следы, он не обращал внимания ни на обстановку вокруг, ни на изредка попадающихся на его пути шипящих котов, ни на заходящихся лаем собак. Главное — обрести свободу!

Такой марафон не мог продолжаться долго. Рекс устал, в горле у него пересохло, язык вывалился набок, дыхание стало сиплым и прерывистым. Надо было срочно искать место для отдыха, однако ничего подходящего никак не подворачивалось. Рекс уже едва перебирал лапами, когда судьба смилостивилась над ним: кривая побега вывела его к городскому парку. Протиснувшись между железными прутьями высокой ограды, Рекс угодил в прохладу и спокойствие «зелёных лёгких» города. Высокие деревья и подстриженные кустарники вдоль дорожек глушили шум автомобилей с улицы.

Усталый Рекс привалился на травку перевести дух. Эти неприятности с коварными жоаками многому его научили. Оказалось, окружающий мир вовсе не наполнен любовью и добротой, как щенку казалось раньше, а от незнакомых жоаков можно ожидать чего угодно. А ещё он понял, что теперь сам должен заботиться о себе. Не придут

ему на помощь ни Джуна, ни хозяин, ни Петрович...

Вспомнив о матери, щенок заскулил тоненько и жалобно, но почти сразу умолк: сообразил, что скулёж может выдать его преследователям, а к еще одной погоне или схватке в этот момент Рекс был совсем не готов. Чуть полежав, он поднялся на лапки и поплёлся между берёзами, тополями, липами, елями... Наконец набрёл на укромное местечко вдалеке от любопытных глаз, уличного шума и смрада выхлопных газов автомобиля.

Убежищем для Рекса стала свалка строительного мусора, оставшаяся после ремонта офиса дирекции парка. Щенок протиснулся между обломками досок и заполз под лежащий плашмя кусок гипсокартона. В ямке под ним было тепло, сухо, что и требовалось щенку в данный момент. Рекс свернулся калачиком, повозился немного, устраиваясь удобнее, и моментально уснул.

Разбудила щенка резь в пустом желудке. Ещё никогда он не испытывал настоящего голода, а потому не сразу понял, что происходит в его животе. На хозяйской даче проблем с питанием не было: щенков кормили четыре раза в день, так что Рекс привык получать пищу в положенное время. А тут вдруг такой перерыв в кормёжке! Да ещё и сколько сил ушло на побег! Щенок попытался еще поспать, но сон не шёл. И тогда Рекс встал, потянулся в тесном закутке и вылез из своего убежища наружу — в такой негостеприимный и пугающий мир.

День уже почти сошёл на нет. Закатное солнце красноватыми росчерками лучей пронзало шелестящую листву притихшего парка. Рекс отряхнулся, втянул носом воздух. Пахло зелению, разогретым за день асфальтом и строительным мусором, под которым он отдыхал. С наслаждением чихнув, Рекс под прикрытием кустов двинулся вперёд. Поминутно останавливаясь, он принюхивался и всматривался в сумерки: пока ничто не предвещало опасности. Только есть хотелось всё сильнее и сильнее. Желудок требовал еды. Но где её взять, Рекс не знал, хотя понимал, что пищу нужно искать там, откуда доносился слабый запах чужих жоаков. Он привык по-

лучать корм из рук Виталия и другого способа найти себе пропитание не представлял.

Внезапно лёгкий ветерок донёс до Рекса слабый запах сосиски. Восхитительный, манящий, вкусный! Пасть моментально наполнилась слюной, а нос, как компас, сразу вычислил направление, куда следовало бежать. Однако усилием воли Рекс сдержал первый порыв. Сегодня сосиска уже сыграла в его судьбе ужасную роль, и щенок не хотел вновь оказаться в запертом багажнике. Он хорошо усвоил урок, не зря же Виталий называл его умницей и вундерпсиной.

По-прежнему таясь и осторожноничая, Рекс двинулся на сосисочный запах, который с каждым шагом становился сильнее. Он кружил щенячью голову, предлагал забыть об опасности. Чего бояться, если вокруг всё спокойно?.. Этот запах призывал бежать, лететь, нестись со всех лап туда, где есть еда. Девяносто девять из ста щенков так бы и сделали, но проснувшийся в Рексе Дикий Пёс глухо заворчал, предостерегая от опрометчивых поступков. И Рекс послушался его, а не щенячьего оптимизма. Он даже не предполагал, что в этот момент дал добро на схватку двух сил, таившихся в потаённых уголках его души. Оживший в нём Дикий Пёс вступил в борьбу с Домашней Собакой, веками верой и правдой служившей человеку. Исход этой борьбы никто не в силах был предугадать.

Сосиской пах хот-дог в руке молодого парня, сидевшего на садовой скамейке. В другой его руке была зажата баночка с пивом. Откусывал и прихлёбывал паренёк так смачно, что сидевшая рядом с ним девушка рассмеялась озорно и весело:

– Стасик, ты что, сегодня не пообедал?!

– Угу! – промычал парень с набитым ртом.
– Некогда было. Хочешь?

– Не-а, лучше бы в кафешку пошли и нормально поели.

– М-м-м! – согласился Стас. – Шас пойдем. Это я так... перекусить немного.

– Ничего себе «немного»! – снова засмеялась девушка. – Ты уже два умял и на третий нацелился. Давай его сюда! – С этими словами девушка выхватила из руки парня последний, вытасенный из бумажного пакета хот-дог.

– Не, ну не так же! – запротестовал Стас. – Олька, отдай по-хорошему!

– А ты попробуй отбери, – Оля спрятала руку с хот-догом за спину.

Из кустов за скамейкой Рекс наблюдал за вознёй парочки, и слюна капала из его полуоткрытой пасти, а запах сосиски просто сводил с ума. В его собачьей душе шла нешуточная борьба двух желаний. Ему одновременно хотелось и выйти к незнакомым жожакам, и поскорее убежать от них, спрятаться в укромном месте. Первое желание многократно подкреплял голод, и Рекс решительно шагнул из зарослей на асфальтовую дорожку. Но бдительности он не утратил. В любой момент его напряжённые лапы были готовы рвануть в глубь парка. А пока ничто не предвещало плохого. Парочка на скамейке закончила шутливую борьбу, теперь они целовались, забыв про хот-дог.

Рекс набрался храбрости и осторожно двинулся через дорожку к манящему пакету. Он уже почти достиг цели, когда раздался голос:

– Ой, щеночек! Стасик, глянь, какой!..

Рекс моментально отскочил от скамейки на добрый метр и предупредительно зарычал.

– Породистый, сразу видно! – добавил Стас. – И ошейник есть.

– Это немец, я видала таких на выставке, – вспомнила Оля. – Наверно, потерялся. И что теперь делать?

Стас внимательно посмотрел на Рекса. Щенок ответил ему прямым и бесхитростным взглядом. Потом неуверенно махнул хвостом. Ему было стыдно и неловко выпрашивать еду у незнакомцев, но есть хотелось так сильно, что можно было и забыть о гордости.

– Он кушать хочет, – уверенно сказала Ольга. – А попросить стесняется.

Девушка отломил кусок сосиски вместе с булкой и бросила Рексу. Тот опять осмотрительно отскочил, помня, что Колян с Серым заманили его в ловушку именно сосиской. Но девушка с парнем сидели на скамейке, не делая никаких попыток цапнуть его. А сосиска пахла так вкусно! Рекс, скосив глаза на парочку, угостившую его, осторожно схватил зубами угощение и так быстро проглотил его, что даже не почувствовал вкуса. Девушка засмея-

лась и бросила ему ещё один кусок. Он тут же разделил участь первого.

Когда от хот-дога уже ничего не осталось, девушка развела руками:

– Всё, дружок! Больше ничего нет.

– Почему – Дружок? – заметил Стас. – Ему больше Арчи подойдёт или Рой.

– Да это я просто так сказала, – пояснила Оля. – Слушай, а давай поищем его хозяев!

– Как? – недоумевал Стас. – Объявления, что ли, по столбам расклеим «найдена собака по кличке Дружок»?..

– Ну зачем нам бумажки?! В двадцать первом веке живём. Сейчас я его сфоткаю и в Сети выложу. Знаешь, сколько групп такие объявления размещают? – С этими словами Оля достала из сумочки айфон и несколько раз сняла Рекса. Потом быстро забегала пальцем по экрану, через минуту сказала: – Всё. Теперь он в Сети. Место, где искать этого потеряшку, я указала.

– Так что, дальше двинем в кафе? – спросил Стас, потеряв интерес к щенку.

– Не-а, давай в клуб рванём? – предложила девушка. – Прощай, Арчи, или как тебя там?.. Никуда не уходи! Вдруг хозяин прочитает пост про тебя и придёт сюда на поиски. Понял?

Рекс вильнул хвостом: понимаю, мол. Он действительно понял, что добрые вожаки, накормившие сосиской с булкой, не зовут его с собой, проводил их взглядом, но следом не побежал. Понутив голову, поплёлся к своей норе в строительном хламе. Голод он утолил, но настроения поиграть или отправиться в разведку не появилось. Рексу нужно было переварить не только неожиданное угощение, но и всё, что случилось с ним в этот насыщенный событиями день.

Из дневника Петровича:

«Иногда люди порочны в своих поступках до гениальности: дружбу с собакой, длящуюся тысячелетиями, они умудряются разрушить до основания за какую-то пару лет, а то и часов. Потом удивляются, что бывшие друзья встречают их злобным рычанием».

Тишина утра для щенка взорвалась громким призывным криком:

– Рекс, ко мне!!!

Рекс вздрогнул и, плохо соображая со сна, рванул к выходу из убежища. Проскрёбся, протиснулся по узкому лазу и выскочил на залитый солнечным светом простор. Покрутил ушастой головой, прогоняя остатки сна. В сторонке стояла женщина в красном спортивном костюме и с поводком в руке. От неё пахло духами, варёной курицей и чужой собакой. Незнакомка оглянулась по сторонам, недовольно сморщилась и снова громко крикнула:

– Рекс, ко мне!!!

Ни капельки не сомневаясь в том, что позвали именно его, Рекс подбежал к знакомке и хотел прижаться к её ноге.

– Ой! – взвизгнула та и отскочила в сторону. – Пошёл отсюда! Брысь! Рекс, ко мне!

Рекс удивлённо посмотрел на визжащую знакомку. Зачем его звать, если он и так рядом? Но вдруг боковым зрением уловил движение слева. Из глубины парка прямо к ним неслась большая восточноевропейская овчарка. Рекс дружелюбно вильнул хвостом, мол, я тут с миром, ничего плохого не замышляю. Но кобелю, похоже, было не до него. Подскочив к хозяйке, он уселся у её ноги, преданно глядя в глаза.

– Где ты шляется, Рекс? – раздражённо обратилась к нему женщина. – Меня какой-то урод чуть не покусал!

Пёс удивлённо посмотрел на щенка, миролюбиво сидящего в сторонке. Этот, что ли, напал и укусить хотел? Не поверил и опять взглянул в глаза хозяйке.

– Чего уставился? Да-да, этот гадёныш! – сердито произнесла та и вдруг резко скомандовала, наставив на щенка указательный палец: – Фас!

Маленький Рекс никогда не слышал такой команды, но большому его тёзке она была хорошо знакома. От немедленной расправы щенка спасло только то, что старший Рекс не сразу поверил в происходящее. Неужели его, такого большого и сильного, натравливают на столь малорослого и не представляющего никакой угрозы салагу?! Однако повторная команда «фас!» развеяла его сомнения. Пёс оскалил клыки и прыгнул на малыша. Секундное замешательство, предшествую-

шее этому, привело к тому, что маленький Рекс каким-то непостижимым образом уловил серьёзность ситуации и принял единственно правильное решение — бежать. И не куда-нибудь, а в своё укрытие, потому что на открытом пространстве шансов спастись у него не было. Щенок пулей влетел в узкий лаз и вжался в дальний угол своей норы. Большой Рекс рычал от злости, но проход был слишком мал для него. И тогда он лапами стал углублять его, пробиваясь к тому, в чьё горло намеревался вонзить зубы.

— Давай, Рекс! Давай! Достань его! — подбадривала хозяйка своего питомца.

Пёс старался. Он дрожал от нетерпения и очень хотел выполнить команду. Но земля была жёсткой, скреплённой перепутанными корнями деревьев, хламу сверху много.

Испуганный маленький Рекс получил небольшую передышку. Ему хотелось визжать от ужаса, охватившего его, и бежать, бежать, бежать... Но путей к отступлению не было. И тогда вместо визга из горла щенка Рекса вырвалось глухое рычание. Оно не было столь громким, как у пса, преследующего его, но ярости в нём было не меньше. Это опять проснувшийся Дикий Пёс заглушил в щенке Домашнюю Собаку. О бегстве уже не было и речи. Жажда схватки сотрясала щенячье тело, она kloкотала у него в глотке, рвалась наружу в злобном оскале. Взрослый пёс приближался, маленький уже видел его и выжидал момент для броска.

Посыпавшаяся сверху труха на мгновение ослепила хрипящего от нетерпения кобеля, и в тот миг Рекс наконец рванул на большого противника! Его острые, хоть и маленькие зубы полоснули по чувствительному чёрному носу врага, а передними лапами он попытался достать до его глаза. Громкий визг возвестил, что атака щенка удалась. Морда большого Рекса исчезла из норы, а по округе разнёсся вой, в который вплетались причитания женщины: «Рексик, миленький, что с тобой? Эта тварь тебя укусила? Пойдём, пойдём, мой хороший! Не плачь! Мы этому паразиту ещё покажем! Никуда он не денется».

Рексу-маленькому эти удаляющиеся от его убежища звуки внушали надежду. К тому же

он был горд собой: вступил в неравную схватку с большим псом и вышел из неё победителем. Выждав еще несколько минут, щенок выбрался из своей норы, вернулся на то место, где встретил недружелюбную собачницу, чтобы на всю округу победоносно гавкнуть в сторону ретировавшегося врага. Лай получился звонкий, радостный, усталости после схватки как не бывало.

Поблизости Рекс учуял манящий запах съестного, он исходил от пакета, лежащего на земле. Щенок подошел, принялся — действительно, на земле остался лежать пакет, а в нём... два вареных куриных окорочка. Они предназначались большому Рексу за хорошую работу на дрессуре. А теперь добыча по праву перешла к победителю! Это был настоящий триумф для щенка, и он, разорвав упаковку, впился зубами в угощение, захрустел косточками.

Покончив с окорочками, Рекс облизался и решил пройтись по парку в поисках воды. Жажда донимала его не меньше голода. До сих пор он утолял её, лакая из какой-то ржавой плошки на свалке, но надо было решать вопрос кардинально, уж больно невкусной была застоявшаяся дождевая вода, в которой к тому же уже завелись юркие личинки, да и оставалось её на доньшке.

Ручей с чистой прохладной водой нашёл метрах в ста от логова Рекса. Щенок, скользя лапами по мокрой от утренней росы траве, спустился к нему по небольшому склону. Напившись вдоволь, Рекс улёгся на небольшой полянке среди кустов и погрузился в размышления. Слишком много событий произошло в его жизни в последнее время, и каждое требовалось осмыслить и сделать правильный вывод.

Конечно, Рекс не мыслил совсем как человек. Но в его душе противоборствовали две сущности, две противоположности. Пробудившийся в нём Дикий Пёс настаивал на том, что все вокруг враги и ни на кого не нужно надеяться в этом опасном мире. Домашняя Собака, жившая в нём с самого рождения, возражала: «Всё, что произошло, это случайность, ошибка, не имеющая ничего общего с настоящей жизнью, в которой главное для собаки —

любовь, преданность, дружба». «Ну уж нет! — спорил Дикий Пёс. — Какая любовь, если сначала тебя запирают в тёмном и тесном багажнике, потом пытаются ударить палкой, а напоследок натравливают на тебя огромного пса?» И верно: злость и ярость помогли Рексу выстоять в схватках, а любовь в такие моменты погубила бы его. «А два вожака, угостившие такой вкусной сосиской с булкой? — не унималась Домашняя Собака. — Разве это не было проявлением дружбы?» — «И где они? — опять возражал Дикий Пёс. — Ушли! Разве это не предательство?..» Оба были по-своему правы — и Дикий Пёс, и Домашняя Собака, а Рексу предстояло научиться безошибочно определять, в какой момент какой сущности доверить свою жизнь.

Рекс почувствовал, что устал. Да и вкусный плотный завтрак не способствовал долгим раздумьям. Глаза щенка начали слипаться. Но спать на солнцепёке, к тому же на виду у людей, когда в любой момент могут застать врасплох, неосмотрительно. Неторопливо поднявшись, Рекс широко зевнул и пошлёпал по траве к своему логову.

Из дневника Петровича:

«Собаки приходят в этот мир, чтобы дружить с нами, служить нам, любить нас. А что делают люди? Выбрасывают их на улицу, травят крысиными ядами, делают с ними то, о чём и писать-то противно. В Корее, вон, даже сделали из них скотину наподобие свиней, чтобы жрать в ресторанах. Представляете?! Жарить, варить, перчить, пережёвывать, смакуя, того, кто дарован нам свыше, чтобы стать нашим другом!»

Несколько дней прошли для Рекса без приключений. Он потихоньку привыкал к новому положению беспризорника. Даже научился находить еду в урнах, опрокидывая их и ковыряясь носом в обёртках от эскимо, в смятых бумажных стаканчиках и целлофановых пакетах. Съедобного попадалось не так много, как требовал растущий организм щенка, но выручали влюблённые парочки, которые приходили в парк вечерами. Редкая девушка, увидев Рекса, не бросала ему что-нибудь

вкусненькое. Да и парни охотно откликались на просьбы дам сходить в ближайший магазин и купить пирожков для «бедного пёсика».

Компании, состоящие из мужчин, или одиноких прохожих Рекс не жаловал, даже чуял в них скрытую угрозу. Неделя уличной жизни многому научила его, в первую очередь — осторожности.

Возвращаясь после утреннего обхода парка к своей норе, Рекс, не дойдя до неё, почувствовал неладное. Чуткий слух донёс до него шум и возню, что-то происходило рядом с его убежищем. Щенок припал к земле и последние метры до опушки прополз, прячась под кустами. Выглянув из-под веток, Рекс увидел возле свалки троих парней. Один из них шерудил палкой в норе, при этом парни громко переговаривались, переругивались.

— Да нет там никого, Кузя!

— Может, это и не то место!

— Ага, не то! Глаза разуй! Видишь, кровь за-сохшая? Это та тварь Рекса за морду тяпнула!

— Ну и куда же он тогда делся?

— Затихарился где-то!

— Слышь, Сёма, тётка Женя сказала, что он на кличку Рекс откликается. Когда она своего пса позвала, он и прибежал.

— И что?

— Так давай позовём. Пусть сам прибежит.

— А может, ну его, Стив? Как-то это не по понятиям щенка палками лупить.

— Чо?! Пять косарей на дороге не валяются. Вы как хотите, а мне деньги нужны!

Спорили парни недолго. Финансовый интерес поборол слабую тягу к справедливости.

— Рекс! Рекс! Иди сюда, мой хороший! — наперебой кричали они. — Иди, Рекс, смотри, что у нас для тебя есть!..

Услышав своё имя, Рекс напрягся. Однажды он уже побежал на такой зов, а потом огрёт неприятностей... Теперь-то Рекс знал, что так подзывать могут не только его, но и больших злых псов. Щенок тихонько глухо заворчал и ещё сильнее вжался в землю под кустом. Парни продолжали звать, призывно свистели, но тот молчал и не двигался с места. Когда юнец, которого называли Стивом, вынул из кармана целлофановый пакетик с сосиской, сердце Рекса, мигом учуявшего за-

пах, дрогнуло. Он был сыт, но противостоять одуряющему аромату сосиски не мог. Напрасно Дикий Пёс старался удержать его, непрерывно сигналив об опасности. Рекс не внял его предупреждению и стал осторожно выползать из-под куста.

Парни увидели щенка, когда он поднялся на лапы.

— Рекс, ко мне!

— Рексик, давай сюда!

— Смотри, пёсик, какая у нас сосиска! — кричали они наперебой.

Рекс и сам знал, что сосиска классная — большая, розовая, пахучая. Но, когда подростки мелкими шажками двинулись к нему, он предостерегающе зарычал и попятился назад.

— Стойте! — скомандовал Стив. — Так мы спугнём его. Давай, Кузя, заходи слева, а ты, Сёма, справа. Когда я брошу ему сосиску, с трёх сторон нападём на него. Тогда ему некуда будет деваться. Понятно?

Парни разошлись в стороны. Щенок следил за их действиями с настороженным интересом — понимал, что-то затевается. Но уж слишком вкусно пахла приманка! Стив с сосиской в руке ждал, пока друзья займут обозначенные им позиции. Атакующие с палками выстроились в почти равносторонний треугольник. Стив усмехнулся и швырнул сосиску прямо в центр. Рексу было достаточно кинуться к ней, чтобы угодить в ловушку. Нападая с трёх сторон, парни почти не оставили бы ему шансов выйти целым из передраги. Но Рекс чуточку помедлил, виной тому был пронзительный сигнал опасности, посланный Диким Псом. И этой небольшой задержки хватило, чтобы на полянке появилось новое действующее лицо — здоровенный чёрный кот! Ободренные бока, покрытая шрамами морда и плешивые надорванные уши выдавали его с головой: это был вовсе не домашний ласковый любимец, а воспитанный улицей флибустьер, поднаторевший в боях за выживание. Видимо, котяра-пират уже давно наблюдал за происходящим и решил, что пора действовать. Чёрной молнией он метнулся из-за спины Кузи прямо в центр треугольника и схватил добычу. Плотно урча, кот быстро сожрал сосиску. Раз — и нет её!

— Ну, ни фиги себе! — только и смог вымолвить потрясённый Стив.

— Это Васька! — вдруг радостно завопил Кузя. — Я его знаю, он в парке уже года три живёт. Ну, Васька! Ну, сукин кот!

— И что, что знаешь? — заорал на Кузю Стив. — Чем теперь щенка подманивать?

— А ты не ори! — не остался в долгу Кузя. — Надо было самому за своей сосиской смотреть...

— Погодите вы! — остановил ссорящихся парней оспивший голос Сёмы. — Смотрите!

И столько было в его голосе удивления и неподдельного страха, что Кузя со Стивом практически одновременно посмотрели туда, куда указывал Сёмин палец. Гроза местных кошек, закалённый в схватках пират Васька лежал на боку, а из его пасти выползала на зелёную траву отвратительная жёлтая пена. То, что его земной путь окончен, было ясно без похода к гадалке.

— Ой-ё! — только и смог вымолвить потрясённый Кузя.

Стив вынул из кармана пачку «Rothmans» и пытался дрожащими руками вытащить из неё сигарету. Удалось это ему только с третьей попытки. Сёма посмотрел, как он шарит в карманах в поисках зажигалки, достал свою и крутанул колёсико. Стив прикурил и жадно затянулся.

— Где ты взял эту проклятую сосиску? — подозрительно спросил его Сёма.

— Где, где... Тебе в рифму ответить? — огрызнулся Стив, но всё же взял себя в руки и подавленно произнёс: — Тётка Женька дала... сказала, чтоб щенка подманить... А я её сам хотел съесть...

— Что-о-о?! — Сёма округлил глаза.

— А то! Я с утра не жрамши...

Тем временем Кузя подошёл к лежащему на траве Ваське и, отбросив в сторону свою палку, стал заворачивать его в кусок какой-то плёнки, подобранный неподалёку.

— Ты что делаешь? — спросил его Стив.

Кузя только зыркнул в ответ с неприкрытой злостью и промолчал, продолжая своё дело. Плотно замотав Ваську, парень поднял его на руки и направился в глубь парка.

— Кузя! — окликнул его Сёма. — Ты куда?

Тот остановился, повернул голову к приятелям и звенящим от напряжения голосом произнёс:

— Вы как хотите, а я в таких делах больше не участвую. Я не живодёр, понятно?! Ваську похороню и...

— погоди, я с тобой! — Сёма тоже отбросил палку и шагнул к Кузе.

Стив торопливыми затычками добил остаток сигареты, растоптал окурок каблуком и посмотрел на Рекса, сидевшего неподалеку:

— Повезло тебе, друг! Живи! Эй, парни, я с вами!

Глядя на удаляющуюся троицу, Рекс постепенно отходил от полученной встряски. Он никогда раньше не видел смерти, хотя однажды и заглянул ей в глаза — это когда костлявая хотела утянуть его на дно бочки с водой. Но чтобы так!.. Безвременная кончина такого резвого и наглого кота потрясла щенка. Рекс осторожно подошёл к тому месту, где только что лежал Васька. Жёлтая пена на зелёной траве пахла сосиской и ещё чем-то горьким, гадким. Тётка, натравившая на него большого пса! Да, запах был её. Едва ощутимый, он пришептался к запаху смерти.

Из дневника Петровича:

«Сегодня наткнулся в интернете на жуткую историю. Какие-то мерзавцы оставили в лесополосе щенка. Привязали к дереву, да ещё и морду скотчем замотали. Суки и сволочи! Попались бы они мне! Почему-то сразу подумал о маленьком Рексе. Как же ему повезло, что растёт под присмотром Джуны и Виталия, дай им Бог здоровья! Обязательно на выходных заеду к ним. Да и Рекса-отца проведать надо. И, что греха таить, по малому Рексу тоже соскучился».

Жить в парке и дальше Рексу было опасно. Дело было не только в разворошённом логове. В конце концов озеленённая городская территория занимала отнюдь не маленькую площадь, отыскать на ней среди деревьев и кустарников ещё одно укромное местечко было вполне возможно. Но Рекс чувствовал, что в безопасности теперь он здесь не будет. Укушенная им восточноевропейская овчарка в

сопровождении горластой хозяйки обязательно вернётся, и вряд ли с миролюбивыми намерениями. Если доведётся вновь сойтись с той взрослой овчаркой, выстоит ли щенок? Вопрос. Ещё больше страшила маленького Рекса возможная встреча с той тёткой с визгливым голосом. Нутром чуял: она не успокоится, обязательно будет мстить. И если две собаки после хорошей драки даже подружиться могут, то в случае с ней такой фокус не пройдёт. Кто знает, что она может придумать, чтобы сжить со света ненавистного ей щенка? Додумалась же заслать к Рексу трёх юных киллеров! Эх, если б не Васька! Бродячий кот спас щенка от лютой смерти в жёлтой вонючей рвоте, спас ценой своей жизни, пусть неприкаянной, флибустьерской, полной блох и объедков, но свободной жизни.

Так или примерно так размышлял Рекс над событиями того страшного дня. Времени для размышлений было навалом: он уже битый час лежал на постаменте какой-то давненько разрушенной парковой скульптуры, притулившейся у решётчатой ограды. С высоты Рексу хорошо была видна часть улицы с прохожими, автомобилями, высокими домами. Ничего подобного до этого он не видал, живя за высокой дачной оградой под защитой и заботой Джуны. Дом, джип Виталия, Петрович и ещё несколько вожаков, приходящих к нему в гости, — вот и всё, чем был ограничен его мир. А тут...

Однако нельзя сказать, что нагромождение звуков, запахов, зданий, людей, машин вселяло в Рекса ужас. Генетическая память предков, столетиями деливших с человеком кров и пищу, подсказывала ему, что в этом столпотворении можно жить. Нужно только понять законы города, его внутреннюю суть, вникнуть в детали, не ориентируясь на общее впечатление. Избитое сравнение города с джунглями не могло прийти в его голову, поскольку ни о каких джунглях Рекс слыхом не слыхивал. Но это ничего не меняло. Рексу предстояло жить по законам каменных городских джунглей, а выжить в них могли только самые стойкие, сильные, умные. Город жесток к слабым, глупым, больным...

Автомобили, спешащие по своим делам пе-

шеходы, хаотическая какофония уличной суеты... Чтобы разобраться во всём этом, нужно с головой окунуться в жизнь города. И Рекс решил. Спрыгнув с постамента, он вскарабкался на фундамент парковой ограды и протиснулся между железных прутьев решётки. Спрыгнул на тротуар. Побежал направо, хотя с таким же успехом мог рвануть и налево. Когда не знаешь цели, направление движения не важно, главное — не стоять на месте.

Конечно, Рексу хотелось убраться как можно дальше от ставшего таким негостеприимным парка. Но как перебежать через проезжую часть, по которой сплошным потоком несутся фыркающие выхлопными газами железные монстры разных форм, размеров и расцветок, он не знал. Поэтому просто бежал, по возможности держась в стороне от многочисленных ног в кроссовках, босоножках, ботинках.

Иногда ему встречались собаки, чаще всего — на поводке. Готовые познакомиться с Рексом болонки, терьеры, шпицы бросались к нему, но строгий окрик хозяйки или хозяина вкупе с рывком поводка останавливал мелкоту. Собаки покрупнее и поумнее недомерков — овчарки, доги, мастифы, сенбернары — не обращали на Рекса внимания. Кому интересен шенок, хоть и в ошейнике, но без поводка? Без поводка, значит, без хозяина. Значит, бездомный. И столько презрения порой сквозило в их взглядах, что Рекс непроизвольно взрыкивал, давая понять, что и он не лыком шит.

Внезапно что-то изменилось вокруг. Автомобили, бегущие рядами вдоль тротуара, остановились как по команде. И пешеходы стали пересекать проезжую часть по широким белым полосам. Рекс, не раздумывая, побежал с ними. Над тем, кто и почему остановил железных чудовищ, он подумает потом, а пока важно лишь то, что парк остаётся позади — расстояние между ним и Рексом неуклонно растёт.

На другой стороне улицы не было садовой решётки, зато теснились дома, на первых этажах которых приглашающе распахнули двери различные магазины и лавчонки, столовые и кафе, офисы и прочие конторки, смысл кото-

рых не был ясен Рексу, поскольку оттуда не пахло едой. По этой же причине наибольший интерес шенка вызывали заведения общепита. Какие только запахи не долетали из них — мяса, каши, молока, рыбы... Из пасти шенка закапала слюна. Только Рекс попытался проникнуть в открытую дверь пиццерии с интригующим названием «Ё-моё», как на него прикрикнул молодой человек в белой рубашке: «А ну пошёл вон отсюда!» — и даже тряпкой замахнулся.

Рекс счёл лучшим не устанавливать свои правила на чужой территории, поэтому ретировался обратно, на улицу. Но не ушёл совсем — сел рядом с крылечком и стал ждать. Неужели в мире изобилия не найдётся хоть кого-нибудь, кто угостит его? Рассуждение оказалось верным. Не прошло и десяти минут, как вышедшая из пиццерии девушка положила на бумажке перед Рексом большой кусок пиццы: «Ешь, беспризорник!»

Упрашивать Рекса не пришлось. Он вцепился зубами в пресное тесто с кусочками ветчины, сыра и ещё чего-то, что ему не очень понравилось, и в два счёта покончил с угощением.

«Изголодался, малыш? — сочувственно спросила девушка. — Жалко мне тебя, но всем не поможешь. Ты уж как-нибудь сам выживай».

Рекс не понял, что ему говорят, но на всякий случай махнул хвостом. Вдруг ещё что-нибудь дадут? Но девушка развернулась спиной к Рексу и зацокала высокими каблучками туфель к дверям косметического салона. Щенок подергал носом. Как можно добровольно идти туда, откуда так удушливо и омерзительно воняет синтетической дрянью?

Из задумчивости Рекса вывел кусок чизбургера, упавший на асфальт прямо перед ним. Бросил подачку толстый мужчина с лицом бульдога и не улыбочивыми глазами. Он подождал, пока Рекс принял её, и, ничего не сказав, прошагал к чёрному джипу, припаркованному у бордюра.

Худо-бедно через пару часов сидения у пиццерии Рекс почувствовал сытость. За это время он успел попробовать несколько видов пицц, бургеров, сэндвичей, картофель фри и

даже ролл. В общем, всё то, что называют фастфудом и не рекомендуют диетологи. Но какое дело было голодному Рексу до их мнения? А уж сытому — и подавно! В нём проснулись любопытство и зуд исследователя. Очень много интересного было вокруг, а сам город оказался вовсе не страшным. Шумным — да! Вонючим — да! Многолюдным и многособачным — да! Но никак не жутким и опасным, каким казался Рексу из-за решётки парка.

Придя к такому выводу, Рекс беззаботно затрусил по тротуару, приглядываясь, принимаясь и прислушиваясь к окружающим его домам, жокакам, скамейкам, урнам и вообще ко всему, чем был наводнён город порой безо всякой меры.

Из дневника Петровича:

«Насколько мудр был всё-таки Экзюпери, написавший в своё время: «Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил». А мне подумалось: мы как-то не совсем точно понимаем эту фразу. Мы считаем, что речь в ней идёт только о тех животных, что приручили мы лично. Мне же кажется, что Экзюпери имел в виду иное. Человечество в целом ответственно за прирученных им зверушек. А если думать по-другому, то, встретив на улице бездомного котёнка или щенка, можно сказать: «А я его не приручал, я его вообще знать не знаю!» И снять с себя тем самым любую ответственность за встреченного бродяжку».

Поначалу город принял Рекса благосклонно. Скитаясь по улицам, дворам, щенок не оставался голодным и всегда находил укромные места для ночёвки. А от встреч с бродячими псынами, коих было в достатке, Рекса хранило его природное благоразумие и память о драке в парке с тёзкой.

Беспризорность уже почти не тяготила Рекса: немецкие овчарки легко приспосабливаются к меняющимся условиям жизни. Только по вечерам он смотрел на загорающиеся тёплым домашним светом окна квартир, ловил чутким носом запахи незнакомых жокаков и вкусных ужинов, и что-то сжималось в его груди. В такие моменты щенку очень хоте-

лось, чтобы сильная и властная рука погладила его по голове, а сам он от этого прикосновения поплыл бы на волнах блаженства.

Однажды желание окунуться в ласковое могущество жокаков стало столь нестерпимым, что Рекс, устроившийся было на ночлег в одном из дворов, начал подвывать, не сводя глаз с распахнутого окна на втором этаже. Оттуда так знакомо пахло жареным мясом — почти так пах шашлык, который готовил Петрович на даче Виталия. Этот запах будоражил Рекса, ему казалось, что вот-вот выйдет из-за угла улыбающийся Виталий с Джуной на поводке или появится Петрович, присядет на корточки перед ним и шепнёт ласково: «Дурашка!» Но время шло, а во дворе никто не появлялся. И тогда Рекс завыл отчаянно, горько, обречённо. «Да что ж это такое! — раздался из окна визгливый женский голос. — Ни днём, ни ночью покоя от этих шавок нет! Юра, сделай что-нибудь, хватит уже водку хлестать».

Шторка на окне отодвинулась, и на Рекса уставилась усатая жующая рожа мужика.

— Эй, сирота! — крикнул он. — Хорош выть, а то моя Варька из тебя коврик сделает. Понял, не?!

Рекс понял, что обращаются к нему, понял и то, что усатый жокак настроен не очень миролюбиво, но выть не перестал. Что ему мог сделать незнакомец, находясь на таком расстоянии? Да ничего! А если попытается приблизиться, так у Рекса тоже ноги есть. И побыстрее, чем у таких!..

Напрасно Рекс так решил. Усач и не думал гоняться за ним. На секунду мужик отвернулся от окна, а потом в Рекса полетела бутылка из-под водки. Щенок едва успел шарахнуться в сторону, а стеклянная посуда, врезавшись в камень, разлетелась на тысячи сверкающих осколков.

Однако случай этот был единичным, и Рекс решил, что всему виной его тоскливый вой. А так город — это место, где можно жить комфортно и сыто, если не давать волю эмоциям. Дикий Пёс внутри Рекса не соглашался с такими выводами. Уж он-то знал, насколько обманчивой бывает тишь и покой тайги. И всё же Домашняя Собака подняла его на смех. Где — город, а где — тайга?! Какая тайга, если вокруг только жокаки — верные друзья всех

собак?.. И Рекс согласился с ней. Жаль, конечно, что нет никого, кто мог бы погладить его, поиграть...

Совсем скоро беспечность Домашней Собаки довела его до беды. Рекс отправился на очередную прогулку, позабыв о бдительности. Через пару кварталов остановился возле пивнухи с говорящим названием «Мутный глаз», из её дверей вывалился на свет божий верзила в камуфляжной куртке. Парень встал прямо посреди тротуара и, пошатываясь, шарил в карманах в поисках сигарет. При этом он рыгал, источая из нутра такое пивное амбре, что прохожие морщились и старались быстрее обойти его. Видно было, что парнюга накачался пенным напитком по самое «не могу», а языком еще ворочал — громко ругался на чем свет стоит:

— Чёрт, где сигареты-то!!! Какая паскуда стырила? Сука, поймаю, руки вырву! Вы ещё узнаете, кто такой Санёк! Да я вас... да я их... да меня, ёкарный бабай...

Рекс с любопытством уставился на пьяного дылду. Он ещё никогда не встречался с настолько пьяными жожаками, а потому не ведал, сколь опасны они могут быть. Склонив голову набок, шенок удивлённо следил взглядом за пьянчугой, даже шагнул чуть ближе, чтобы принюхаться к нему.

— Ты кто? — Санёк уставился на Рекса. — Чьих будешь, мерзавец?! Отвечай!

Рекс на эту тираду ответил звонким и радостным «гав!». Он понял, что парень обращается именно к нему, поэтому и откликнулся.

— Ах ты, тварь! — взъярился верзила. — Ты на кого пасть разинул? Н-на!

Тяжёлый берц с размаху врезался в рёбра Рексу. От удара щенка подбросило и вынесло за пределы тротуара прямо под колёса несущегося мимо «жигулёнка». Истошно взвизгнули тормоза, но остановить железного коня водитель не смог. Избежать столкновения со щенком не удалось. Едущему сзади кроссоверу повезло больше. Он сумел остановиться буквально в сантиметре от резко затормозивших «Жигулей». Из-за руля «паркетника» выскочил на асфальт взбешённый Михаил Львович — тот самый, что принимал роды у Джуны.

— Ты что делаешь, урод! — совсем не по-медицински, забыв про любимую латынь, заорал он на молодого парнишку, выбравшегося из «жигулёнка». — Ты где права купил, идиот?!

Парень ничего не ответил, он смотрел на распластанного на проезжей части пса. Подбежавший Айболит соображал гораздо быстрее:

— Это ты его так? Ясно!

Опустившись на одно колено, ветврач, поочередно поднимая большим пальцем закрытые веки, заглянул в глаза Рекса. Затем тронул заднюю лапу и нащупал на внутренней стороне бедренную артерию. Облегчённо вздохнул:

— Живой! — покосился на подошедшего парня и спросил: — Надо в ветклинику!

Парень промолчал — он был в ступоре.

— Чёрт с тобой! Я — сейчас! Ты пока с него ошейникними, — велел Айболит.

— Зачем? — не понял парень.

— Затем! — крикнул уже от своей машины Айболит. — Чтобы дышать ему легче было!

Парень трясущимися от волнения руками расстегнул ошейник, снял его с Рекса, лежащего без сознания, и сунул в карман куртки. Михаил Львович вернулся с большой спортивной сумкой, осторожно поднял и уложил в неё так и не пришедшего в себя Рекса. Отнёс в салон автомобиля и тут же рванул с места так, словно собрался выиграть гонку «Формула-1». На тротуар, откуда вылетел под колёса машин Рекс, он даже не посмотрел. А там!..

Возмездие настигло пнувшего Рекса верзилу сразу же. Рядом оказались два мужика. Коренастый — тот, что с наколками, — видел всё, но помешать пьяному быдлу не успел. Зато не задержал ответку. Крепко схватив синюшными пальцами Санька за нос, он медленно опустил того на колени и зло прошипел в ухо:

— Ты что сделал, сявка? Я ведь тоже таких псов не люблю. Знаешь, сколько воя и лая за колючкой наслушался? Но ты щенка ударил! Не вертухаевского пса! Он ещё мог стать другом человекам!

Сквозь проступившие слёзы и сопли вмиг протрезвевший Санёк выдавил:

— Пусти, больно!

— Это ещё не больно было, — ощерился в улыбке бывший зэк, но нос Санька выпустил.

Тот с трудом поднялся, но воспользоваться свободой верзила не успел. Теперь вмешался второй — он пришел сюда вместе с сидельцем: почти без замаха тот съездил ему открытыми ладонями по ушам. А когда парняга зашёл в немом крике и, согнувшись, шагнул назад, второй ударил его по раззявленному рту ногой в старом кроссовке.

За экзекуцией молча наблюдали не менее десятка прохожих. Когда сиделец харкнул на опустившегося на тротуар верзилу и обвёл взглядом зрителей, ни в чьих глазах не увидел осуждения.

Из дневника Петровича:

«Сегодня из машины видел Айболита. Надо было остановиться и поздороваться, да времени не было — на летучку опаздывал. Да и Михаилу Львовичу тоже было не до меня: какую-то собаку машина сбила, вот он её и откачивал. Боже, сколько ж таких бедолаг гибнет на дорогах? Где-то читал, что в 2018 году на российских дорогах погибли более пяти тысяч пешеходов, а травмы получили в десять раз больше. А собак кто-нибудь считает? Наверняка счёт идёт на сотни тысяч. Хотя, может, и миллионами уже нужно считать. Даже представить страшно — вдруг малого Рекса тоже машина сожмёт, не углядит новый хозяин? Может, к себе его?..»

Виталий не охоч был до интернета. Виртуальный мир, в котором с каждым годом зависало всё больше людей, считал не заслуживающим большого внимания. Нет, он, конечно, привык читать прогноз погоды, новости спорта, курс валют и прочее на экране смартфона, но общаться смайликами и короткими репликами в соцсетях не любил. Разве жёлтая улыбчивая или кислая рожица может заменить живое общение друзей? Нет, конечно. А потому все эти «фейсбуки» были виртуально-суррогатными и бесполезными с точки зрения Виталия. Оттого, обнаружив пропажу маленького Рекса, он и не подумал искать его через интернет.

Однако один воскресный день его мнение перевернул. Супруги с Джуной по-прежнему жили на даче.

— Матвеев! Матвеев!!! — громко кричала выбежавшая из дома Люба.

— Ну чего тебе? — недовольно пробурчал Виталий, как раз решивший подправить чуть покосившиеся перильца на веранде бани.

— Витя! Смотри!

Виталий неохотно глянул на экран сунутого ему прямо под нос китайского «Huawei». Присмотрелся и начисто забыл о ремонте перил, из его ладони посыпались в траву гвозди. Муж выхватил у Любы телефон и, от волнения боясь ошибиться, спросил враз осипшим голосом:

— Рекс?..

— Да он! Он, конечно! Он! — подтвердила Люба. — Посмотри на левую щеку: его родинка, похожая на бабочку, хорошо видна.

— И где это?

— В городском парке больше трёх недель назад. Видишь, написано, что вечером его видели. Спрашивают, не потерял ли кто щенка.

— Поехали! — скомандовал Виталий.

Бросив всё, он заспешил к своему кроссоверу.

— Погоди, — окликнула жена, — дай хоть одеться прилично. Чай не в лес по грибы едем. Да и ты переоденься, а то на гопника похож.

Виталий мельком глянул на свои драные рабочие джинсы, кивнул и пошёл в дом вслед за Любой. При этом не преминул заметить:

— Ты это... давай быстрее, не копайся! А то без тебя уеду.

Да куда ж там не копать ей! Как же!

Переодетый в новые джинсы и свежую футболку, Виталий топтался возле водительской дверцы и бешено ругался. Не вслух, про себя. Выплеснуть раздражение наружу означало нарваться на ответку от Любы. А она в таких случаях за словом в карман не лезла, отбрызнуть могла так, что долго бы ещё икалось. Тут ещё и телефон в кармане ожил, заверещал как резаный.

— Алё! — раздражённо крикнул в трубку Виталий, даже не удосужившись глянуть, кто звонит.

— Тебя что, там на даче безрогая корова забодала? — хохотнул в трубке голос Петровича. — Орёшь, как торговка в базарный день!

— А, это ты! — сбавил тон Виталий. — Здорово, Димон!

— Здоровее видали! — затасканной шуткой ответил Петрович. — Хотел сегодня приехать к тебе, примешь?

— Да не вопрос, блин! Только не сейчас, дела у меня. Давай вечером?

— Как скажешь, — легко согласился Петрович. — Я мясо для шашлыков привезу и коньячок, а с тебя — мангал и разные там помидорчики с картошечкой.

— Что праздновать будем?

— Прощание с Рексом.

— Не понял?! — у Виталия всё внутри похолодело. Он подумал, что приятелю стало известно о пропаже щенка и с ним случилось самое страшное...

— А чего тут понимать, Виталья! Тебе прощаться с ним нужно. Решился я щенка к себе взять. Нехорошо это — от него отказываться, тем более он сын моего Рекса...

Виталий помолчал, не зная, что ответить. Дмитрий Петрович по-своему расценил его молчание и продолжил:

— Да ты чего, Виталья? Рекс же мой алиментный щенок, так что всё по правилам. А то, что я раньше от него отказывался, так ты моё состояние-то учитывай. Ну, сглупил... С кем не бывает? Хочешь, заплачу за то, что ты его долго у себя держал?

— Совсем сдурел, блин?! — прорезался голос у Виталия. — Не хватало ещё с тебя бабло брать за Рекса!

— Ну, наконец-то! — засмеялся Петрович. — А то я думал, что ты там у себя на даче бирюком стал... Молчишь, думаешь обо мне всякое! Во сколько подгрести к тебе?

Виталий резко выдохнул, набираясь решимости, наконец сказал, как в прорубь бросился:

— Петрович, Рекса нет!

— Что-о-о???

И столько в этом слове было мучительной боли, что Виталий тут же опомнился, затараторил в трубу:

— Петрович, ты не так понял! Сбежал он, а может, выкрали. Мы как раз сейчас с Любой в парк собрались, там Рекса видели.

— Какой парк?

— Да городской, на Советов.

— Я сейчас тоже туда приеду, встречаемся

возле центрального входа. — Голос Петровича звучал твердо.

— Да ладно, мы сами...

— Ты слышал, что я сказал? — не терпящим возражений тоном ответил Петрович. — У центрального входа, понял?

— Да понял я! — досадливо бросил Виталий в разразившуюся короткими гудками мобилу и тут же переключился на вышедшую из дома Любу: — Долго тебя ждать, блин? Садись быстрее!

Как ни спешил Виталий, гоня свой кроссовер из дачного посёлка в город, Петрович оказался проворней. Нетерпеливо прохаживался возле входа в парк, пристально поглядывая по сторонам. Увидев подъехавшего Виталия, замахал рукой, привлекая внимание.

Петрович торопливо поздоровался с Любой и, повернувшись к другу, обратился к нему:

— Ну, где здесь Рекса видели?

— Да чего ты у него спрашиваешь? — ответила вместо мужа Люба. — Вообще-то, это я Рекса в соцсетях разыскала!

— Ну! — Виталий уставился на жену, ожидая подробностей.

— Не нукай, запряги сначала! — отрезала Люба.

— Да ладно тебе, Любаша! — сменил тон Петрович. — За Рекса волнуясь. Где он?

Люба достала из своей сумочки телефон, вывела на экран фото Рекса, протянула Дмитрию:

— Видишь?

Петрович всмотрелся, кивнул:

— Да, это он. А аллея — центральная. Видите, на заднем плане качели детские? Вот они именно там, справа. Пошли!

Напрасными оказались поиски Рекса на аллеях и в самых дальних уголках парка. Щенок не откликался на зов. Понятно: три недели прошло, Рекса здесь уже нет. Он мог удрать куда угодно. Мог попасть под машину или влипнуть в какую-нибудь неприятную историю. Да и сбрасывать со счетов то, что его мог увезти с собой какой-нибудь новый хозяин, тоже было нельзя.

Огорченный Петрович присел на садовую скамейку. Люба и Виталий примостились рядом. Молчали.

— Смотри! — толкнула локтем в бок Виталия супруга. — Видишь?

— Ну? — не понял Виталий, чем заинтересовала Любу накрашенная женщина, ведущая на поводке восточноевропейскую овчарку.

— Она, похоже, местная и постоянно здесь собаку выгуливает, — пояснила Люба. — Надо спросить у неё. Может, Рекса видела?

— Резонно! — согласился Петрович, встал со скамейки и окликнул женщину: — Девушка!

— Это вы мне? — надменно и одновременно польщённо отозвалась дамочка.

— Вам, конечно! — улыбнулся Петрович. — Хотел у вас спросить, красавица...

— Свободна ли я вечером? — кокетничала собачница.

— Это тоже! — кивнул головой Петрович. — Но в первую очередь хотел узнать, не видели вы здесь щенка без хозяев? Может, пару недель назад?

— Щенка?

— Ну да! Вот этого!

С этими словами Петрович взял из рук Любы телефон и показал дамочке снимок Рекса.

Все — Виталий, Люба, Петрович — были поражены, как в одну секунду исказилось лицо дамочки. Из высокомерного, но всё же красивого, оно вдруг превратилось в пышущую злобой и ненавистью физиономию.

— Этого?! Видела, как же! Это ваш?

Виталий хотел было что-то сказать, но Люба наступила ему на ногу — он понял и прикусил язык.

— Что вы, милочка! — ележно обратилась к женщине Люба. — Мы бы сами хотели знать, кто его хозяин! Видите ли, он на нашего Барсика напал, напугал его до смерти. Хотим, чтобы хозяин заплатил за его лечение.

Виталий с Петровичем недоумённо переглянулись, но возражать не стали, резонно посчитав, что Люба лучше разбирается в женской психологии.

— Ах, вот как! — изменила тон дамочка. — Значит, он и вам дорогу перебежал? Не знаю, где сейчас эта псина беспризорная! Но был здесь, да! Посмотрите, как он моего Рекса покосил, тварь безмозглая!

Петрович и Виталий глянули на морду восточноевропейской овчарки. Уже подзажив-

шие длинные царапины подтверждали, что женщина не врёт. Но как мог щенок дать отпор взрослой овчарке?..

— Это точно он? — недоверчиво спросил Виталий.

— Куда уж точнее! — заверила дамочка. — Напал, как бешеный, искусал моего Рексика, еле-еле от него отбились. Он ещё погнаться за нами хотел, но у меня не забалуешь, я сама за своего Рекса любому горло перегрызу...

— Простите, как вас зовут? — спросила Люба.

— Евгения Альбертовна Лузина, преподаватель психологии в гимназии имени наследника цесаревича Алексея Николаевича, — чопорно представилась хозяйка большого Рекса.

— Любовь Андреевна, — назвалась Люба и попросила: — Я вас очень прошу, Евгения Альбертовна, если вы увидите ещё раз этого щенка, позвоните, пожалуйста. Если вас не затруднит, конечно!

Дамочка коротко и небрежно глянула на протянутую ей визитку и внезапно расплылась в приторной улыбке:

— Конечно-конечно, Любовь Андреевна! Обязательно позвоню. А можно будет к вам обратиться, если я не увижу этого щеночка?..

— Звоните! — снисходительно кивнула Люба.

Дамочка опять одарила всех лучезарной улыбкой в кроваво-красной помаде и, покачивая бёдрами, обтянутыми лосинами, направилась вместе с собакой к выходу из парка.

— Чего это она? — недоумённо почесал лоб Петрович.

— В смысле? — не понял Виталий.

— Ну, чего это она вдруг такой... масляной стала?

— А, ты про это, — усмехнулся приятель. — Ты давно интересовался, кем моя Люба работает?

— Так это... в мэрии кем-то, — пожал плечами Петрович.

— «Кем-то!» — передразнил его Виталий. — Она, блин, уж месяц как назначена заместителем начальника департамента имущественных и земельных отношений. Понял?

— Фью-ю! — присвистнул от удивления Пет-

рович. — Так мне, Любонька, теперь тебе «ку» надо делать и по имени-отчеству величать?

— Иди ты... сам знаешь куда! — отмахнулась от него Люба. — Вы лучше соображайте, где теперь Рекса искать?

— Где ж его теперь найдёшь, — вздохнул Петрович. — Судя по всему, эта хабалка из гимназии его шуганула не по-детски.

— Эт-точно! — согласился с другом Виталий. — С такой на узенькой дорожке лучше не встречаться. А она еще и в школе... с детьми...

— Да ладно вам, раскудахтались! — оборвала мужской разговор Люба. — Поехали на дачу, вы вроде шашлыки сегодня собирались жарить. Вот и займитесь.

— А Рекс?! — в один голос воскликнули приятели.

— А поиски Рекса доверьте мне, — отчеканила заместитель начальника департамента. — Есть у меня кое-какие мысли по этому поводу.

Какие именно мысли посетили Любину голову, друзья узнали уже на даче. Она пояснила, что сейчас к ней ходит одна продувная баба. Говорит, решила открыть в городе приют для бездомных животных. Земля ей для этого понадобилась. Вот Люба и решила «зарядить» её на поиск Рекса взамен на особое отношение.

— Да ну, глупость какая-то! — среагировал на идею жены Виталий.

— Сам ты «глупость»! — не осталась в долгу Люба. — Ты даже не понимаешь, Матвеев, насколько у них в интернете всё схвачено. И в соцсетях, и вообще. Репостов много, охват пользователей огромный. Они на лечение кошечек-собачек огромные суммы собирают — люди откликаются. Если повезёт, они нам Рекса за неделю найдут.

— Дай-то бог! — тяжело вздохнул Петрович. — Потерять второго Рекса — это уже перебор по всем статьям.

— Ничего, найдётся! — ободряюще хлопнул по плечу приятеля Виталий. — Ты знаешь, я на обратной стороне ошейника Рекса свой номер мобильного записал. Кто-нибудь да увидит его...

Из дневника Петровича:

«Однажды подумав, что Рекса-сына можно взять себе, я сам себя обрёл на мучительные раздумья и раздрай в душе. Мысль не отпускала, давила, требовала, и даже поводок Рекса-старшего, по-прежнему висевший у двери, казалось, укорял меня за своё вынужденное безделье. А в воскресенье, гуляя в сквере, где погиб Рекс, вдруг вспомнил, что мне говорил отец: «Если считаешь, что правильно сделать так, делай это и ни на кого не оглядывайся!» Тогда я в сквере сразу и набрал номер Виталия... и услышал, что Рекс исчез».

Уже больше недели Рекс находился в ветклинике, куда привёз его после столкновения с «жигулёнком» Айболит. Конечно, частная клиника не лечит бездомных псов бесплатно, но в этот раз Михаил Львович решил отступить от правил. Жалко ему стало породистого щенка.

Рекс лежал в железной клетке в комнате, которую в клинике называли собачьей гостиницей, и даже не догадывался о том, что находится в гостях у того, кто помогал ему появиться на свет. Рексу многое надо было обдумать, но мешала головная боль, пульсирующая где-то возле темечка. Хотя, честно говоря, он легко отделался. Пинок пьяного дебошира и удар о бампер автомобиля не нанесли ему серьёзных травм. Рёбра, конечно, побаливали, да и голова, но кости и внутренние органы целы. Об этом хвостатому пациенту ещё в первый день сообщил вожак в белом халате.

«Повезло тебе, беспризорник, — говорил Михаил Львович, почёсывая Рекса за ухом. — Лёгкое сотрясение мозга да ушибы. Другого бы на твоём месте по частям собирать пришлось, а ты молодцом... Хотя, ты знаешь, «fortis fortuna adiuvat»! Это по-латыни, чтоб ты знал. «Судьба помогает смелым!»

Рекс внимательно смотрел на собачьего доктора и пытался вспомнить, когда и где он уже слышал этот голос, чувствовал эти руки и чуял именно этот запах? Но вспомнить никак не мог. Да и как ему было вспомнить Айболита, если тот прикасался к нему только в первый час после рождения? С той поры минуло столько времени и событий...

Впрочем, и ветврач не признал в Рексе своего крестника, которому предрёк непростую судьбу. Нет, он сразу понял, что перед ним знатный представитель немецкой овчарки, достойный наград на выставках, но и подумать не мог, что это щенок из потомства Джунны. Да и как поверить, что ее малыш мог слоняться один по улицам?! Не тот человек Виталий, чтобы выбрасывать щенков на улицу. Выходит, решил Айболит, природа щедро подарила беспородным бродячим родителям щенка с такими выдающимися данными.

На седьмой день Михаил Львович всерьёз обеспокоился состоянием Рекса. Щенок лежал в клетке, уставившись взглядом в одну точку, и не проявлял никаких свойственных его возрасту эмоций. Он не реагировал на соседку — пуделицу, перенёсшую сложную операцию и непрерывно поскуливавшую. Не просился гулять, не пытался развлечь себя игрой или каким-то занятием. Не вилял хвостом, не радовался при виде миски с больной едой, хотя ел с аппетитом: молодость брала своё. Поев, пациент тут же снова ложился и застыл на часы в одной позе — не спал, а как будто думал о чём-то.

— Что ж тебя мучает-то, беспризорник? — задумчиво теребил кончик своего носа Михаил Львович, присев на стул возле клетки Рекса. — Болеть — во всяком случае, сильно, — у тебя ничего не должно. Общее состояние — мне бы такое! А, дружище? Ты давай выздоравливай, ведь говорили римляне «*canis vivus melior est leone mortuo*» — «живая собака лучше мёртвого льва!» Так что делай выводы. Признавайся, чего хочешь-то?

— Гулять он хочет, — сказала стоявшая рядом медсестра Галя. — Свежим воздухом подышать. Целыми днями взаперти — от этого у кого хочешь мозги набекрень съедут.

— Гулять? — повторил задумчиво эскулап.

Рекс, услышав знакомое слово, шевельнул правым ухом и мельком глянул на говорившего.

— Гляди-ка, — хмыкнул Михаил Львович. — Отреагировал. Видать, не всегда ты на улице жил, была и у тебя домашняя жизнь. Ладно, так и быть. Галенька, после обеда выведи его на часок погулять. Посмотрим...

— Михаил Львович, как я отлучусь? Приём, пациенты после операции... — напомнила медсестра.

— И то верно! — согласился ветврач. — Знаешь, а привяжи-ка ты его возле крыльца. Пусть на солнышке погрееется, воздухом подышит. Заодно понаблюдаем, как он на людей и животных реагирует. Что-то не нравится мне его психическое состояние...

— Думаете, бешеным стал? — опасно отодвинулась от клетки с Рексом Галочка.

Михаил Львович весело рассмеялся, поднялся со стула и отрицательно покачал головой:

— После сотрясения мозга собака может стать агрессивной, неуравновешенной. И такое бывает. А бешенство — оно же по-латыни — «*rabies*», а по-старому — «водобоязнь», — это вирусная зоонозная природно-очаговая инфекционная болезнь с контактным механизмом передачи возбудителя. Поняла? Такое знать надо, если в ветклинике работаешь. Ладно, вывод его!

Напрасно переживал добрый доктор Айболит за психическое состояние Рекса. Отменное здоровье, доставшееся по наследству от родителей, позволило щенку легко справиться и со стрессом, и с ушибами. А вот его представления о мире рушились, не выдержав столкновения с жестокими реалиями городской жизни. Потому-то и лежал он, задумавшись, что необходимо было внести поправки в уже выстроенную им однажды картину мира. Существенные поправки! И светлые радостные её тона должны были уступить место серо-чёрной хмари, вторгшейся в жизнь Рекса.

К концу третьего «прогулочного» дня, хотя назвать полноценной прогулкой лежание возле крылечка никак нельзя, Рекс выстроил для себя новую систему координат окружающего мира. В ней всё вокруг по-прежнему делилось на живое и неживое, но часть неживого мира могла быть использована человеком во зло собаке. В такую схему укладывались и багажник, в котором Рекса увезли от дачи Виталия, и палки, с которыми на него нападали подростки в парке, и брошенная пьяной рукой бутылка из окна, и чудовищный удар бампера «жи-

гулѐнка» под отчаянный визг тормозов. Но это было не самым страшным. Гораздо более ужасным открытием для Рекса стало осмысление того факта, что есть такие команды двуногих вожakov, которые могут втравить в смертельный бой не враждовавших раньше собак. Оказалось, что мощь вожака не всегда добрая. «Фас!» — и от доброты не остаётся и следа. «Фас!» — и острые клыки ищут горло не врага, а того, на кого указал вожак. «Фас!» — и вся жизнь на кону: или ты, или тебя!

Разграничение доброты и мощи двуногих вожakov привело Рекса к ещё одному открытию. Двуногие вожаки перестали быть для него существами одной с ним крови, ведь никогда собака не нападёт на живое существо просто так, для этого должен быть повод. И уж точно собака не скамандует никому «фас!», она сама бросится в драку, а остальные должны решать за себя, вязываться или нет. Рексу было сложно мириться с таким открытием, ведь за ним следовали и другие очень важные изменения в понимании происходящего. Значит, если двуногие вожаки не собаки, если они не добры по своей сути, то и относиться к ним нужно соответственно — с опаской, настороженно и надо быть готовым в любой момент дать отпор. Дикий Пёс в душе Рекса торжествовал от таких выводов, сделанных щенком. Домашняя Собака, напротив, затосковала от разочарования.

Рекс стремительно взрослел, набирался собственного опыта для новых умозаключений. Раз двуногие вожаки не одной с ним крови, значит, и все другие — кошки, пчѐлы, ящерицы и прочая живность — хоть и живые, но не заслуживают к себе доброго отношения. Если вожак, обладающий силой и мощью, может использовать их во вред ему, Рексу, значит, и он может использовать силу против тех, кто слабее его. Почему нет? Всё как у людей — «око за око, зуб за зуб».

В рассуждениях Рекса о мире и о том, как ему выживать дальше, были нестыковки. И каждая из трёх имела имя — Виталий, Люба или Петрович. Эти люди оставались для Рекса двуногими вожакими, похожими на его обидчиков, при этом именно от них он чувствовал волну доброты и настоящего могу-

щества, от которых замирало сердце и накрывала волна блаженства. Появись они рядом — Рекс в любой момент был бы готов довериться им. Петрович, Виталий, Люба — это исключения из общих правил, решил щенок. Они выше всех других двуногих! Они — друзья! О том, что такое дружба, щенок не думал, но уже научился чувствовать ее сердцем.

Четвертый раз Рекс лежал на крылечке ветклиники — дышал свежим воздухом, глядя по сторонам от скуки.

— Мама, смотри, какой щенок! — раздался у крыльца клиники звонкий детский голос. — Можно я его покормлю?

Рекс поднял тяжѐлую голову. Рядом с ним стояли молодая женщина с попугаем в клетке и мальчишка. Он смотрел на Рекса и улыбался, держа в руке сосиску в тесте. У щенка потекли слюнки, он ещё не забыл, как его угощали остатками фастфудов. А больничная каша, хоть и сбалансированная, полезная, сытная, всё же не доставляла ему такого удовольствия, как человеческая еда.

— Андрюша, нам некогда, — ответила сыну молодая женщина. — У нас приём назначен у дяди доктора. Ты не забыл, что Кешу лечить надо?

Мальчишка коротко глянул на нахохлившегося в клетке волнистого попугайчика и вновь умоляюще попросил:

— Мам, ну можно? Я только угошу его, и мы сразу пойдѐм Кешу лечить!

— Хорошо! — согласилась мать. — Только недолго.

Мальчишка вытащил из теста завёрнутую в него сосиску и протянул Рексу:

— На, ешь!

Запах сосиски вывел Рекса из задумчивого состояния. Он тут же поднялся на лапы и потянулся носом к угощению. Но вдруг вспомнил: в парке перед ним лежала такая же ароматная сосиска, а кот-лиходей, опередивший Рекса, заглотил ее и потом с застывшим взглядом и стекающей из пасти жѐлтой пеной лежал на земле...

Щенок напрягся, шерсть на его загривке вздыбилась, а из пасти раздалось глухое, полное ярости рычание. Он попятился от протянутой ему сосиски, как от чего-то опасного.

— Мам, что это с ним? — спросил удивлённый такой реакцией мальчик.

— Пойдём отсюда, — схватила его за руку мама. — Не хватало ещё, чтоб он покусал тебя! Потом на уколы ходить придётся...

Рекс, не переставая рычать, проводил взглядом мать с сыном до дверей клиники и опять уставился на сосиску. Она лежала на земле, такая благоухающая, желанная, но Рекс не поддавался. Ему бы отойти от этого искушения подальше, но мешала верёвка, которой щенок был привязан к перилам крыльца. Рекс сделал пару шагов по ступенькам — верёвка натянулась, ошейник сдавил горло, не пуская дальше. Коротко тявкнув, щенок стал остервенело перегрызать привязь. Наконец почувствовав волю, он радостно рванул за ворота клиники, подальше от подачек, несущих зло и смерть.

Из дневника Петровича:

«Поймал себя на том, что вместо работы шарюсь в соцсетях по группам зоозащитников и прочих любителей животных. Всё надеюсь, что кто-то опять разместит фото Рекса и даст ниточку, чтобы найти его. Но вместо Рекса постоянно вижу брошенных котят и щенков, изуродованных дебилами собак, затравленных детьми котов... Что происходит? Неужели мы настолько озверели, что нужно очеловечивать собак, чтобы защитить их от нас самих?»

Рекс думал, что за воротами клиники его ждёт всё та же улица с магазинчиками, кафешками, увеселительными заведениями, — та самая, по которой он бродил, убежав из парка. Так вот ничего подобного. Теперь беглеца окружили многоэтажки, между них ютились дворники с детскими качельками-карусельками, чахлыми кустиками и деревьями. Редкие цветочные клумбы, втиснутые в отслужившие свой срок автопокрышки и окружённые бесчисленными автомобилями, не столько оживляли тусклый пейзаж, сколько подчёркивали это однообразное уныние.

Рекс огляделся. В проёме между двумя хрущёвками заметил забор, за ним — двухэтажное здание клиники. Ещё не поздно вернуться. Но что ждало бы его там, в клинике? Всё та же

больничная, пусть и полезная каша и тесная клетка? Привязь у крылечка и ежедневные уколы? Доктор Михаил Львович и медсестра Галочка?..

А в тесных дворах пяти-, семи-, девятиэтажных домов таилась неизвестность... Может, враждебная, а может, ведущая в прежнюю жизнь, полную света, тепла и беззаботности. Рекс решительно повернулся хвостом к ветлечебнице и неторопливо побежал навстречу неизведанному. Он уже знал, что первым делом в такой ситуации нужно найти место для ночлега и что-нибудь из еды. Вернее, сначала надо бы поесть, а потом уже заняться поисками относительно безопасного убежища.

Ароматы еды летели из открытых окон, форточек первого этажа. Ещё пахло людскими жилищами, кошками и табачным дымом. Рекс уже был знаком с привычкой некоторых людей совать в рот тлеющие бумажные палочки и выпускать в воздух смрад. Тьфу! Рекс даже чихнул от негодования. Даже выхлопные газы автомобилей пахли лучше, по мнению Рекса. Впрочем, спешащим по своим делам незнакомым жожакам не было дела до того, что думает о них бездомный пёс, шляющийся по дворам. Не трогают тебя, и будь счастлив.

Рекс опять ощутил уже знакомое чувство одиночества среди других живых существ. Если им нет до тебя никакого дела, то это всё равно что их нет. Можно заболеть, страдать от голода и холода, даже умереть. А дела никому нет!

Уже начало смеркаться, когда Рекс набрёл на мусорную площадку. Возле контейнеров валялись уже разорванные другими собаками, кошками, воронами и крикливыми чайками полиэтиленовые пакеты, коробки из-под молока, консервные банки, картофельные очистки и прочие остатки, объедки с барского стола жожаков. Голод — властелин всех бродячих животных — не терпит гордости. Лучше сожрать что-нибудь тухлое, плесневелое, чем загнуться от истощения и быть выброшенным за ненадобностью в точно такую же мусорную кучу, возможно, став едой для ворон, крыс и других животных, не гнушающихся падалью.

Брезгливо перебирая лапой липкие и во-

нючие огрызки, Рекс всё же нашёл для себя кое-что приемлемое — куриные косточки, завернутые в промасленную газету. Правда, они уже подсохли и припахивали кислятиной, но выбирать не приходилось. Первой на зубах Рекса хрустнула самая большая кость из куриного скелета. Он вознамерился уже взять в пасть вторую, поменьше, как вдруг сбоку на него с истошным лаем набросилась лохматая и зубастая бестия. Больно куснув Рекса за ухо и плечо, бестия отскочила в сторону и зарычала, поблёскивая злыми бусинками глаз из-под чёлки.

Рекс понял, что у этой кормушки есть свои хозяева и ему предложено убраться восвояси. Щенок оценил размеры соперника, заявившего свои права на добычу. Напавшая на него чёрная собака вовсе не была страшнее и больше его. Наглее — да! Решительнее? Возможно! Но она не выглядела крупнее Рекса, а значит, сильнее его. Тот взрослый тёзка из парка, с которым Рекс дрался впервые в жизни, был гораздо солиднее и внушал страх. Воспоминание о той победе подхлестнуло Рекса, разбудив в нём дремлющего Дикого Пса.

Защищая свою добычу, Рекс зарычал и кинулся в бой. Злобный тьявкающий, рыкающий, повизгивающий клубок из собачьих тел покатился по грязному асфальту. Полетели вокруг клочья шерсти. Щенок готов был биться не на жизнь, а на смерть. Он вошёл в такой азарт, что рассвирепел не на шутку.

Через пару минут чёрный пёс не выдержал лютого напора соперника. Извернувшись из-под Рекса, он поджал хвост и, повизгивая, задал стрекача. Щенок не стал преследовать побеждённого противника — вернулся к оставленным косточкам и продолжил прерванную трапезу. Кроме остатков курицы, Рексу удалось ещё разыскать кусок засохшего сыра и селёдочную голову. Не бог весть какая еда, но после нее голод отступил — затаился где-то в дальнем закутке живота.

Пока Рекс занимался поисками пищи, дрался и ужинал, на улице совсем стемнело. В домах загорелись тёплым светом окна, собачники вывели на прогулку своих пудельков, спаниелей, болонок.

Рекс залёг под разросшимся кустом сирени

и с завистью наблюдал, как собачонки играют со своими хозяевами, выполняют команды, радуются общению. Самому Рексу было не до радости: болело укушенное плечо, слегка подташнивало от дрянной еды. Подходить к незнакомым вожакам он не решался. Может, конечно, и нашлась бы среди них сердобольная душа, которая не оставит без поддержки приبلудного щенка, но Рекс уже не был тем наивным собачьим детёнышем, безраздельно доверяющим людям. Улица грубо, безжалостно преподнесла ему несколько уроков, главный из которых — рассчитывать нужно исключительно на свою силу, ловкость и удачливость.

Неосторожный и глупенький йоркширский терьер учуял Рекса в его прятке: подбежал к кусту и истошно, визгливо залаял. Толстая тётка, выгуливавшая эту мелочь, тут же позвала питомца не менее противным голосом: «Муся, Мусенька! Иди ко мне, моя красотулечка! Не лезь никуда, моя хорошая!» Но заласканная, закормленная Муся как с цепи сорвалась — облаивала Рекса самыми нехорошими тьявками. Рекс стойчески не реагировал, чтобы не выдать себя двуногому вожаку. Но когда вконец разошедшаяся сучка попыталась цапнуть его своими мелкими зубёнками, Рекс выскочил из укрытия с грозным рыком. Муся тут же с громким визгом припустила к хозяйке. А та подняла с земли кусок кирпича и кинула в сторону Рекса со словами: «Пшла вон отсюда, зараза! Бродют тут всякие, нормальным собакам проходу не дают!»

Рекс с любопытством обнюхал обломок, упавший рядом с ним. В него ещё никогда ничем не кидали, если не считать бутылки, прилетевшей из окна второго этажа, так что щенок не знал, какую опасность таят в себе предметы, брошенные недоброй человеческой рукой. Подняв ещё один обломок, крупнее, хозяйка йорка вновь запустила им в Рекса. Кирпич упал, покотился по земле, подпрыгнул на кочке и больно ударил Рекса по передней лапе. Рекс взвизгнул от острой боли. Удар по лапе был не очень сильным, но весьма болезненным. Увидев, что тётка снова наклонилась в поисках ещё чего-нибудь, Рекс, припадая на лапу, пошёл вон со двора.

Вслед ему летели ругань тётки и победоносное тьяканье собачонки.

Из дневника Петровича:

«Не хочу ничего писать в своё оправдание. Уж перед собой-то можно быть честным — это я виноват в том, что малый Рекс стал бродягой! И что бы я сейчас ни написал, какие бы ни нашёл оправдания себе, всё это не имеет никакого значения. Простит ли меня Рекс-отец за то, в чём я виновен перед его сыном?..»

Когда медсестра Галя доложила Айболиту, что Рекс сбежал, за окнами ветеринарной клиники уже стемнело.

— Как сбежал?! — встрепенулся Михаил Львович. — Когда?

— Ещё днём, — виноватым голосом ответила Галя.

— Почему сразу не сказала!!! — закричал обычно очень корректный с подчинёнными Айболит.

— Испугалась! — всхлинула Галя. — Боялась, что вы ругаться будете!

— Как это произошло?!

— Он верёвку перегрыз и сбежал. Я искала его, искала... Нигде нет, — размазывая тушь по щекам, сказала медсестра.

— Ладно, не разводи сырость! — Айболит, отвернувшись к окну, барабанил пухлыми пальцами по стеклу. — Умойся и ступай домой. Найдётся Рекс, никуда не денется!

Сомнительная догадка, которая засела в голове Айболита и которую он гнал от себя, ведь поверить в нее было невозможно, теперь сорвалась с языка. Но оставался ещё шанс, что внешние совпадения случайны...

— Какой Рекс? — удивилась Галя.

— Что? — повернулся к ней Михаил Львович.

— Вы сказали «Рекс»...

— Не обращай внимания, — явно нервничая, отмахнулся Айболит. — Ступай!

— До свидания! — тихо проговорила медсестра.

А поскольку уходила бочком, не сводя с доктора виноватого и удивлённого взгляда, на пороге кабинета столкнулась с молодым человеком.

— Ой, простите!

— Ничего-ничего! — парень смутился не меньше, чем медсестра.

Он посторонился, пропуская девушку, посмотрел долгим взглядом ей вслед.

— Кхм-кхм! — кашлянул Михаил Львович, привлекая к себе внимание посетителя. — Чем могу быть полезен, юноша?

Парень перевёл взгляд на него и замялся:

— Э-э, вы меня не узнаете?..

— А что, должен? Для начала — здравствуйте!

— Да, здрасьте! Я вот... это...

— Клиника уже закрывается, и, если у вас не срочное дело, приходите завтра, — прервал смущённого визитёра Михаил Львович и стал собирать в стопку бумаги на своём столе, давая понять, что аудиенция окончена.

Парень не уходил. Он вынул из кармана куртки ошейник и протянул Айболиту:

— Что это? — недовольно скривил губы ветврач.

— Ошейник.

— И?

— Ну, это тот самый ошейник, который на щенке сбитом был... — ещё больше смутился парень. — Тут написана кличка и номер телефона...

Теперь Айболит догадался, что за посетитель пришёл в клинику. Он взял ошейник. Действительно, на обратной стороне было крупно выведено прописными буквами «РЕКС» и одиннадцатизначный номер клиента «Мегафона».

— Ты, значит, тот самый ездун, который щенка сшиб... — сказал Айболит.

— Я не виноват. Какой-то мужик на тротуаре собаку пнул так, что она мне под колёса сама прилетела, — начал оправдываться парень.

— А ошейник зачем слямзил?

— Так вы же сами велели снять... — пожал плечами незадачливый водила. — Чтобы щенку легче дышать было.

— И где ты был все эти дни вместе с ошейником?! Зачем забрал?!

— Это машинально, — признался расстроенный парень. — Я не хотел...

— Не хотел он! — передразнил Михаил Львович. — Ладно, «errare humanum est»!

— «Человеку свойственно ошибаться»! —

перевёл с латыни посетитель. — Вы читали Сенеку?

— Эх, юноша! — усмехнулся Михаил Львович. — Я прочёл столько книг, что понял: львиную долю можно было не читать. Идите! И спасибо за ошейник.

Когда за парнем закрылась дверь, Айболит взял свой мобильный и стал набирать номер с ошейника. Тот полностью совпал с номером Виталия. После непродолжительных гудков на том конце ответил хорошо знакомый голос:

— Привет, Львович! Случилось чего?

— Не по телефону! Приезжай ко мне в клинику, разговор есть.

Из дневника Петровича:

«Сегодня позвонил Виталий. Сказал, что Рекса сбила машина и он лечился в клинике у Айболита. Но сбежал. Остался только его ошейник. Чёрт-чёрт-чёрт! Это же Рекс лежал тогда на асфальте, когда я проезжал мимо, а Михаил Львович его откачивал. Чего мне стоило остановиться?! Узнать, что случилось?! Но нет же! На ленточку опаздывал? Да хрен бы с ней! Ведь это судьба вела меня прямо к Рексу, а я проехал мимо. И теперь неизвестно, даст она мне ещё шанс свидеться с ним или нет».

Из-за ушибленной лапы Рексу несколько дней пришлось провести в своём новом укрытии — в шалашике из старых досок, фанеры, картона, сооружённом детьми на небольшом пустыре в окружении жилых многоэтажек. Таких мест в спальном районе города, куда занесла Рекса кривая бродяжьей судьбы, немного. И, можно сказать, ему повезло — устроить лёжку вдали от любопытных и неприветливых глаз.

Пустырь, когда-то предназначенный для строительства ещё одного многоквартирного человека, а ныне брошенный, популярностью у жителей микрорайона не пользовался. Слишком много здесь было навалено ржавой арматуры, битого стекла, пластика и прочего никому не нужного хлама, да ещё и заросший травой и чахлым кустарником фундамент, на котором не только ноги, но и шею сломать можно. Собачники обходили бро-

шенную стройку стороной, опасаясь, что их любимцы поранят лапы. Родители строго-настрого запрещали своим чадам даже приближаться к этому рассаднику всякого рода опасностей. Правда, детишкам, как водится, запреты пап и мам были побоку. Наоборот, они добавляли драйва и остроты в их небогатую приключениями жизнь. Вот и шалашик, смахивающий на индейский вигвам, построили и забыли о нём...

На пустыре было безлюдно, беспризорные псы нечасто заглядывали сюда. Стая, бродившая по окрестностям и насчитывающая около десятка особей всех мастей, предпочитала тереться возле мусорных баков, где всегда можно было отыскать что-то съестное. К чужакам она относилась ревностно и злобно. Рекс стал свидетелем, как вся свора набросилась на тощую собаку, случайно забредшую на чужую территорию. Столько ненависти было в их рычании, что Рекс задумался, а собаки ли это? Разве можно всей стаей рвать зубами своего сородича, вся вина которого в том, что он голоден? Потом Рекс вспомнил тёзку из парка, йоркширского терьера Мусю, чёрного кобеля, с которым дрался за куриные косточки, и сделал вывод: принадлежность к одной породе вовсе не означает, что собака собаке друг. Всё решает одно обстоятельство: принят пёс в стаю или нет. Если нет, пусть пеняет на себя, — такую собаку будут гнать лаем, рвать на части. Таков закон городских джунглей. А что Рекс мог поделаться против правды жизни? Её следовало принять такой, какая она есть, или бросить ей вызов, обрекая тем самым себя на изгнание и даже смерть. Рекс выбрал первое. И кто посмел бы укорять его за это?

Чтобы прибиться к стае, нужно быть здоровым и сильным. Слабый и больной пёс не нужен собачьей разбойничьей ватаге, потому что ослабляет её общую силу. Это Рекс хорошо усвоил, глядя, как стая прогнала того доходягу. Оттого он старательно прятался от своих сородичей, дожидаясь, пока перестанет болеть ушибленная кирпичом лапа — хромоту ведь не только драться трудно, но и убежать. Из-за этого даже пришлось вести ночную жизнь — выходить на поиски еды почти под утро.

Искать еду Рексу приходилось в урнах, ещё не опорожнённых дворниками, рядом с подъездами домов, на детских площадках. Соваться к мусорным контейнерам, где всегда можно чем-нибудь поживиться, щенок остерегался: слишком велика опасность нарваться на пса-одиночку или злобную стаю. Вот и приходилось Рексу довольствоваться облизыванием брошенных в кусты обёрток из-под эскимо, оброненным детьми печеньем, недоеденными пирожками, оставленными выпивохами на скамейках или выброшенными.

Щенок усвоил, что лучше не попадаться на глаза дворникам, спозаранку выходящим мести дворы длинными мётлами. Однажды Рекс зазевался, выковыривая из урны зачерствелый остаток бутерброда с сыром, и схлопотал помелом по спине. Не особо больно, но унижительно. Рекс даже рыкнул возмущённо в сторону длинноногого и усатого мужика в дворницкой форме.

— Ну-ну, порычи мне тут, — добродушно отозвался на его рык уборщик. — Мне-то не жалко, ройтесь в урнах сколько угодно. Санитары города, едрёна вошь! Но зачем всё вокруг разбрасывать, а? Не знаешь? Вот и я не знаю. Поэтому брысь отсюда!

Мужик вновь замахнулся метлой, и Рекс счёл за лучшее отступить. Впредь всегда, прежде чем сунуть морду в мусорницу, щенок оглядывался — нет ли поблизости человека с метлой. А ещё сделал очень важный для себя вывод: человек с метлой, палкой или ещё чем-то в руке очень опасен, лучше держаться от таких вожаков подальше.

Беда не приходит в одиночку. Мало того, что ушиб на лапе долго болел, так щенок к тому же начал слабеть из-за голодной жизни — похудел, бока ввали, шерсть сбилась в колтуны. А ещё блохи! Рекс никогда не знал об этом биче всех собак: всё-таки Виталий был хорошим хозяином — обрабатывал Джу-ну и щенков от вредителей. Но действие препаратов уже закончилось, и Рекс постоянно чесал за ушами, ловил тварей зубами. Толку было мало...

А тут ещё и осень, дожди зарядили. Небо затянулось низкими серыми тучами, город заливало с неба. Земля стала склизкой и липкой,

на асфальте блестели лужи, ручеек дождевой воды даже просочился в шалашик Рекса.

Мокрый, голодный и замёрзший Рекс в дождливые дни почти не выходил из своего логова в город, ставший неприветливым. Лишь когда голод становился совсем невыносимым, он выбирался в ближайший двор и понуро шлёпал по раскисшим газонам и мокрому асфальту в поисках хоть чего-нибудь съедобного. Но даже урны в эти дни не наполнялись: люди сидели по домам и проклинали непогоду, так некстати обрушившуюся на город. Впрочем, ненастье никогда не бывает кстати. А уж Рексу оно буквально стало поперёк горла. Бунтующий желудок довёл его до того, что он, пренебрегая опасностью, двинулся к мусорным бакам, где часто бывала бродячая стая. Куда деться? Выбор у Рекса был невелик — загнуться от голода или рискнуть. Рекс предпочёл риск.

Ему повезло. Какой-то паренёк в куртке с капюшоном, накинутом на голову, подбежал к площадке с большим чёрным пакетом в руке и швырнул его в сторону мусорки. В контейнер не попал — пакет шлёпнулся рядом. Но мальчишка и не подумал исправлять свою оплошность, развернулся и, расплёскивая лужи кроссовками, помчался к своему подъезду.

Чёрный пакет стал единственной добычей Рекса. До начала затяжных дождей дворники привели в порядок контейнерную площадку, и вокруг мусорных баков стало чисто.

Рекс подбежал к своему трофею и схватил его зубами. Хотел уволочь его в логово, чтобы не спеша рассортировать содержимое на съестное и лишнее, но пластиковый мешок оказался хлипким — лопнул, вывалив содержимое наружу. Пришлось рыться в нём на месте. Краюха заплесневелого хлеба, рыбы хребты, две закисшие варёные картофелины в кожуре исчезли в пасти Рекса стремительно. Возможно, пакет бы порадовал ещё чем-нибудь, но краем глаза он заметил, что к нему спешит стая тощего кобелька-доходягу. Рекс кинулся бежать от грозящей ему опасности. Ожесточённый лай преследовал беглеца. Поднапрягшись, Рекс ещё добавил прыти, хотя ушибленная лапа сразу отозвалась болью.

Не страх, не трусость гнали Рекса по лужам и грязи. Только трезвый расчёт. Ум его был холоден и напряжённо искал выход из критической ситуации. Он понимал, что не выдержит схватки с озверелой, не признающей чужаков стаи. Что нельзя бежать в своё логово, в котором он будет как в ловушке. Что долго убежать он тоже не сможет — подведёт больная лапа. Значит, нужно... Что нужно, Рекс недоумал. Первый догнавший его пёс налетел сбоку, попытался сбить с ног ударом в плечо. Рекс устоял и в ответ полоснул преследователя зубами по морде. Тот взвыл и отстал. А Рекс, чуточку изменив из-за толчка направление бега, опять понёсся неизвестно куда. Отпор, данный Рексом быстроногому преследователю, только раззадорил стаю. Лай врагов стал громче, он настигал беглеца.

В какой-то момент Рексу показалось, что он сумеет укрыться среди ящиков и коробок, сложенных в штабеля на заднем дворе небольшого продуктового магазина. Упаковочной тары было много — целые горы, и Рекс рискнул. К тому же сказывалась усталость, больная лапа немела, отчего он ещё больше захромал. Решившись, Рекс нырнул в узкий проход между груд ящиков и через пару метров чуть не врезался носом в глухую кирпичную стену. Рекс остановился, огляделся. Он попал в какую-то нишу, непонятно кем и зачем устроенную среди использованных упаковок. Она была небольшая — примерно два на два метра. Слева виднелась какая-то грудя тряпья, а справа — ничего, кроме всё той же ящичной стены высотой не менее двух с половиной метров. Перепрыгнуть или запрыгнуть на неё не было никакой возможности. А за ящиками бесновалась и подвывала стая, не рискнувшая сразу броситься за Рексом в узкий просвет. Но щенок понимал, что какой-нибудь самый отчаянный пёс рванёт за ним в лаз, а там и другие решатся на расправу над загнанным в угол чужаком.

Домашняя Собака в душе Рекса задрожала от близости смерти, но Дикий Пёс обнажил клыки. Рекс яростно зарычал, предупреждая стаю о том, что не станет лёгкой добычей. В ответ послышался неистовый лай. Свора тоже не собиралась отступать.

И вот в проходе послышалась возня. Вожак стаи, серый, кудлатый и короткохвостый кобель, в роду которого наверняка был кто-то из арденских бувьё — смелых и сильных пастушьих собак — подошел к лазу вплотную. Это был битый бродячей жизнью пёс, а потому пробирался к жертве он осторожно.

Рекс не ждал избавления от свалившихся на его голову несчастий. Кто мог помочь ему — одинокому и всеми брошенному? Кому нужен щенок, не прибавившийся ни к одной семье или стае? Значит, нужно рассчитывать только на себя, на своё мужество, на свой характер, на свои силы, а их-то как раз и было в остатке... Оттого весь план предстоящей схватки Рекс построил на внезапности, решив атаковать врага первым.

Когда морда кобеля осторожно просунулась в нишу, Рекс, не медля ни секунды, бросился на неё сбоку и начал кусать зло, остервенело. Раны он наносил не то чтобы серьёзные. На другое был расчёт: Рекс надеялся испугать, застрашать противника таким напором, чтобы вынудить его отступить. Девять из десяти собак так бы и сделали — поджали бы хвост и задали стрекача от быстрого и кусачего супротивника.

Окрестная ребятня дала серому кобелю, вожаку стаи, кличку Страшила. Он был умён и храбр. Вместо того чтобы попятиться к выходу, Страшила резко прыгнул вперёд, чуть не сбив щенка с ног. В одну секунду ситуация перевернулась: уже Рексу следовало думать об отступлении, поскольку представший перед ним монстр не ведал жалости. Глаза Страшилы горели таким огнём ненависти, что, казалось, всё выжигали вокруг. Но Рекс не отвёл взгляда. Подавив в себе страх, он зарычал Диким Псом и приготовился к драке, которая для ослабшего щенка могла стать последней.

Вожак начал подступать к своей жертве, чувствуя свои преимущества.

И вдруг позади Страшилы раздался человеческий голос:

— Ах ты гад! На щенка нападаешь? Вот тебе!

Длинная суковатая палка с размаху опустилась на хребтину вожака. Страшила рыкнул и попытался обернуться, но тут уже Рекс налетел на него сбоку, ударил со всего маху пле-

чом, рванул клыком. Вожак хотел ответить ему тем же, но новый удар палкой помешал ему. Поняв, что с двумя противниками сразу ему не совладать, Страшила одним прыжком преодолел расстояние до прохода между ящиками и скрылся в нём.

Только сейчас Рекс увидел своего спасителя. То, что раньше он посчитал кучей тряпья, на самом деле оказалось постелью бомжа. Разбухший рычаньем и лаем, он оценил ситуацию и вступился за Рекса.

Человек и собака с минуту разглядывали друг друга, а потом бомж сказал:

— Ну, давай знакомиться, бродяга! Меня — кхек-кхе! — Стёпкой кличут, а тебя... Ладно, потом разберёмся. Жрать хочешь?

Из дневника Петровича:

«Как здорово, что я веду дневник! Без оглядки на всяких редакторов, критиков, корректоров и даже читателей я пишу всё, о чём думаю. Не боюсь при этом, что кто-то назовёт меня лицемером или лицедеем, готовым на всё, чтобы понравиться публике.»

«Я задумался: если бы собаки обрели разум, остались бы они друзьями человека? Точнее, захотели бы они иметь таких друзей — лживых, жестоких, готовых ради сиюминутной выгоды предать, убить, искалечить даже себе подобных? Думается, став разумными, псы стали бы непримиримыми врагами людей. И я не могу осуждать их за это!»

Рекс смотрел в ярко-синие — такие бывают у детей — глаза своего нового знакомого и мучительно решал — убежать ли от него сейчас или повременить? С Рексом произошло самое страшное, что может случиться с выросшим в домашних условиях собачонком: он перестал доверять людям. Щенок был не готов влиять хвостом, прыгать от радости, заливаясь ликующим лаем перед человеком. Зато был настроен дать отпор не только кудлатому Страшילה, но и этому незнакомцу.

Нелёгкий вопрос за Рекса решила вражеская стая. Собаки не уходили — они поджидали щенка на выходе — рычали, лаяли, визжали, подхлестывая в себе азарт разорвать чужака. Значит, нужно было выбрать мень-

шее зло, которым в этот момент был незнакомый человек.

Бывалый бомж, похоже, понял, что происходит в неприкаянной душе щенка. Стёпа не пытался погладить Рекса, потрепать за ушами или приласкать как-то иначе. Заспанно моргнув васильковыми глазами, он порылся в тряпье, служащем ему и матрасом, и одеялом, и подушкой, и выудил из его глубин выдавшую виды матерчатую сумку. Достал из неё полторашку дешёвого пива «Народное», присосался к горлышку и забулькал так, словно не пенный напиток в желудок вливал, а топил себя в нём. Оторвавшись от бутылки, бомж обтёр губы рукавом куртки, плотно закрутил крышку, после чего подмигнул Рексу: «Тебе не предлагаю — кхек-кхе! — молод ещё. Последний раз спрашиваю: жрать хочешь?»

Рекс чуть-чуть шевельнул хвостом. Раз уж остался, надо было налаживать отношения с неизвестным двуногим вожаком. Хотя какой он вожак? Такой же беспризорник без роду и племени, как и сам Рекс.

Заметив робкий интерес щенка, Стёпа полез в свою торбу и на этот раз выудил из неё завернутый в промасленную бумагу чебурек. Умопомрачительный запах свежей, а не найденной на помойке еды почуял Рекс. Он ещё раз вильнул хвостом, на этот раз сильнее и дружелюбнее.

«Ага — кхек-кхе! — понял, что жрачка есть!» — зыркнул на щенка Стёпа. Бомж разорвал чебурек грязными руками пополам, половинку протянул Рексу: «Держи, бродяга!»

Жареного теста с мясом щенку хотелось до одури, до рези в животе, до потери всякой осторожности. У него потекли слюни, но сдержал себя. Подрагивая от желания проглотить щедрое угощение, щенок всё же оставался сидеть на прежнем месте, не сводя глаз с протянутого куска.

«Ишь ты! — покачал головой Стёпа. — Гордый, что ль? Так ты учти: гордые на улице недолго живут, враз их судьба ломает. Ишь напугал тебя кто? Тоже бывает. Зверья среди людей — кхек-кхе! — много. Бери, ешь. Стёпа животинку трогать не будет. Тот кудлатый не в счёт, сам нарвался на трендюлину, не фиг младших обижать».

Рекс слушал мерный, чуть хрипловатый голос Стёпы, и потихоньку в нём начинала просыпаться Домашняя Собака, а Дикий Пёс успокаивался.

«Давай подходи, — уговаривал Стёпа. — А не то я сам съем, тоже не досыта питаюсь».

С этими словами бомж сделал вид, что хочет надкусить протянутый Рексу гостинец. Тут, забыв обо всём на свете, шенок звонко и возмущённо гавкнул, чем вызвал смешок Стёпы: «Ага, проняло! Тогда подходи — кхек-кхе! — бери».

Пересиливая себя и весь опыт бродячей жизни, Рекс опасливо переступил лапами, шагнул к куску. В любой момент он был готов отпрыгнуть, зарычать, оскалиться и даже рвануть зубами любого, чтобы защитить себя. Но чебурек пах так заманчиво! Противиться вкусному запаху не было никакой возможности.

«Давай-давай, смелее! — приговаривал Стёпа, видя, с каким трудом шажок за шажком Рекс преодолевает собственные страхи. — Не все люди — сволочи, встречаются — кхек-кхе! — среди них нормальные, навряде собак... Только редко...»

Размеренный Стёпин голос успокаивал Рекса, еще больше располагая к угощению. Наконец, сделав последний шаг к руке дающего, Рекс осторожно взял зубами половинку чебурака.

«Ай, молодца! — похвалил его Стёпа. — Ай, бродяга! Будет с тебя толк, если — кхек-кхе! — выживешь, конечно».

В мгновение ока расправившись со вкусным угощением, Рекс с надеждой посмотрел на Стёпу. Вдруг в его пакете окажется ещё что-нибудь? Какой-нибудь пирожок или на худой конец горбушка хлеба. Стёпа в ответ простодушно развёл руками: «Нет ничего, бродяга. Я ведь на тебя не рассчитывал, себе завтрак приготовил. Разве что пиво... Но тебе оно — кхек-кхе! — без надобности. Ладно, давай собирайся, пойдём на охоту. Рановато, конечно, ну так что? Не спать же по новой ложиться...»

Стёпа добулькал остаток пива, сложил в сумку какие-то свои нехитрые пожитки. Взяв суковатую палку, шагнул к выходу из ящич-

ного логова. Только тут Рексу стало понятно, зачем Стёпе нужна дубина — вовсе не для того, чтобы отбиваться от врагов и собак. Просто бомж хромал. Он припадал на левую ногу, а палка служила ему опорой. Заметив взгляд щенка, Стёпа горько усмехнулся: «Ну да, калека я. По глупости ногу повредил. И лёгкие — кхек-кхе! — застужены... Да что об том говорить, пошли».

Стая встретила Стёпу и Рекса глухим рычанием и звонким лаем. Но близко ни один из псов подходить не стал. Всё-таки суковатая палка Стёпы произвела на них впечатление. Видать, не понаслышке знали, каково это — схлопотать по спине костылём.

Рекс жался к ноге Стёпы, совсем как учил его когда-то Виталий, и грозно рычал в ответ на враждебный гвалт своры. Бомж же и вовсе не обращал внимания на неё — хромал себе и хромал по своим делам, а рядом с ним прихрамывал Рекс. Двое — человек и собака — удалялись от стаи, не решившейся преследовать их. Правда, лаять псы не перестали. Но, кроме злости, в этом лае Рекс уловил откровенно завистливые нотки. Завидовали псы, — люто завидовали щенку, который обрёл своего человека. В каждом из них, даже в кудлатом Страшиле, жила робкая надежда, что когда-нибудь и они пойдут рядом с хозяином, будут делить с ним кров, еду и дорогу.

«Охота» Стёпы была примитивной и не требующей особых навыков, быстрых лап или крепких зубов. Он просто шёл от урны к урне, от мусорки к мусорке, собирая в большую сумку алюминиевые баночки из-под пива, колы, прочих напитков. Перед тем как забросить добычу в котомку, здоровой ногой бомж плющил её на асфальте. В разряд добычи попадали изредка и другие вещи, не представляющие ценности для прочих людей, а для бомжа вполне себе даже пригодные к дальнейшему применению. Остатками еды вроде недоеденных пирожков и бутербродов Стёпа брезговал. То ли не был научен голодом по-настоящему, то ли испытал на собственном животе последствия такого питания. Поэтому-то и бросал найденные объедки Рексу. Тот не был таким привередой и в два счёта расправлялся с угощением.

Странное чувство испытывал Рекс при этом. Кто ему Стёпа, делящийся с ним найденной едой? Случайный попутчик, с которым свела его судьба и свора псов? Будущий хозяин и друг? Член одной с ним стаи? Ответа не было, как и тёплых чувств к Стёпе. Но с ним было всё же как-то спокойнее и надёжнее, что ли. Не приходилось шарахаться в сторону от редких утренних прохожих и дворников, от выгуливающих домашних питомцев собачников, да и сами псы совсем по-другому отнеслись к сородичу, идущему рядом с человеком, а не рыскающему в одиночку. И Рекс, хоть никто и не держал его, не убежал от Стёпы, шёл не то чтобы у ноги, но поблизости — так было понятно, что они вместе.

Стёпа тоже не баловал Рекса своим вниманием. Поглядывал искоса, чтобы знать, где щенок, иногда говорил что-то вроде: «Что, бродяга, намыкался один? Хочется с кем-то быть? Только я не вариант для тебя, сам неприкаянный — кхек-кхе! — по жизни маюсь. Ну да ладно, как-нибудь перебьёмся. А хочешь, беги по своим делам, держать не стану».

Рекс не убежал: чувствовал, что Стёпа тоже рад живой душе рядом. Щенок, быстро сообщив, что собирает его напарник, стал искать в кустах и прочих местах алюминиевые банки, до которых ему раньше не было никакого дела. Наткнувшись на такую находку, Рекс негромко тьявал, подзывая Стёпу. Тот не сразу понял, что Рекс стал ему помогать, а когда до него дошло, восхитившись, сказал: «Ах ты, бродяга! Помочь решил? Никак не ожидал! Умён ты брат, ох, умён! Не на улице бы тебе жить, а на таможне какой... Цены б тебе не было...»

Помощь Рекса Стёпа принял с радостью, тем более что добычи стало больше, а значит, и лишняя денежка появится — небольшая, но такая нужная каждому обездоленному.

В какой-то момент Стёпа вынул из кармана старенькие наручные часы без ремешка, глянул на циферблат и сказал Рексу: «Пойдём, щас кормёжка у бомжатника — кхек-кхе! — будет. Глядишь, и нам чего перепадёт», — и захромал из спального района в сторону центра. Рекс поплёлся за ним.

Щенку начинала нравиться новая жизнь.

Всё же собака, особенно служебная, предназначена искать, и не для себя, а для того, кто оценит её труды. Пусть добычей были всего лишь баночки, но Рекс и на них показал своё умение и хороший нюх. Его оценили не просто так, а за то, что приносил пользу. Разве это не здорово?

Из дневника Петровича:

«А, собственно, что это я сейчас колючу по клавиатуре, вместо того чтобы искать Рекса? Я же решил взять его к себе, даже Витале об этом сказал, а дальше-то что? Забыл: мужик сказал, мужик сделал?! С того момента, когда я заявил, что Рекс — мой, я несу за него ответственность. Только так и никак иначе. Что там Айболит говорил? Рекс перегрыз верёвку и убежал из клиники. Вряд ли он ушёл далеко, молодой и не знакомый с бродяжьей жизнью. Скорее всего, мыкается где-то рядом. Решено, завтра же еду туда и начинаю поиски».

Бомжатник, или, говоря официальным языком, дом ночного пребывания для лиц без определенного места жительства, располагался в тупике улицы, в старом деревянном здании то ли бывшей почты, то ли сберкассы. Попасть туда на ночлег было непросто, мест не хватало для всех бездомных. Тех, кому повезло туда устроиться, два раза в день — утром и вечером — кормили быстрорастворимой китайской лапшой и хлебом, наливали жидкий полусладкий чай в пластиковые стаканчики. Иногда ещё чем-то подкармливали, если вдруг что-то отваливал неведомый спонсор. Перепадало от городских щедрот и другим бездомным, приходившим сюда ко времени кормёжки.

«Не люблю я сюда — кхек-кхе! — ходить, — доверительно сообщил Стёпа Рексу на подходе к ночлежке. — Смотрят на тебя как на отребье, а я, между прочим...» Стёпа только рукой махнул, прервав себя на полуслове. Да и подошли они уже к стоящим во дворе бомжатника сколоченным из досок столам и скамейкам под хлипким пластиковым навесом. Местные обитатели — не менее тридцати человек — с жадностью хлебали из одноразовых суповых чашек китайскую бурду. Стёпу здесь

знали, собрата приветствовали — кто кивал, кто махнул рукой.

— Здорово, Стёпка! — крикнул один.

И уже другой голос:

— Садись к нам!

— Степан, ты ещё не подох? — поддел третий. — Что-то давно тебя не видно было. А это кто с тобой?

Последняя фраза относилась к Рексу. На него обратили внимание все, даже толстая раздатчица еды Машка в когда-то белом фартуке.

— Совсем офонарел, Стёпка?! — ругалась она. — Куда с собакой прёшься? Здесь тебе не собачий приют, а кобелиный! Правда, кобели тута не сильно кобелиные! — Машка громко заливисто заржала над своей скабрёзной шуткой.

Бомжи её веселье не поддержали, глядели хмуро на щенка, но молчали. Никому не хотелось ввязываться в перепалку с острой на язык Машкой.

Однако Стёпу было не так-то просто смутить или осадить. Он не стал пререкаться, сказал спокойно:

— И тебе здрасьте, Марья! Что-то — кхек-кхе! — неласково ты сегодня гостей встречаешь.

— Ишь ты! Ласки ему захотелось! Твои ласки давно сели в салазки да с горки и укатились. — Тётка опять засмеялась, налила в стоящую на замызганном столе миску кипятку, бросила туда сухой брикет лапши, протянула Стёпе ложку и два куса черняшки:

— Кушай, не обляпайся, убогий!

Стёпа взял подачку, прохромал к ближайшему столу. Бомжи чуть подвинулись, чтобы было куда сесть. Стёпа взял со стола уже кем-то опустошённую посудину, отлил в неё половину своей порции с уже размокшей лапшой, скрошил туда же кусок хлеба.

Рекс сидел рядом с ногой Стёпы и, по привычке склонив ушастую голову набок, напряжённо следил за окружавшим его обществом. Оно ему не нравилось. И не только из-за неприятных запахов, которые это сборище источало. Всем нутром Рекс чуял, что это такая же стая, как и та, в которой верховодил Страшила, и в ней не любят чужаков. С дру-

гой стороны, Рекс ведь не один сюда пришёл, а со Стёпой.

— На, ешь! — поставил перед ним миску с лапшой и хлебом Стёпа.

— Ты счо, Стёпка, васче обалдел?! Какую-то псину счеловеческой едой кормить! Да нам самим тут мало. — Наполовину беззубый и от того свистяще шепелявый бомж оглядел остальных, ища поддержки.

Мужики угрюмо молчали. Впрочем, в поддержку Рекса никто тоже не высказался, кроме самого Стёпы.

— Я своей пайкой — кхек-кхе! — поделился! — отрезал он. — А ты, Хмаря, свою жри и не вякай!

— Да ты счо! — начал подниматься со скамьи полувивший отпор Хмаря. — Нарываесчесья?

— Сиди на месте! — зло осадил его Стёпа. — А то собаку натравлю.

Все разом посмотрели на Рекса. Тот не притронулся к еде. Прижал уши, вздыбил загривок и оскалил зубы. При этом Дикий Пёс, опять проснувшийся в нём, глухо ворчал. Помощь пришла к Хмарю от всё той же раздатчицы Машки:

— Правильно Хмаря сказал! Не хватало всяких дворняг кормить! Для того вам бесплатную кормёжку организовали, чтобы вы сюда всяких кабысдохов волокли?

— А я счо говорю! — вдохновился поддержкой Хмаря. — А ну брысь отсюда!

Хмаря замахнулся какой-то тряпкой, на что Рекс отреагировал стремительно: прыгнул к обидчику и рванул зубами его штанину. Затрещала ветхая ткань, огромная прореха оголила тощую грязную ногу бомжа.

— А-а-а! — тоненько, по-бабьи завизжал Хмаря и со всех ног припустил в сторону бомжатника.

Рекс прыжками нёсся за ним, по-прежнему хватая и трепля зубами дряхлые джинсы убегающего. Ткань не выдерживала, и у Хмари оголились не только ноги, но и зад. Трусов, как выяснилось, у него не было.

Долго хохотали обитатели ночлежки, давно не видевшие такой веселухи. Даже Машка ржала, хлопая себя по толстым коленкам, и вытирала выступившие от смеха слёзы.

Рекс, загнав Хмарю в бомжатник, с незави-

симым видом вернулся к ноге Стёпы и уселся рядом. Тот впервые за время их знакомства погладил его по голове:

— Молодчага, бродяга! Так и надо! Кхек-кхе! В компании этих пиратов расслабляться не стоит. Мигом сожрут, если не посмотришь за себя.

От Стёпиных поглаживаний Рекс не испытал того блаженства, какое накатывало на него от рук Виталия и Петровича, но всё же ему было приятно прикосновение ладони человека. К тому же он понял, что поступил совершенно правильно, прогнав из-за стола злобного Хмарю.

Мужик с синими нарисованными перстнями на пальцах, сидевший в сторонке и никак до этого не вмешивающийся, спросил Стёпу:

— Слышь, Степан, откуда ты этого... юного бойца взял? Сдаётся мне, видал я его недавно...

За столом стало по-особенному тихо. Судя по всему, тот мужик, явно бывший зэк, пользовался большим авторитетом у бомжей.

— Так это... кхек-кхе! — Стёпа смущённо откашлялся. — Свора какая-то загнала его ко мне на лёжку. Разорвать хотели, да я не дал. Так что, можно сказать, Иваныч, он сам ко мне прибился.

Иваныч внимательно посмотрел на Рекса. Тот встретился с ним взглядом и глаз не отвёл, только зарычал тихонько, предупредительно.

— Ишь ты! — уважительно буркнул Иваныч. — Не боится. И уважения требует. Погоняло есть у него?

— Может, и есть, — пожал плечами Степан. — Только мне не сказал. Вот и зову пока бродягой.

Бывший сиделец одним строгим взглядом пресёк полыхнувшие было за столом смешки и вынес вердикт:

— Значится, так, мужики! Этот пёс такой же, как мы. И он теперь один из нас. Кто его тронет... Ну, сами знаете!..

— Знаем... — вставил кто-то.

— Как не знать... — добавил другой.

— А ну цыть! — пристрожил Иваныч. — Я не всё сказал. Судя по породе, никакой он не дворняга, а немецкий овчар. Потому погоня-

ло у него будет немец. Все запомнили? Машка, тебя тоже касается!

— А я чо? Я ничо! — тут же откликнулась раздатчица. — По мне — хоть немец, хоть Поляк... танцевали краковяк... Стёпка, под сюда, я тебе ещё порцию положу для твоего дружка. Ишь, худющий какой!

Решение Иваныча развернуло мнение бездомных о Рексе на все сто восемьдесят градусов. Каждый теперь считал своим долгом выказать своё расположение щенку. С ним поделились не только китайской условно съедобной лапшой и хлебом, но и другими харчами, имеющимися в заначке почти у каждого бомжа. Рексу предлагали кто — сыр, кто — кусок колбасы, кто — чебурек... Прежде чем принять угощение, Рекс бросал быстрый взгляд на Стёпу и только после его лёгкого кивка принимал дар. Погладить же его не решился никто, потому что Стёпа сразу предупредил: «Руками не трогать, если не хотите без пальцев остаться!»

Предупреждение возымело действие, тем более что все стали свидетелями бесславного отступления от стола голозадного Хмари, до сих пор с ненавистью подглядывающего за Рексом с крыльца дома ночного пребывания. Бомжу явно было не по душе решение Иваныча о принятии в семью бездомных обидевшего его пса, но поделаться Хмарю ничего не мог, потому злобно сверкал глазами в сторону Рекса.

Из дневника Петровича:

«Зашёл в ветклинику, поговорил с Айболитом и медсестричкой Галей. Расстроены, переживают, что не уберегли Рекса. Кстати, как там Айболит сказал? «Фата виам инвэниэнт» — «от судьбы не уйти». Как знать!..

Потом поездил по дворам многоэтажек. Их тут как деревьев в лесу. Видел свору бродячих собак, но Рекса среди них не было. Даже представить страшно, что с ним может случиться, нарвись он на эту разношёрстную ватагу. Эх, Рекс, дурашка, подождал бы денёк, сейчас бы дома был. А судьбу твою я попробую переменить, что бы ни говорил наш ветеринар-латинист».

Безликие однообразные дни тянулись скучной чередой. Жизнь Стёпы не была отягощена событиями. Ежедневный обход территории и сбор всё тех же алюминиевых баночек, кормёжка у бомжатника, попрошайничество у магазина, покупка после обеда полторашки пива, а иногда, когда сваливалась денежная удача, и водочки, вечерние попойки в одиночестве и тяжёлый безрадостный сон. Рекса он не обижал, кормил, насколько позволял его скудный бюджет, разговаривал с ним по пьяни, жалуясь на жизнь. Иногда гладил по голове, но недолго и неласково. Рекс терпел. Такая жизнь была всё же лучше, чем скитания в одиночестве по свалкам и помойкам. Хромота у щенка прошла, он даже чуть вошел в тело — пополнел благодаря более или менее регулярному питанию. Донимали, конечно, блохи, но и к ним, как ни странно, он тоже привык.

Пристанище им со Стёпой пришлось сменить. Старые коробки и ящики, между которыми была их нора, как-то днём просто вывезли. И вечером напарников встретил пустой асфальтовый дворик.

— Дела-а! — протянул, почёсывая затылок, Стёпа, оглядываясь вокруг. — Остались мы с тобой, Немец, без крыши над головой. Надо другой дом искать. Может, и к лучшему... Осень уже, а за ней зима... Что-то потеплее и надёжнее — кхек-кхе! — требуется...

Ту ночь они провели в незапертом подъезде под лестницей. Неуютно было на холодном бетонном полу, но всё лучше, чем под открытым небом. А на следующий день Стёпа отыскал вход в подвал многоквартирного дома. Дверь была заперта на амбарный замок, да Стёпа и не стал ломиться. Он спрыгнул в тесный приямок с подвальным окном и вырвал лист фанеры, которой оно было заколочено. Так они и получили доступ в тёплое и сухое помещение подвала. Только пробираться в своё новое жилище следовало с осторожностью, с оглядкой, чтобы ничей любопытный взгляд не засёк. «А то хай подымут и полицию вызовут, — доверительно пояснил Стёпа Рексу. — А менты в кутузке — кхек-кхе! — ещё и попинают для вразумления. Так что ты, Немец, давай осторожнее».

Рекс осторожничал. Даже ночью, когда

Стёпа, напившись пива, похрапывал на старом матрасе, найденном в том же подвале, шенок, выбравшись в приямок, долго вглядывался и внюхивался в окружающий мир, прежде чем выпрыгнуть из него и отправиться на прогулку.

Ночной променад стал для Рекса обычным делом — не ради еды, а ради впечатлений. Всё же он был пока ещё любопытным щенком, хоть и достаточно крупным для своего возраста. А ещё ему очень хотелось отомстить стае, напавшей на него и — нет худа без добра! — познакомившей его со Стёпой. Какой будет мечь, Рекс пока не знал, но уже обнаружил обычное место пребывания своры, её маршруты, привычки. Неслышной тенью скользя в темноте за своими обидчиками, Рекс напоминал волка на охоте. Живущий в нём Дикий Пёс подсказывал ему, как действовать. Благодаря этому он ни разу не попался на глаза стае, не дал унюхать, услышать себя. Правда, Страшила, в роду которого были псы, охраняющие от волков стада овец, пару раз настораживался и напряжённо вглядывался, внюхивался, вслушивался в сторону, где укрылся Рекс, но так и не смог обнаружить слежку. Чуйка Страшилы, срабатывающая на близкую опасность, не находила своего подтверждения, и он успокаивался.

За время слежки за стаей Рекс выяснил, что свора никогда не ночует вместе. Странного в этом ничего не было, слишком много внимания привлекли бы больше десятка собак, сбившихся в одном месте для ночлега. Одно дело — выйти толпой за добычей, когда нужно показать свою силу, совсем другое — переждать, выспаться, отдохнуть от непрерывной борьбы за жизнь. Спали собаки обычно днём или ранним вечером, а ночь — время охоты, вражды. Если в светлые часы стая вела себя относительно спокойно, то в темноте, когда людей на улице почти не оставалось, чувствовала себя полновластной хозяйкой территории.

Однажды Рекс стал свидетелем, как свора набросилась на одинокого подростка, вышедшего на улицу в поздний час. Псы окружили его, злобно лаяли и подвывали. Перетрусивший пацан не кинулся бежать, чем подписал бы себе приговор на быструю расправу, а при-

нялся кидать в собак обломками кирпичей и камнями. Это несколько умерило их пыл, и они позволили ему короткими перебежками добраться до ближайшего подъезда многоэтажки. Там парень принялся нажимать на все подряд кнопки домофона, звать на помощь. Из подъезда, конечно, никто не вышел. Но на балконе второго этажа появился заспанный пузатый мужик в трусах и майке. Собразив, что происходит, он вернулся в комнату, а через минуту появился на балконе с пневматической винтовкой.

Маленькие свинцовые пульки редко пробивали шкуру собак, но причиняли боль. Завизжала одна собака, вторая, третья... Когда до стаи дошло, кто стреляет, псы попытались было обляять и стрелка, но тот выстрелил одной из собак в глаз. Жуткий вой покалеченной собачонки разбудил окрестные дома. Начали вспыхивать окна, хлопать балконные двери, раздались возмущённые голоса: «Да что же это такое, и среди ночи покоя нет!», «Развели собак, так угомоните», «Зачем собаку бьёте?», «Ну, гады, зачем мучить животных?!» Мужик с винтовкой послушал-послушал, да и гаркнул в ответ: «Эти бедные собачки чуть парня в ключья не разорвали!»

Ответ не заставил себя долго ждать: «Так это ты, живодёр, по собакам стрелял?», «Сейчас полицию вызову, они тебя быстро к порядку призовут!», «Тебя самого бы подстрелить, как бешеного пса!»

Мужик плюнул с досады и ушел с балкона. Благо, свора разбежалась к тому времени, и паренёк, на которого она напала, тоже убежал. И только маленькая собачонка, даже не принимавшая участия в травле и просто попавшая под раздачу, выла безысходно и жалобно. Жаловалась на свою собачью судьбу, на боль, раздирающую её глазницу, на людей, выбросивших её на улицу, на...

«Да угомоните её кто-нибудь! — рывкнул из окна пятого этажа густой бас. — Коли такие жалостливые, возьмите к себе да подлечите!»

Молчание было ответом на эти справедливые, в общем-то, слова. В ночи захлопали закрывающиеся окна и балконные двери. Даже собачонка перестала выть и только тихонько поскуливала, забившись под куст.

Рекс наблюдал всю эту катавасию с безопасного расстояния, к тому же спрятавшись под садовой скамейкой. Холодно и беспристрастно подмечал каждую деталь, каждый нюанс поведения всех участников. У него не было сочувствия к загнанному стаей пацану, к собакам, подстреленным мужиком с балкона. Не испытывал он и неприязни к стрелку. В конце концов, псы получили по заслугам. Вот только... Тихонько поскуливавшая под сиренью собачонка затронула что-то внутри Рекса. Он осторожно выбрался из своего укрытия и двинулся в сторону скулежа.

Рыжая сучка, не более года от роду, смотрела на него единственным уцелевшим глазом, из которого одна за одной катились слёзы. В свете неоновой фонаря эти горестные капельки солёной влаги сверкали искорками. Рыжая не испугалась Рекса, не кинулась бежать, даже рычать не стала. Ей было так нехорошо, что сил оставалось только на жалобное поскуливание, до краёв наполненное болью. Рекс долгую минуту смотрел на раненую дворняжку. Он помнил её. Она была из стаи Страшилы и тоже гналась за ним вместе со всеми преследователями, заходила таким же злобным лаем, как и её сородичи. Сейчас она была в его власти. Он мог сделать с ней всё, что посчитает нужным. Рекс приоткрыл пасть и шагнул к беспомощной псине. Собачонка задрожала, ещё плотнее вжалась в землю и даже перестала скулить. Рекс приблизился к ней вплотную, склонил голову и принялся длинным розовым языком вылизывать сочащуюся кровью пустую глазницу.

Когда примерно через час Рекс решил вернуться в подвал к Стёпе, рыжая увязалась за ним. Рекс не звал её, но и не прогонял — понимал, насколько ей сейчас больно и одиноко. Проскользнув в подвальное окошко, Рекс подошёл к храпящему Стёпе и улёгся неподалёку. Рыжая, немного помявшись вдальке, всё же подошла к нему, лизнула в ухо и притулилась рядом. Рекс только вздохнул, положил морду на вытянутые вперёд лапы и почти сразу провалился в сон.

«Это ещё — кхек-кхе! — что за чудо? — разбудил Рекса хриплый спросонья голос Стёпы. — А ну пошла вон отсюда!» Только что проснув-

шийся Стёпа сидел на матрасе, пялился синими глазами на Рыжую и замахивался на неё свёрнутой в трубку газетой. Рыжая не убежала, только с надеждой смотрела своим единственным глазом на Рекса. Тот привстал и глухо рыкнул в сторону Стёпы.

«Ты чего, Немец? — поразился этому донельзя Стёпа. — На кой ляд нам ещё кто-то нужен? Или ты себе — кхек-кхе! — кралю подыскал?»

Вместо ответа Рекс подошел к сучке и демонстративно стал вылизывать рану. Стёпа с недоумением смотрел на проявление не свойственной Немцу нежности. Но постепенно до бомжа что-то стало доходить. «Постой-ка, постой!.. — легонько отодвинул он Рекса от собачонки. — Ох ты, мать честная! Кто ж тебя так? А ты, Немец, видать, пожалел её, вот и притащил сюда? Ну и что — кхек-кхе! — мне прикажешь теперь делать? Мало тебя, так ещё у нас свой Кутузов будет! Хотя правильнее — Кутузка!»

Кряхтя и ворча, Стёпа встал с матраса, подтянул к себе сумку. Вынул припасённые на завтрак два пирожка с рисом, глянул на собак и молча разделил их на три равные части.

Из дневника Петровича:

«Ездить на машине по дворам глупо. Не найти так Рекса! Надо что-то придумать такое, чтобы он сам на меня вышел. Вот только что? А время ведь не ждёт, уже зима на носу.

Да и живодёров полно. Даже не подозревал раньше, что их так много. А тут вступил в группу зоозащитников — и волосы дыбом встают от историй. Пересказывать не буду, просто скопирую текст. Для кого, если дневник для чужих глаз не предназначен? Для себя! Чтобы помнить! «Девушки облюбовали один из городских недостроев, где им никто не мешал. Здесь же они хранили арсенал орудий для пыток: ножи, прутья, молоток. На многочисленных фото живодёрки запечатлены рядом со своими жертвами. Крохотные комочки шерсти, залитые кровью, которые еще недавно были живыми существами, студентки оставляли в подвале недостроенного здания. В переписке в соцсетях, которую обнаружили правоохранители, они напрямую обсуждали буду-

щие убийства животных. «Стрелять, рубить, резать, расчленять!» — писала одна обвиняемая другой».

Рана, оставшаяся на месте выбитого пулькой глаза, зажила на Кутузке быстро. Не прошло и недели, а она уже со своими новыми знакомыми отправлялась поутру на поиски пропитания. Стёпе не улыбалось иметь двух вместо одной, но что-то доброе в его заскорузлой душе не позволило прогнать одноглазую собачонку.

Бомж частенько ворчал, хмурился, называл собак спиногрызами и нахлебниками, но всё так же делился с ними своей нехитрой едой. Правда, всё реже это были пирожки и чебуреки и всё чаще — обычный хлеб. Рексу с Кутузкой приходилось искать прибавку к скудному рациону во всё тех же мусорных контейнерах и урнах.

С бесплатной едой у ночлежки тоже стало туго — кормили всего два раза в неделю. На раздачу китайской лапши Стёпа Кутузку не брал. Понимал, что второго пса компания бродяг не потерпит. Они и Немца приняли только потому, что за него вступился авторитет Иваныч. Не будь его, давно бы прогнали взашей приبلудного пса, ведь бомжи и бродячие псы — вечные конкуренты в городе. И жрачку из мусорок делят, и места для ночлега, а это самые важные составляющие их бесприютной жизни. Однако к Рексу привыкли, считали за своего и приветливо встречали хрипылыми голосами: «Здорово, Немчура?!», «Гутен таг, фашист!», «Хенде хох, зольдатен!», «Хальт, Мюллер!», «Гитлер капут!»

Бродягам доставляло удовольствие вспоминать слышанные в советских военных фильмах немецкие слова и щеголять ими друг перед другом. Это возвращало их в детство и времена, когда у них были свой дом и семья. Иногда, правда, звучало в их речи и такое: «О, матка, яйки, млеко давай!», «Партизанен? Пух-пух!» При этом они всерьёз считали, что говорят именно по-немецки.

Рекс не обращал внимания на смех обитателей ночлежки. Он терпел общество бомжей, и не более того. Не участвовал в общем веселье и Хмаря. Исподлобья поглядывал на Рекса,

но действий никаких не предпринимал, хотя все знали и понимали, что представься такой случай — и Немцу не поздоровится.

Кутузка, оставленная за несколько домов до места кормёжки, всё понимала и безропотно ждала Рекса со Стёпой там, где приказано. На месте, конечно, не сидела, шарила по округе в поисках еды.

В один из дней, в конце ноября, город был присыпан первым снегом. Стёпа, выбравшись из подвала, отреагировал на него недоvolmente. Сокрушённо покачал лохматой головой, напялил неизменную вязаную шапочку и произнёс с тоской: «Чёрт бы его побрал, этот снег! Теперь — кхек-кхе! — нас по следам вычислить могут. И хана, опять новое жильё искать нужно будет».

Рекс и Кутузка огорчения Стёпы не разделяли. Впервые увидев снег, они сначала с любопытством трогали его лапами и хватали пастью, а потом стали бегать, оставляя на белом дастархане зимы две цепочки следов. Рекс в обществе Кутузки немного отмяк душой, порой даже играл с ней. Стёпа с улыбкой смотрел, как две собаки валялись в снегу, играючи хватили зубами друг друга за холки и весело гавкали, радуясь никогда не виданному ими снегу. Однако такая идиллия не могла продолжаться долго, Стёпа вздохнул и пошёл по своему обычному маршруту в поисках средств к существованию. Рекс и Кутузка привычно потянулись следом.

С наступлением осени, а теперь и зимы выживать в городе становилось всё труднее. Люди сидели в квартирах и кафешках, так что урны во дворах по большей части пустовали. Приходилось рыться в мусорных контейнерах, отбивая право на это у бродячих собак суковатой палкой Стёпы и злобным рычанием его четвероногих спутников. Друзьями их можно было назвать с большой натяжкой. Рекс считал Стёпу своим напарником, одним из членов стаи. Да, его, то есть Рексовой, стаи! В ней Кутузке и Стёпе отводилась роль свиты. Рексу хватало ума не заявлять об этом прямо, не утверждать своё лидерство клыком, но сути это не меняло. Пусть Стёпа остаётся в неведении, кто кому хозяин, — так легче и удобнее. Кутузка же приняла старшинство Рекса —

помнила, кто пришёл ей на помощь в тяжёлую минуту.

Впрочем, и Стёпа уже давно оценил смыслённость своего пса. Рекс, наблюдая, как бомж рассчитывается в киосках засаленными купюрами, понял, что эти никчёмные, с его точки зрения, бумажки имеют свойство превращаться в чебуреки и прочую еду. Однажды, найдя под скамейкой выроненную кем-то сотку, Рекс притащил её Стёпе. Надо было видеть его реакцию! Бомж на целую минуту потерял дар речи. А потом с восхищением похвалил: «Ну, ты даёшь, Немец! Ай, молодец! Ты не просто — кхек-кхе! — пёс, ты гениальный пёс! Давай-давай, ищи, дорогой! А с меня тебе причитается».

Рекс понял, что поступил правильно, принес бумажку Стёпе, и занялся поиском банкнот всерьёз. Жаль только, что никто не разбрасывает деньги в городе, как обёртки от эскимо, и удача улыбалась Рексу редко.

В один из дней ему крупно повезло. Бредя за Стёпой по очередному заснеженному двору, Рекс уловил слабый запах денег. Кто там говорил, что деньги не пахнут? Пахнут, да ещё как! Рекс остановился и втянул ноздрями воздух. Кутузка толкнула его плечом, чего застыл, мол? Но Рекс, не обращая на неё внимания, побежал туда, откуда шёл запах. А он тянулся от детской площадки, точнее — от маленького домика, стоящего там. От домика несло перегаром, блевотиной, объедками и человеческими экскрементами. Рекс осторожно заглянул внутрь. Никого. Деньгами пахло из-под валявшейся на полу газеты, в которую некогда была завернута копчёная селёдка. Рекс отодвинул ее и увидел мужское портмоне. Схватив добычу зубами, щенок хотел отнести её Стёпе. Но Кутузка, увидев, что её вожак что-то тащит, решила, что это новая игра. Она подскочила к Рексу, выхватила из его пасти кошелек и устремилась к арочному выходу со двора, где уже маячила Стёпина спина. Вот тут-то Кутузка и узнала, в кого превращается рассерженный Рекс. Вздвигив шерсть на загривке и оскалив зубы, он в три прыжка догнал воровку и с ходу сбил ее. Кутузка кубарем покатила по снегу, жалобно взвизгнув. Портмоне отлетело в сторону, но Рексу сейчас было

не до него. Навалившись всем телом на подружку, он, недолго думая, сомкнул челюсти на её горле. Кутузка истошно взвыла.

Услышав собачий рык и вой, Стёпа обернулся и закричал во всё горло: «Немец, ты что делаешь, зараза! А ну оставь Кутузку!» Рекс всё слышал, но никак не отреагировал. А челюсти ещё сильнее сжались на горле жертвы. «Немец, перестань! — хромая, спешил к месту расправы Стёпа. — Слышь, кому говорю! Отпусти Кутузку, фашист проклятый! — Рекс, казалось, потерял всякую связь с реальностью. Дикий Пёс жаждал крови! — Нельзя, Немец! Оставь её! Немец, фу!!!» — не умолкал Стёпа, ткнул обидчика палкой.

От этого тычка Рекс опомнился, зубы его разжались. Придушенная Кутузка хватала пастью воздух. Немного успокоившись после вспышки гнева, Рекс отошёл от нее.

В чем причина такой агрессии? Объясняться словами Рекс не умел, а если б мог, то рассказал бы Степе, что от портмоне пахло тем вожаком, который приезжал на дачу к Виталию. Чем же так провинилась Кутузка? Дело в том, что она, сама того не зная, схватила вещь, принадлежащую Петровичу — любимому вожаку Рекса.

Он, извиняясь, лизнул подружку в ухо, схватил портмоне и подбежал к Стёпе. Тот

только укоризненно головой покачал. «Так ты из-за денег на неё набросился, Немец? — разочарованно говорил бож. — Дурак ты, дурак, хоть и умный! Деньги — ничто, пыль! А ты жизни — кхек-кхе! — божью тварь собрался из-за них лишить?! Какой ты, Немец, самый что ни на есть настоящий фашист! Гитлер, одним словом». Стёпа взял портмоне, открыл его. «Ну, ни фиги себе!» — присвистнул он. Воробато огляделся, не видел ли кто их с Рексом добычу, и скомандовал: «А ну за мной!» — и быстро-быстро захромал со двора. Рекс и напуганная им Кутузка поспешили следом.

В закуске между гаражами, притулившимися возле какой-то стройки, Стёпа вновь открыл портмоне и пересчитал имеющуюся в нём наличность. «Ну, ни фиги себе! Пятьдесят три тысячи восемьсот пятьдесят рублей! Ох, чуёт моё сердце, не к добру — кхек-кхе! — всё это...»

(Окончание следует.)

Анатолий Юрьевич ЕРОШКИН

родился в Карелии.

Работал в карельских СМИ.

Заслуженный журналист Республики Карелия,

член Союза журналистов России.

Пишет стихи, прозу для взрослых и детей.

Автор трех книг.

Победитель Открытого литературного фестиваля-конкурса

«Кубань литературная» в номинации «Большая проза»

(2022, за роман «Рекс»),

I международного конкурса литературной фантастики

«Кубок Брэдли-2018» в номинации «Выбор читателей»

и ряда других конкурсов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

